

ОЛБГА ПАШИННА

СВИДАНИЯ
СО ЗАОЛБЕМ

Annotation

Габриэл Гримвелл — темный маг, глава богатейшей семьи Чармерда, убежденный холостяк и чертовски сложный мужчина. Циничен, скор на расправу, холоден и жесток. А еще он готов заплатить жизнью, чтобы защитить семью. В которую я и собиралась войти, став женой его племянника.

Впрочем, быстро выяснилось, что род Гримвеллов хранит много секретов, а за безопасность удобнее платить чужими жизнями. И Габриэл в моей истории — самый настоящий злодей.

Который открыл на меня охоту.

-
- [Пашнина Ольга](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
-

Пашнина Ольга
Свидания со злодеем

Пролог

Что лучше: попасть в лапы жуткого мага, жаждущего мести или застрять в грозу посреди леса?

Вопрос философский. И бессмысленный, потому что я все равно застряла. Воид несколько раз угрюмо фыркнул, хрюкнул, как-то подозрительно вздрогнул и заглох. Бревно, валявшееся рядом, заросшее мхом и грибами, всем своим видом демонстрировало, что совершенно не виновато в том, что его задела краем крыла. Я, мол, тут уже лет сто лежу, все дело в тебе, это ты, Теана Морнингблум, такая криворукая.

Я даже не собиралась с этим спорить, но досада на себя едва не заставила плакать. За что?! Ведь все шло так хорошо! Я отсиделась в какой-то глуши, за копейки взяла выдавший виды, но крепкий и надежный воид, и почти пересекла границу. И вот, в каких-то двух дня пути от долгожданной свободы, мне встретилось это бревно.

Параноя внутри нашептывала привычное «А если это он? Если бревно на твоём пути — дело рук Габриэла Гримвелла?». Но я быстро отбросила такие мысли. Во-первых, потому что так недолго и сойти с ума, во-вторых, потому что бревно определенно лежит здесь давно. Если бы оно было свежим или виднелись следы того, что его тащили. Но нет. В сердцах я пнула его, и из темного нутра с писком выскочила дождевая мышь, взмахнула крылышками — и проворно забралась на ближайшее дерево.

— Прости, маленькая, — вздохнула я. — Ты, конечно, не виновата, что твой домик угробил мне воид.

За те несколько минут, что я пробыла снаружи, вымокла до нитки. С неба все лилась и лилась холодная вода, повсюду грохотало, словно гроза подошла к леску, невольно ставшему мне ловушкой, сразу со всех сторон. Вернувшись в кабину воида, я достала из кармана плаща часы. Всего лишь семь часов вечера, а темно, как будто настала ночь.

И что теперь делать? Я не могу сидеть здесь все время, нужно как-то или завести воид, или выйти к людям и найти помощи. Только вот деньги заканчиваются. Хватит ли их на ремонт?

Я устало потерла глаза. Хотелось в тепло, выпить чашку горячего чая и закрыть глаза хотя бы на пару часов. Я ехала с самого утра, без перерыва, лишь раз вышла, чтобы размяться и немного освежиться. Хотелось как можно скорее пересечь границу и забыть о Гримвеллах, как о страшном сне.

Черт... ночной лес во время грозы — не самая лучшая декорация для мыслей о Габриэле Гримвелле. Он и его семейство превратили мою жизнь в кошмар. Еще несколько недель назад я была счастливой невестой, о чьей свадьбе писали во всех столичных газетах. Меня называли не иначе как «народной принцессой» — настолько сильно прогремела история о том, как приютская выпускница стала избранницей наследника одной из богатейших в стране фамилий. Это действительно была сказка, моя удача, моя любовь. Шикарное белое платье, тысячи приглашенных гостей.

Теперь я в бегах, и если однажды еще решусь выйти замуж, то только за полного сироту! У которого нет ни одного родственника! Ни сумасшедшей сестренки, ни напыщенной мамочки, ни, будь он проклят, мрачного дяди с безграничными возможностями! Плевать на богатство, плевать на роскошный дворец, плевать на славу, мне больше не нужен принц!

— Спокойно, Теана, спокойно! — Я закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. — Надо что-то делать. Нельзя здесь сидеть.

Если гроза продлится дольше, то крыша воида может протечь, а сама я замерзну, и будет большой удачей, если не слягу с простудой. Мне никак нельзя попадать в госпиталь, я должна добраться до Эйнгории.

Я лихорадочно рылась в сумке, разыскивая карту. Вообще старая дорога была прямая и единственная, так что тоненький атлас с картой местности возле границы я почти не доставала. Но теперь он бы пригодился, вдруг неподалеку есть какая-нибудь деревушка или затерянный, забытый всеми, городок? Маловероятно, что там кто-нибудь сможет починить воид, но, может, хотя бы снять комнату получится.

Увы мне. Ближайший город обнаружился в сутках пути. Я бы рискнула и отправилась по старой дороге пешком, но не в дождь, конечно. Теперь я уже не сомневалась, что придется идти пешком, но еще надеялась хотя бы отдохнуть перед последним рывком к свободе.

И сердце вдруг забилось чаще, когда я обнаружила небольшую точку на карте.

— Поместье «Фирвуд», — прочитала едва различимые буквы.

Вот уж не думала, что здесь найдется поместье, но, в конце концов, раньше старая дорога была совсем не такой заброшенной и пугающей. По ней между Эйнгорией и Чармердом шли торговые процессии, по ней путешественники добирались до южных хребтов, она же служила единственным путем к озерному краю. И только после постройки Чармердского моста старая дорога превратилась в укрытие тех путников, кто не хотел, чтобы их нашли. Лес быстро отвоевал свои права там, откуда ушел человек, и теперь у меня нет другого выбора — только отправиться в поместье.

Я быстро переоделась в сухое, тщательно укрыла вещи в рюкзаке, и с сожалением окинула взглядом потрепанный салон воида, верой и правдой послужившего мне несколько дней. Что ни говори, но даже если он больше не сдвинется с места, я все равно почти у цели.

Поместье «Фирвуд», если верить карте, располагалось в часе ходьбы от старой дороги. Должно быть, кто-то из богачей в прошлом веке построил его здесь специально, чтобы сбегать от городской суеты поближе к природе. Здесь действительно даже воздух был прекрасен: от него немного кружилась голова. Свежесть дождя безмерно бы меня радовала, если бы я сейчас сидела дома, с чашкой горячего травяного чая, и смотрела на оживленную улицу, предвкушая свадебное торжество.

Нет... нет, нельзя думать о свадьбе. Я больше не невеста, я — беглянка, против которой восстало настоящее зло. И пусть кто-то скажет, что я сама во всем виновата, никогда не пожалею, что сдала Габриэла Гримвелла властям! У него есть деньги, чтобы откупиться даже от самой Звездноликой, но пусть знает, что далеко не все готовы склониться от одного упоминания его фамилии.

Поместье, скорее всего, заброшено, но вряд ли разрушено. В те времена строили на века. Там должно быть сухо, а еще наверняка есть какая-никакая постель и камин, который можно растопить — у меня в рюкзаке есть пара долгогорящих поленьев для обогрева. Жаль только вряд ли в старом особняке найдется еда. Но к этому я привыкла.

Упрямо шагая через лес, под проливным дождем, вздрагивая от раскатов грома и вспышек молнии, я уже не надеялась выйти к дому. Мрачные мысли то и дело ввергали в уныние. А если на карте ошибка? А если от дома остались одни руины? А если я иду не туда? Но я упрямо заставляла себя шагать, сверялась с картой, поскользывалась на размытой непогодой дороге. И, когда вдруг вывернула прямо на поместье, поначалу не поверила своим глазам.

Вдалеке от дороги, среди заросшего, но все еще великолепного сада, высился настоящий замок. Когда-то камень был светлым, но время на пару со стихией, придали замку мрачность и какую-то особую красоту. Он оказался старше, чем я предполагала: остроконечные башенки и узкие окна были в моде лет двести назад, весь центр столицы был застроен такими дворцами. Их тщательно берегли — после войны осталось мало памятников архитектуры.

Но самым главным было то, что поместье было обитаемо! На втором этаже горели сразу четыре окна, и это были не бродяги, разведшие костер, это был нормальный яркий свет, а окна были занавешены шторами! Показалось даже, в одном из окон мелькнула темная фигура!

Несколько минут я колебалась. Но холод, дождь и сбитые в кровь ноги оказались способны развеять любые опасения. Даже если там окажутся злые люди, я готова рискнуть. Остаться на ночь в сломавшемся воиде или вовсе в лесу, под открытым небом, было бы подобно смерти.

Я бегом рванула к воротам, которые, конечно, оказались закрыты. Зато обнаружился звонок. Руки слушались плохо, но я несколько раз нажала на бронзовую изящную кнопку. Спустя мучительную минуту раздался хриплый недовольный голос:

— Слушаю.

— Извините, пожалуйста... не могли бы вы разрешить мне погреться? Мой воид сломался в лесу, на старой дороге, я направлялась к границе. Я очень замерзла, здесь ужасный дождь! Прошу вас! У меня нет дурных намерений!

Ответом стала тишина. В отчаянии, вдруг испугавшись, что такая близкая надежда на тепло, превратилась в призрачную, я снова нажала на кнопку:

— Господин... милорд, я умоляю, я не причиню вам беспокойства, я... у меня есть немного денег! В округе ни одной деревушки, я не знаю, сколько будет длиться гроза, клянусь, что...

С негромким скрипом ворота медленно начали открываться, и от облегчения я едва не разрыдалась. Не стала ждать, когда ворота откроются до конца, юркнула через образовавшуюся щель и припустила по дорожке к дверям дома. Показавшийся заброшенным сад в ближайшем рассмотрении оказался довольно ухоженным и свежим. Он отличался от принятой в столице геометричности, был каким-то излишне хаотичным, но все же довольно красивым.

Перед дверью я в нерешительности остановилась, не зная, будет уместно ждать, когда мне откроют и пригласят, постучать или войти самой. Наконец я осторожно постучала — и дверь от малейшего усилия открылась.

О, Звездолика, от тепла, в которое я вошла, разлилось наслаждение! Просто невероятно, какой восторг может вызвать крыша над головой и осознание, что сверху больше не льется ледяная вода. Правда, из-за контраста температур я начала мелко дрожать. Но это были такие мелочи в сравнении с перспективой ночевки в лесу!

Открыв рот, я рассматривала огромный холл в серо-синих тонах. Уходящая вверх широкая винтовая лестница была закрыта роскошным мягким ковром. Сквозь окна с невероятной красоты витражами пробивался тусклый свет. Полумрак скрывал картины и канделябры на стенах, но и без того было совершенно ясно: дом обитаем, и его хозяин тщательно следит за роскошной обстановкой.

Интересно, кто он? Аристократ-отшельник? Приехавший в отпуск богач?

Не хотелось бесцельно шататься по чужому дому: от обуви на полу оставались безобразные влажные следы. Но никто не спешил со мной знакомиться, и стало как-то не по себе. Я сделала несколько шагов к центру холла, чтобы посмотреть наверх.

— Извините, — осторожно позвала я, — понимаю, что доставляю неудобства, но нельзя ли мне воспользоваться ванной?

— Мой дом к твоим услугам, Теана.

Нет! Нет, только не это! Голос не может принадлежать ему, это какой-то сон!

Я резко обернулась, а в следующую секунду холодный мокрый лес стал самым желанным домом на свете! Прежде, чем испуганный возглас сорвался с губ, я бросилась к двери, но та с оглушительным грохотом закрылась. Следом закрылись и окна, а канделябры на стенах сами собой вспыхнули, осветив холл жутковатым красно-оранжевым светом.

— Ты можешь воспользоваться ванной на втором этаже, рядом со своей комнатой, Теана. Все уже готово. Рекомендую хорошенько отдохнуть, потому что тебе придется задержаться.

Габриэл Гримвелл улыбнулся. Впрочем, его улыбка была обманчива: темные глаза оставались серьезными, и отблески огня в них не обещали мне ничего хорошего.

Глава первая

— Леди Морнингблум, я не еще не видела невесты красивее вас.

Я хихикнула и сделала еще один глоток золотистого вина. Оно настраивало на легкомысленный лад, мне хотелось кружиться перед зеркалом, перемерить все платья в салоне и уж точно парочку купить. На то и был расчет, я полагаю.

Мы перебрали добрый десяток нарядов, и каждый я рассматривала с ошеломлением девочки, которая никогда даже издали не видела роскошной жизни. Одно платье здесь стоило, как годовой бюджет приюта, где я выросла, но для Гримвеллов все это были копейки. Хотя я все равно нервничала.

— Может, посмотрим что-нибудь попроще? — спросила у жениха. — Свадебное платье надевают всего один раз в жизни. Тратить целое состояния неразумно.

Он улыбнулся.

— Знаешь, помимо того, что я в тебе люблю, есть особое удовольствие тебя баловать, Теана. Свадьбу оплачивает дядя, и знаешь, за суровое воспитание он обязан раскошелиться по полной. Какое тебе нравится?

Мы дружно посмотрели на кремовое. Оно не изобиловало украшениями, но словно было сшито из тончайшей, почти невесомой, ткани. Нежное кружево, кокетливая пуговка на спине, пышная струящаяся юбка — и тысячи крошечных кристаллов, сверкавших отблесками солнечных лучей.

Оно было идеальным. Платье-мечта для свадьбы мечты.

— Мадам, — обратился жених к хозяйке, — нам нужно еще одно вечернее платье. Для ужина с моей семьей.

При мысли о нем у меня вспотели ладони.

— Ну что ты снова нервничаешь, Теана?

— Вдруг я не понравлюсь твоей семье?

— Так. — Любимый взял меня за руки. — Моя семья — богатейшая в Чармерде. Они не могут позволить себе бездумно впускать в свой круг посторонних. А значит что?

— Что?

— Тебя уже проверили, и дядя знает о тебе все. И ты им уже нравишься. Они уважают мой выбор, убедились, что ты — не шпионка из стана врага, и теперь хотят познакомиться с будущей родственницей. К тому же дядя уже оплатил часть приготовлений к свадьбе. Как думаешь, стал бы он делать это, если бы собирался запретить нам пожениться?

— Ты же сам сказал, что Гримвеллам плевать на деньги.

Он рассмеялся, и я невольно залюбовалась тем, как небрежно темные пряди волос выбились из идеальной прически. Генри всегда носил волосы до плеч и собирал их в хвост или косу. Он знал, что выглядит сногшибательно и часто этим пользовался. Порой я задавала себе вопрос: почему наследник такой семьи заинтересовался мной, сиротой из приюта, которой даже фамилию дали ненастоящую.

— Подловила. Но дядя не такой. Он иногда перегибает палку, может быть суров, забывает, что мы давно выросли и нас уже не нужно воспитывать, но если он дал деньги и приказал обустроить нам апартаменты — ты в семье, Теана Гримвелл.

Я улыбнулась, услышав непривычное звучание собственного имени.

— Погоди. Обустроить апартаменты? Мы что, будем жить в вашем доме?

— Первое время. — Генри пожал плечами. — Мне нужно закончить учебу и перенять часть дел, дядя вводит меня в курс. Если мы переедем, я совсем не буду тебя видеть. Мне не хочется тратить первые годы после свадьбы на редкие свидания в выходные. Ты против?

— Нет... — Я закусила губу.

Жить в огромном доме, почти замке? Рядом с его семьей? С нелюдимым и мрачным дядей? Я была готова ради Генри на все, но это совершенно не значило, что не боялась новой жизни.

— Мне тоже хочется чем-нибудь заняться. Обучиться или найти работу.

— Поговорим об этом после свадьбы.

Да. В семье Гримвеллов не слишком жалуют работающих женщин. Что бы ни писали о семье Генри, женщины в его семье как правило служили дорогими аксессуарами на светских мероприятиях. Конечно, я знала, что они занимаются благотворительностью, и даже в

свое время получала грант от Дебры Гримвелл — тетушки Генри, но все же не могла отделаться от ощущения, что жен они воспринимали примерно как неразумных детей, которым, в рамках адекватного воспитания, конечно, стоило давать немного свободы и ответственности.

Впрочем, к Генри это мало относилось. Мы встретились в библиотеке, и до сих пор могли говорить часами. Спорить, обсуждать новости, историю, искусство. Мы посещали выставки и концерты, а после устраивали бурные дебаты. Гуляли по старым улицам, рассказывая друг другу жуткие детективные истории. Порой мне казалось, я знаю Генри всю жизнь.

Порой мне казалось, я знаю Генри всю жизнь.

Звякнул колокольчик — мальчик-почтовик бесшумно и быстро положил на специальную полку стопку конвертов и свежую газету, забрал заранее приготовленную монету и так же тихо выскользнул на улицу.

— Вот, леди Морнингблум. — Мадам вернулась с охапкой вешалок. — Примерьте. О, принесли почту. Отлично, я как раз жду приглашение на ежегодный модный бал... о, Звездоликая!

Пока я рассматривала всевозможные платья и ткани, Генри и владелица салона склонились над свежей газетой, и при этом их лица были такими мрачными, что на миг я подумала, будто свадьбу отменили и написали об этом на первой полосе. Потом я тут же отругала себя за эгоизм: а если что-то случилось?

— Все в порядке? — спросила я, подходя ближе.

«Овечка в волчьей шкуре» — гласил заголовок. Нахмурившись, я вчиталась в первые строки.

«Сегодня утром по обвинению в колдовстве была задержана леди Миранда Харсперин, вдова известного критика. Знаменитая своей благотворительностью и меценатством, леди Харсперин десятилетиями скрывала приверженность к запрещенному культу. Смертный приговор был вынесен спустя шесть часов после задержания. Казнь пройдет в Министерстве Справедливости двадцать пятого дня месяца Орла».

— О... я слышала о ней. Как ужасно.

По коже прошелся мороз от мысли, что даже в высшем обществе встречаются люди, обращающиеся к колдовству. Теперь, когда я без

пяти минут жена Генри, мне еще страшнее от этой мысли, ведь скрыть магию гораздо проще, если есть деньги. Каждый, с кем мы общаемся, может быть преступником и убийцей.

— Никогда бы не подумала, что леди, так самоотверженно отдающая себя благотворительности, может быть монстром внутри.

Мадам и Генри как-то странно переглянулись. Они, должно быть, знали Миранду Харсперин лично, и теперь пребывали в шоке.

— Дорогая, — расплылась в улыбке мадам, — стоит поторопиться с платьями, тебе ведь еще нужно сделать прическу, непременно отдохнуть и расслабиться перед ужином.

— Да, вы правы. — Я тряхнула головой. — Извините, меня просто очень пугают сообщения о магии. Моих родителей убила колдунья. Они стали ее последними жертвами, стража не успела буквально на несколько минут. Я выросла в приюте и с тех пор постоянно думаю о том, что понятия «безопасность» не существует.

— Не бойся, — улыбнулся Генри, — в моей семье тебя будут оберегать и защищать от всякого зла, малыш. Примерь красное.

— Красное? — Я с сомнением посмотрела на жениха. — А не слишком агрессивно для знакомства с семьей?

— Доверься мне. Дядя Габриэл любит красное. И красивых девушек в красном.

Заметив выражение моего лица, он довольно расхохотался.

— Звездоликая, ты — чудо. Не бойся так, дядя — убежденный холостяк. В шестнадцать ему пришлось стать главой семьи и воспитывать братьев и сестер, так что вся его юность прошла... м-м-м... прошла и следа не осталось. И теперь он не жаждет связывать себя отношениями, наслаждается одиночеством, деньгами и властью. Ну и свободным женщинами.

— В красном, — добавила я.

— Ты слишком юная для искушенного Габриэла Гримвелла. А вот для меня...

Я хихикнула, увернувшись от поцелуя, схватила роскошное красное платье и скрылась в примерочной. Но вот ощущение мороза на коже не исчезло, мне казалось, словно в салоне появился дух арестованной колдуньи и внимательно за нами наблюдал. Я знала этот страх, он отпустит и позволит сделать вдох только когда Миранду Харсперин казнят, не раньше.

Платье село как влитое, и я с удивлением рассматривала себя в отражении. Если в свадебном платье еще недавно по салону кружилась юная девчонка, впервые очутившаяся среди роскоши, то в этом темно-красном платье в свет вышла леди Теана Гримвелл, супруга наследника империи Гримвеллов. Оно было сшито из плотной ткани, идеально облегающей тело. Очень скромное, даже слишком: с длинными рукавами, неглубоким V-образным вырезом и тяжелой юбкой в пол. И лишь в движении полы платья расходились, обнажая высокий разрез на ноге.

Меня позабавила реакция Генри, когда я вышла из примерочной. Сначала на его лице было написано что-то вроде «а не слишком ли?», но когда я сделала шаг вперед, в глубине синих глаз зажглись огоньки желания. Сотни девушек отдали бы все на свете, чтобы этот парень ТАК на них смотрел.

— Да. Идеально! Берем?

Я осторожно кивнула. У Мадам действительно было чутье на платье, не зря она держала лучший столичный салон. Даже не верилось, что я и вправду здесь, в залитом светом зале, в окружении зеркал, в которых отражается какая-то непривычно красивая и счастливая Теана.

Генри протянул мне руку, чтобы помочь подняться на подиум — платье следовало чуть укоротить.

— Готова к новой жизни?

О, да. Я была готова. Правда, под новой жизнью представляла себе кое-что совершенно иное.

Двери особняка Гримвеллов распахнулись передо мной и Генри. Худенькая миловидная служанка почтительно склонилась, и меня накрыло странным ощущением нереальности. Как будто это не для меня открывают двери и не в мою честь устраивают званый ужин. Хорошо, что Генри все это время держал меня за руку, иначе я бы дрожала, как осиновый лист. Я и так дрожала, но за вежливой улыбкой пока удавалось скрывать дикую панику.

— Все будет хорошо, — шепнул Генри. — Ты выглядишь идеально.

Потом мы сделали шаг в большую гостиную, и взгляды присутствующих обратились к нам.

Здесь было очень уютно, хоть и на мой взгляд темновато. Горел камин, треск поленьев наполнял комнату уютом. Дамы и господа в платьях и костюмах беседовали, разбившись на группы. У каждого в руках был бокал с каким-то напитком. Предположительно вином у женщин, и коньяком или виски — у мужчин.

— Генри! — темноволосая женщина в темно-зеленом закрытом платье направилась к нам.

Она, как и многие дамы высшего общества в возрасте, закрывала шею и предпочитала носить платья с высокими воротниками. Считалось, что шея и руки — то, что выдает в женщине возраст, так что когда она изящным движением взяла с подноса проходившего мимо официанта бокал и протянула мне, я увидела тонкие перчатки в тон платья.

— Вы, должно быть, Теана. Мое имя Диана Гримвелл. Я мать Генри.

Ну, здравствуй, будущая свекровь.

— Рада встретиться с вами, леди Гримвелл. Генри очень много о вас рассказывал и тепло отзывался.

Она рассмеялась.

— Что ж, дорогой, ты же не обидишься, если я стану любить твою невесту сильнее, чем тебя?

— Мама, не смущай Теану. Я не мог рассказать ей о том, какой ты бываешь, потому что иначе она сбежала бы на второй день после помолвки.

Я залилась краской и опасно покосилась на жениха. Похоже, они привыкли подтрунивать друг над другом. А я, выросшая в строгой дисциплине с тотальным отсутствием тепла между воспитательницами и воспитанниками, слегка пугалась такой непринужденности.

— Я поздравляю вас, Теана. И рада, что Генри выбрал себе невесту. Мне хочется, чтобы его судьба сложилась счастливее моей. Понимаете?

— Да. Конечно. Я люблю Генри, у вас чудесный сын, и я благодарна Звездоликой за нашу встречу.

К нам постепенно начали подтягиваться и остальные гости, которым я вскоре потеряла счет. Поначалу я очень нервничала, что не могу запомнить имена и родственные связи всех присутствующих, но вскоре поняла, что они быстро теряли ко мне интерес. Для

большинства невеста Генри — всего лишь очередная будущая дальняя родственница. На нее интересно посмотреть, ей нужно представиться, но не более того. Гостей больше интересовали собственные новости, светские сплетни и угощение.

Только одна девушка запомнилась мне особо. Она не стала представляться, а остановилась напротив нас с Генри и смерила меня насмешливым взглядом. Закатив глаза, жених произнес:

— Теана, это моя сестра, Сибилла. Сибилла, это моя невеста, Теана. Будь с ней, пожалуйста, учтивая.

Последнюю фразу он произнес с нажимом.

— Не обращай внимания, — шепнул мне, когда Сибилла все так же молча отошла к матери.

Мне показалось, они обсуждали меня, но я усилием воли заставила себя отмахнуться от этой мысли.

— Сибилла не совсем... м-м-м... здорова. И к тому же недавно ее бросил жених, так что к нашей свадьбе она относится очень нервно. Да что там? Она ко всему относится нервно, даже если это лишь смена дня и ночи. Знаешь ведь, в каждой большой и богатой семье должна быть безумная эксцентричная тетушка. В нашей это эксцентричная сестричка Сибилла.

— А где твой дядя? Он уже не пришел?

Усмехнувшись, Генри кивнул на кресло, что стояло напротив камина, спинкой к присутствующим. Мне казалось, там никого не было, и я еще удивилась: зачем в разгар приема ставить так кресло?

— Он что, к нам не подойдет?

— Да, — после паузы сказал Генри, — пожалуй, в нашей семье два эксцентричных члена. И один из них — дядя.

Я еще не видела Габриэлла Гримвелла, он редко выходил в свет и почти не появлялся на страницах газет, предпочитая уединение и некий ореол таинственности. Но в моем воображении глава семьи Гримвеллов был классическим дядюшкой: слегка циничным, стареющим джентльменом старой закалки. Поэтому когда Генри подвел меня к креслу и произнес «Дядя, позволь представить тебе мою невесту Теану», я не сразу сопоставила образ из головы с реальностью.

А в реальности Габриэл Гримвелл оказался довольно молодым мужчиной. Пожалуй, ему даже не было сорока, он был ошеломительно

красив и настолько же сильно пугающ. Темные глаза смотрели в самую душу. Цепко, безжалостно, равнодушно и холодно. Его пиджак небрежно висел на подлокотнике кресла, а рукава черной атласной рубашки были безжалостно закатаны к локтям. Они обнажали сильные руки человека, который привык к физическим тренировкам.

— Генри, — уголками губ улыбнулся Габриэл, — извини. Задумался. Садитесь.

Он кивнул на небольшую софу рядом. Не без наслаждения я села — ноги очень устали в новых туфлях.

— Теана, значит.

Мне было не по себе под пронзительным взглядом мужчины. Я не ждала встречи с добрым весельчаком, но уж точно не ожидала, что Габриэл Гримвелл будет обладать такой жутковатой темной притягательностью. А еще он изучал меня, как бабочку, иглой пригвожденную к картонке. Не заботясь о том, чтобы произвести приятное впечатление и не выказывая ровным счетом никаких светлых эмоций.

— Генри, дорогой, — раздалось где-то вдалеке, — помоги нам с бутылкой, пожалуйста, в этом доме словно нет прислуги! Куда они все запропалились?!

— Дядя? — Генри вопросительно взглянул на Габриэла, ожидая разрешения.

Тот медленно кивнул, и я начала подниматься следом за женихом. Но едва заметным жестом он остановил и коротко покачал головой. Да... да, это было бы невежливо, но как же страшно было оставаться наедине с этим жутким Габриэлом! Я с такой силой сжала ножку бокала, что она едва не сломалась.

— Теана. Чем вы занимаетесь?

— Я няня.

— Няня? Вы нигде не учитесь?

— Я выросла в приюте, накопленных денег хватило лишь на курсы для гувернанток при детском саде. Однако я надеюсь, что получится восполнить недостаток образования после свадьбы.

— Иными словами, что наша семья оплатит вашу учебу.

Я опешила и почувствовала себя так, словно сверху кто-то вылил ведро ледяной воды. Габриэл Гримвелл смотрел пристально, почти не мигая.

— Нет, я не имела в виду...

— Что вы имели в виду, мне понятно. Глупо не пользоваться привилегиями, которые станут положены вам после свадьбы с моим племянником.

Вдруг внутри полыхнуло злостью. Совершенно лишней, дурацкой гордостью девочки, которая так и не привыкла к милостыни и благотворительности в свой адрес.

— Я могла бы прийти на ужин, лорд Гримвелл, в своем выходном платье, оно довольно милое, хоть и простое. А в мастерской при приюте есть швея, которая за разумную цену может сшить свадебное платье, соответствующее моему достатку и статусу. И мы с Генри могли бы жить в моей крошечной съемной комнате в рабочем квартале. В саду, где я работала, чудесные дети, а еще платят неплохое жалованье в срок. Образование вашего племянника позволило бы нам жить не хуже моих соседей — семей портных, кожевников, рабочих дороги. Но Генри носит фамилию Гримвеллов, и вряд ли вы позволите ему считать монеты от зарплаты до зарплаты, экономить воду и есть испеченный мной хлеб. Поэтому я взяла на себя смелость предположить, что малообразованная серая мышка в роли жены Генри не понравится вам куда сильнее, чем сирота на содержании. Именно поэтому Генри купил для меня это роскошное платье и рассчитывает оплатить мое образование. Я прошу его лишь о любви, деньги нужны лишь чтобы эта любовь не разбилась о разницу между нами.

— Вы на всех так накидываетесь, Теана? — с удивлением поднял брови Габриэл.

Чувствуя себя последней дурой, я залилась краской от стыда за то, что сорвалась. Спокойнее, Теана! Это далеко не первая шпилька, которую ты получишь в свой адрес.

— Я чем-то смутил вас? Обидел? Ведь я задаю логичные для главы семьи вопросы. Генри мне как сын.

Да, если только он завел его в шестнадцать.

— Простите. Я не думала, что все произойдет... так.

— Вы не были готовы к тому, что я заинтересуюсь вашей мотивацией?

— Считала, вы станете действовать тоньше. Под благовидным предлогом отошлете куда-нибудь Генри, позовете меня прогуляться,

заведете непринужденную беседу и мягко намекнете о своих опасениях.

— Что ж, я сэкономил нам обоим кучу времени.

И чуть не довел меня до обморока. Он мог сделать это одним взглядом, а уж сочетание бархатистого голоса, холода и неявной, но все же враждебности, довело меня едва ли не до нервного срыва — руки дрожали. От Габриэла это не укрылось.

— Выпейте вина, Теана, расслабьтесь.

— Я не пью, но спасибо.

— Не пьете, вот как. Совсем? На это есть причина?

— Алкоголь слишком раскрепощает. Толкает на необдуманные поступки и раскрывает лишние секреты.

Я ляпнула это прежде, чем успела подумать, что в компании старшего Гримвелла вообще не стоит упоминать секреты, тайны и личное. Он вытащит и препарирует все, что мне хочется оставить себе.

— Выходит, у вас есть секреты, Теана?

— У всех есть секреты. Вопрос лишь в том, что принесет их раскрытие.

— Верно. И что оно принесет вам? Я рассчитываю на честный ответ.

— Боль, — пожала я плечами. — Мои секреты основаны на воспоминаниях. Я не хочу снова в них погружаться, они довольно болезненны.

— Как жаль, — улыбнулся Габриэл, — что мне плевать. Если вы хотите замуж за Генри, я должен знать о вас все, Теана. Даже то, что вы не готовы мне рассказать. И — как вы выразились? — вопрос лишь в том, как я все узнаю. От вас или своими силами.

Я работала с детьми, и могла с легкостью нащупать ту самую грань, за которой упрямство ребенка переходит в неконтролируемую истерику, когда уже сам малыш рад бы перестать рыдать и капризничать, но не может этого сделать чисто физически. В такие моменты стоило отступить, перестать давить и оставить ребенка в покое — и через некоторое время зайти со второй попыткой. Я знала об этой особенности, а вот Габриэл — нет. Если бы он сейчас улыбнулся, разрядил момент, а в конце вечера задал вопрос снова, я рассказала бы о жутких воспоминаниях, не дававших покоя, которые всколыхнула новость о Миранде Харсперин.

Но он продолжал буравить меня взглядом, и я не выдержала.

— Извините, лорд Гримвелл. Будет лучше, если вы утолите свое любопытство сами.

Он вдруг неожиданно цепко схватил меня за запястье, не позволяя подняться.

— Первый ваш неверный ответ за сегодня, Теана. Вы сильно рискуете.

— Я хочу замуж за Генри. Хочу жить с ним в сказочном мире, где не существует проблемы «на что купить еду». Но по таким правилам я играть не готова. У меня нет страшных тайн, способных навредить вашей семье, но есть личное. Мой ответ, может, и неверный, но вот вы за несколько минут задали целый ворох неверных вопросов. Или жестоких.

— Я не был бы главой этой семьи, если бы не умел задавать такие вопросы.

— Приятного вечера, лорд.

Ему пришлось отпустить меня, потому что если бы мы продолжали упираться, стычка неизбежно привлекла бы внимание. Когда я отошла от камина, то словно глотнула холодный чистый воздух. Меня трясло так, словно после долгого пребывания на морозе я вошла в помещение. Судорожно оглядываясь в поисках Генри, я случайно толкнула Сибиллу.

— Звездоликая, ты и в койке такая же неуклюжая? — проворчала она.

А по моему шикарному платью ценой с комнату, что я снимала, медленно стекали капли золотистого пряного вина.

— Теана... о, милая! — подоспевший Генри обеспокоенно на меня посмотрел. — Сибилла! Неужели нельзя быть аккуратнее?

— Твоя шл...

Он многозначительно посмотрел на сестру.

— Невеста не смотрит, куда идет. Я думала, она прошла курсы для нищенок, которых приняли в высшее общество.

— Еще не приняли, — улыбнулась я, — сходите к дяде, Сибилла, вдруг удастся договориться, чтобы этого не случилось?

— Дамы! — Генри даже побледнел. — Пожалуйста, не будем устраивать споры. Теана, идем, я провожу тебя в ванную.

Ничего не оставалось как под обжигающе ненавистным взглядом сестрички Генри проследовать за женихом вглубь дома, туда, где я еще не бывала. Полумрак придавал длинным коридорам какую-то зловещую тусклость. Дом был огромный и богатый, но холодный, неуютный. Да, точно, неуютный. В приюте воспитательницы как могли создавали уют: цветами на подставках, милыми вещичками, пейзажами в коридорах, рамочками с фото в столовой. Я и став выпускницей, старалась обустроить скромное гнездышко так, чтобы в нем было приятно и уютно находиться.

А вот в доме Гримвеллов никто не стремился создавать и поддерживать уют.

— Он не даст разрешение на свадьбу, — вдруг вырвалось у меня.

— Что? — Генри остановился. — Теана, малыш, на тебе нет лица. Что такого сказала Сибилла? Не обращай внимание, моя сестра ненавидит всех, включая...

— Сибилла ни при чем. Я о твоём дяде. У нас вышел ужасный разговор. Генри, я ему нагрубила!

— Нагрубила? Теана! Зачем?!

— Он вел себя, как... не знаю, ужасно! Задавал личные вопросы, обвинил меня в меркантильности, загнал в угол! Я испугалась! Сказала, что мое прошлое — не его дело, и отвечать на вопросы, заданные в таком тоне, я не стану.

Генри сокрушенно качал головой, и в моей душе робко пробивались первые ростки разочарования. Почему он не скажет, что все будет хорошо? Почему не поддержит меня? Неужели он ждал, что я сломя голову брошусь в яму с голодными волками и дам себя растерзать? Это он имел в виду, когда уверял, что я понравлюсь его семье? Думал, тихая сиротка Теана будет покорно позволять грязными лапами копать в ее душе?

— Тебе не стоило поддаваться на провокации. Дядя — своеобразный человек, для него не существует личного, он привык получать ответы на свои вопросы.

— Тогда пусть задает их не так!

— Тише, Теана. При всем этом я не думаю, что он отменит свадьбу. Сейчас ты приведешь себя в порядок, умоешься, поправишь причёску, потом мы вернемся в зал, извинимся перед дядей, объясним

все твоим волнением — и через неделю ты станешь моей законной женой, Теаной Гримвелл.

— Извинимся?! — вспыхнула я.

— Теана, пожалуйста! Не веди себя, как подросток! Нужно уметь сглаживать конфликты, это ведь не вражда старшеклассниц в приходской школе! Нужно уметь отступить.

— Или прогибаться.

— Да, или прогибаться. Нет ничего зазорного в том, чтобы прогнуться под Габриэла Гримвелла однажды, чтобы в будущем получить статус, деньги, уважение и жизнь, о которой мечтают миллионы.

— А право первой ночи у вас, случайно, еще не действует?! — рывкнула я и распахнула дверь ванной, к которой мы как раз подошли.

К счастью, Генри не стал меня преследовать. Появилось время, чтобы прийти в себя, отдышаться и обдумать свой первый семейный скандал.

Чтобы хоть как-то развеять гнетущую тишину, я включила воду. Ее шум немного успокаивал, но сердце все равно билось очень быстро и рвано. Меня раздирали на части противоречивые желания. Сбежать из мрачного дома или вернуться и доказать, что меня не так-то просто сломать? Обидеться на Генри или поверить, что он делает все, чтобы сделать нашу свадьбу возможной? Сдаться Габриэлу, рассказать о родителях, или стоять на своем? Какой же адски сложный выбор.

Если я сейчас выйду и склоню голову, позволю Габриэлу влезть в самое сокровенное, то признаюсь в слабости. И в желании сытой жизни, которое сильнее гордости. Тогда я могу увидеть в его глазах презрение, и даже если стану членом семьи, вряд ли стану ее частью. На самом деле разница огромная.

Но если останусь на своем и буду бороться до конца, то он подумает, что мне и впрямь есть, что скрывать, что за любовью к Генри стоят скрытые мотивы. И это точно не то, что мне сейчас нужно.

А еще я слишком много думаю о Габриэле, хотя должна о любимом мужчине. Это что, такая магическая способность — замыкать мир на себе?

Подумав о магии, я вздрогнула и прижала пальцы к губам. Теана, только не ляпни это вслух! Не хватало еще оскорбить семью жениха упоминанием колдовства. Тогда можно забыть и о Генри, и об его

любви, такое не прощают даже девушкам, которым сделали предложение.

Что ж, искусство дипломатии не просто так называется искусством. Люди годами учатся извиняться, сохраняя достоинство и отстаивать свои права, не вступая в конфликты, научусь и я. Хотелось бы, конечно, осваивать непростой навык не в полевых условиях, но когда мне было просто?

Я наспех умылась, обновила макияж и заправила выбившиеся из прически пряди, а затем вышла. Ожидала, что Генри будет ждать снаружи, но коридор оказался пуст, и мне ничего не оставалось, как самостоятельно вернуться в зал. Только вот проходя мимо одной из многочисленных дверей, я вдруг услышала знакомый голос жениха, и не смогла удержаться и не остановиться.

— Я против свадьбы, Генри. Извини, но я против.

— Ты ошибаешься!

— Я редко ошибаюсь.

— Сколько их было, дядя?! Скольким моим девушкам ты сказал «нет»? Я не могу больше так, я люблю Теану, она прекрасная! И ты ошибаешься насчет нее.

— Она прекрасная, я не спорю. Молодая, красивая, неглупая, гордая, довольно дерзкая. Но она не подходит тебе, Генри, вы из разных миров. Их столкновение неизбежно приведет к катастрофе.

— Ты несправедлив. Теана поймет меня, она уже понимает, я доверяю ей.

— Ты просто не испытывал боли от предательства, Генри. Посмотри на сестру. Посмотри, во что превратилась ее жизнь. Почувствуй, как она ненавидит меня, себя. Как винит себя в том, что ошиблась. Ты всегда спрашивал, почему я не женюсь и не заведу детей — вот ответ. Потому что мы все несем ответственность, и я не готов платить по счетам, если ошибусь. Потому что мне приходится мучить тебя и Сибиллу, и я не готов привести в этот мир еще детей, которым придется сломать жизнь. Поэтому подумай, Генри, подумай хорошенько и реши, готов ли ты рискнуть с Теаной Морнингблум, потому что она предаст. Она предаст, и тебе будет очень больно.

— Она не предаст. Я уверен. Я готов рискнуть.

— Ты понимаешь, что если ошибаешься, то я не смогу помочь? Ты можешь умолять, ненавидеть меня, проклинать, но последствия

будут неизбежны.

— Да.

— Ничего ты не понимаешь, Генри. Ты даже не представляешь, на что соглашаешься.

— Теана стоит того, чтобы рискнуть.

Послышались шаги, и я поспешила к ближайшему повороту. Звуки музыки и гомон голосов стали громче, и пришлось ускориться. Нельзя, чтобы Габриэл и Генри догадались, что я слышала их. Даже малейшее подозрение все перечеркнет.

Иногда кажется, что богатые люди совсем поехали крышей. Предательство! Можно подумать, только нищие дорвавшиеся до денег девочки предадут. Что старший Гримвелл имел в виду? Что я заведу интрижку? Что буду вести себя недостойно фамилии? Что солью прессе лишние подробности, упиваясь новым статусом? И что, черт возьми, произошло с Сибил? Генри сказал, ее бросил жених, и, пожалуй, будь я на ее месте, это стало бы ударом, но неужели все настолько плохо...

Вернувшись в гостиную, я попала в улей. Показалось, что в гостиной одновременно сотни людей, и все они говорят, смеются, звенят бокалами и стучат каблукам. Хотя, конечно, их было не больше пары десятков. Чтобы занять дрожащие руки я взяла у проходящего мимо слуги бокал, но едва успела сделать глоток, в комнате появились Генри и его дядя. Жених поспешил ко мне.

— Ты как? — шепотом спросил он.

— Все нормально.

— Дамы, господа, — Габриэл обворожительно улыбнулся, — давайте начнем, наконец, наш вечер и все пройдем в столовую, где по достоинству оценим умения повара. Он сегодня обещал превзойти сам себя.

Ну вот. Приглашение на эшафот. Сейчас мне скажут, что было приятно познакомиться, однако брак — ответственное и серьезное мероприятие, и не стоит с ним спешить. К тому же такая скоропалительная свадьба не в духе семьи Гримвелл, и стоит подготовить все как можно тщательнее. Поэтому церемонию отложат месяца на три, и за это время все само собой стухнет.

Это не я придумала, это рассказ Генри. В самом начале знакомства он как-то в шутку рассказывал, что пытался познакомить бывшую

девушку с семьей — и именно это сказал ему Габриэл, посоветовав не торопиться, а затем и вовсе запретив им видеться.

Как же сложно быть частью мира богатства. Оно как будто отравляет все, к чему прикасается.

— Дорогие гости...

Габриэл поднялся, и все мгновенно умолкли. На лицах было сплошь почтение, на некоторых — благоговейный страх. Только Генри и его мать улыбались. Генри немного натянуто, а вот несостоявшаяся свекровь — искренне и широко. Мое внимание привлекла Сибилла: она тихо и методично накачивалась спиртным в дальнем конце стола.

Нас же посадили по левую руку Габриэла — сначала Генри, затем меня.

— Что ж, прежде чем мы начнем, скажу несколько слов. Мы собрались сегодня по инициативе Генри. Вы все знаете, как я отношусь к нему. Это мой сын, пусть в документах и по крови это и не так. Я воспитывал его как сына, я воспринимал его как сына. И Генри — главный мой наследник, который в будущем займет мое место и станет главой семьи. Сегодня Генри привел к нам свою девушку, Теану Морнингблум. Вы имели удовольствие познакомиться с ней чуть раньше...

Послышался звон: Сибилла уронила хрустальный графин. По столовой поплыли ароматы алкоголя, мгновенно впитавшегося в дорогой светлый ковер. А сама сестричка Гримвелл пьяно хихикнула и попыталась было поднять бутылку, но не удержалась и свалилась со стула.

У Габриэла мгновенно изменилось лицо, на нем появилась гримаса отвращения, смешанного с яростью.

— Вон! — рыкнул он тихо, но так, что ни у кого не хватило духу возразить.

У Сибиллы тоже. Пошатываясь, она поднялась и едва не упала, пытаясь сделать книксен. Потом расхохоталась, схватила со стола непечатый графин виски — и побрела из столовой, продолжая хихикать. Почему-то напилась Сибилла, а стыдно стало мне. Как будто я стала причиной.

Габриэл сделал глубокий вдох.

— Прошу извинить мою племянницу. У нее выдалась тяжелая неделя. Казненная сегодня Миранда Харсперин была ее гувернанткой.

Сибилла справится, с ней все будет в порядке.

В этой семье вообще никто не в порядке, по-моему.

— Итак, Теана Морнингблум. Девушка, покоровшая сердце нашего Генри. Когда я услышал, что он хочет представить ее нам, я подумал, что брак — это очень ответственное и непростое решение. В нашей семье всегда относились к браку... сложно. Наши с Деброй родители считали и обучили этому нас: сковывая себя узами брака — ты клянешься в верности до самой смерти. Я не стану скрывать, что двадцать — очень юный возраст, по моему мнению. И надевать оковы, разбить которые можно лишь перед лицом Звездоликой — отчаянный шаг.

Я закрыла глаза, готовясь услышать приговор собственной мечте о семье. Когда-то я клялась, что сделаю все, чтобы мои дети не попали в приют, чтобы их не растили посторонние незнакомые люди, но без Генри все это теряло смысл.

— Но я взял ответственность за семью в шестнадцать. Тогда все сказали, что я — ребенок, и желающих растащить Гримвеллов на куски было бесчисленное множество. Но я справился.

Он может говорить хоть о ком-то, кроме себя? Ощущение, будто жениться собирается не Генри, а Габриэлл.

— И верю, что справится Генри. И что я не зря вложил в него все, что имею. Ему двадцать, но он не ребенок. Сегодня он принял решение жениться на Теане Морнингблум. Давайте поздравим его с помолвкой и встретимся вновь — на свадебном торжестве через неделю.

Я открыла глаза, на секунду подумав, что все это — плод воображения, что на самом деле Габриэл сказал совершенно другое. Но мать Генри улыбалась нам, и в ее глазах стояли слезы, а сам Генри украдкой под столом сжал мое колено.

В тот момент, когда я поверила, когда поняла, что прошла через эти адские смотрины и выдохнула, в столовой вдруг погасли все свечи, погрузив комнату и присутствующих во мрак.

Повисла такая тишина, что звук, с которым Габриэл поставил бокал, показался неприлично громким. А уж последовавшая за ним реплика, сказанная каким-то строгим и категоричным голосом, и вовсе развеяла начисто только-только установившуюся атмосферу торжества.

— Позвольте мне, господа.

Вспыхнула первая свеча — Габриэл лично, держа в руках шкатулку со спичками, зажигал каждый светильник. Он делал это неторопливо, будто наслаждался процессом, и все внимали. Я смотрела на спектакль с удивлением, потому что... это всего лишь свечи. Почему нельзя позвать прислугу и быстро зажечь свет? Разносить бокалы с игристым призывали с десяток служанок, а зажечь свечи понадобилось непременно хозяину? Ужасно странная семейка.

— В старых домах постоянные сквозняки, — улыбнулся Габриэл и при этом почему-то посмотрел мне в глаза.

Наконец в столовую вернулся свет, и начали подавать ужин.

— Что ж, пожелаем Генри и Теане успехов, — хмыкнул Габриэл, вернувшись за стол.

Потекла непринужденная беседа. Хотя я все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Дебра, мать Генри, задавала какие-то вопросы и пыталась быть милой, но ее цепкий внимательный взгляд ничуть не уступал взгляду ее брата. Я была готова к тому, что знакомство с семьей превратится в жестокий отбор, но оказалось, что только на словах. И уже к десерту чувствовала себя так, словно весь день рубила дрова.

— Как ты? — шепнул Генри, когда мы переместились обратно в гостиную, где подали кофе и изумительные конфеты из темного шоколада.

— Нормально. У тебя непростая семья.

— Прости, что был груб. Я тоже нервничаю перед свадьбой. Мне всегда хотелось жениться не по расчету. Чтобы все было по-настоящему. А это сложно сделать, если ты вырос среди Гримвеллов.

— Что случилось с Сибиллой? Она выглядит очень подавленной.

— Ее жених исчез перед свадьбой. Без слов, без прощаний, без объяснений. Просто однажды исчез — и с тех пор о нем нет вестей. Дядя был против их свадьбы, но Сибилла настояла. И в наказание он заставил ее заниматься отменой торжеств самостоятельно. Она уведомляла всех гостей, всех устроителей и газетчиков, близких семье и освещавших торжество.

— Как жестоко!

Потрясающий мужчина. И как только Генри с таким воспитанием удалось вырасти в чуткого и терпеливого парня?

— Я думаю, он уже пожалел, что так погорячился. Но Сибилле нужно время, она хорошая девушка. А мы...

Он впервые за вечер проявил нежность публично и обнял меня за талию, увлекая к небольшой софе, где мы могли сесть вдвоем и не терпеть чье-то присутствие.

— Мы через неделю станем мужем и женой. Ты рада?

— Да. Я до последнего думала, что сейчас тебя запрут в башне и приставят дракона, а меня сошлют на рудники.

Генри расхохотался.

— Звездоликая, ты — чудо. Самое страшное, что случилось бы — дядя обиженно ушел в кабинет и отказался присутствовать на свадьбе. Мы бы встречались тайком от него и поженились в крошечном храме на краю света, а через год вернулись вместе с первенцем, и дядя смирился бы, полюбил его, как родного и все такое.

— Как-то странно думать о твоём дяде в контексте внуков. Он старше тебя на... семнадцать лет?

— Да, он рано взял на себя заботу о семье. Маме было семнадцать, но женщина не может стать во главе рода. Ее это угнетало, она закрутила роман с каким-то картографом, родила нас с Сибиллой, а картограф сбежал. Мы часто шутим, что это какой-то злой рок: от членов семьи Гримвелл часто уходят вторые половинки.

Он посмотрел мне в глаза и поднял руку, чтобы погладить по щеке.

— Не бросай меня, Теана. Не предавай, как папа предал маму или как жених Сибиллы.

— Генри... я люблю тебя. Зачем мне предавать?

На это он ничего не ответил, только подарил мне мимолетный поцелуй в лоб.

— Я бы сбежал отсюда с превеликим удовольствием. Хочешь, покажу тебе сад?

— Было бы чудесно.

— Тогда идем. Попрощаемся с дядей и будем гулять всю ночь. Уверяю, половина гостей сейчас так накатит, что даже не заметит нашего отсутствия.

Габриэл нашелся на том же месте, у камина, в неизменном одиночестве. Кофе он предпочел виски, и, кажется, энный стакан

алкоголя наконец-то оказал свое влияние: глаза старшего Гримвелла опасно блестели.

— Дядя, я хочу показать Теане сад, а затем отвезу ее домой.

— Оставайтесь, Генри. Время позднее, ты выпил, а твой воид еще мне дорог, я его недавно тебе подарил. Отвезешь ее утром.

— Хорошо.

Генри ненавязчиво меня подтолкнул.

— Доброй ночи, Габриэл.

Он задумчиво на меня посмотрел. Ощущение бабочки на булавке вернулось.

— Доброй ночи, Теана. Добро пожаловать в семью.

Глава вторая

«Я клянусь в вечной верности. Любви и преданности. Пока смерть не разлучит нас. Я, Теана Морнингблум, вверяю тебе, Генри Гримвелл, свою жизнь, душу и судьбу. По благословению Звездноликой богини клянусь быть женой, матерью, надеждой и любовью».

Повторить еще раз сто — и грохнуться в обморок от страха, что забуду клятву перед алтарем. Раньше я представляла свадьбу, как праздник мечты. В своих фантазиях я светилась от счастья, выходила к полудню в шикарном платье, блистала и сияла на радость возлюбленному. На деле все оказалось несколько иначе.

Неделя перед свадьбой выдалась безумной. Несколько дней заняло увольнение с работы: передать дела новой гувернантке, получить увольнительную грамоту, а потом еще и Дебра, мать Генри, настояла на двух предсвадебных вечеринках: на работе и в приюте, где я выросла. Это было мило, богато и всех взбудоражило, но я понимала, что вечеринки нужны исключительно для того, чтобы я не звала никого из прошлой жизни на свадьбу.

— Ты можешь позвать, — возразил Генри. — Недовольство мамы переживем, а дядя встанет на мою сторону.

Но я только отмахнулась. У меня не было близких друзей, и раз уж Дебра закатила две шикарные вечеринки с подарками, угощением и благотворительными взносами, не стоило отвечать ей упрямством.

Потом были многочисленные приготовления, начиная от выбора торта и заканчивая постановкой первого танца. Здесь уже досталось Генри, и к концу тренировок он был уже не так оптимистично настроен. От учебы и работы с дядей его все же никто не освобождал.

Поэтому мне казалось, что вот я, ворочаясь и непонятно от чего тревожась уснула в гостевой спальне дома Гримвеллов, а поднялась уже в номере шикарного отеля, где и провела последнюю ночь в статусе незамужней леди.

— Вы готовы, леди Морнингблум?

Распорядительницей свадьбы — ее тоже выбирала Дебра — стала весьма опытная и цепкая Лаура Торвуд. Она была красива,

исключительно корректна, жесткой рукой правила огромным коллективом прислуги и... мной. Единственным недостатком Лауры был недостаток обычных человеческих эмоций. Мне бы хотелось, чтобы в самый счастливый день рядом был кто-то близкий и счастливый. Впрочем, за это следовало благодарить колдунью, оставившую меня сиротой, а никак не семью Гримвеллов. Они жили так, как умели и любили. Скоро их мир станет моим.

— Итак, леди Морнингблум, план на сегодняшний день таков: сейчас мы совершаем прогулку по центральной улице, каждая свадьба высоких лордов — событие для людей. Слуги будут раздавать угощение и деньги, ваша задача — сиять и вдохновлять. Вы нравитесь им, если читали газеты, то они называют вас народной принцессой. Многие захотят вживую посмотреть на простую девушку, ставшую возлюбленной почти принца. Не разочаруйте их, за каждым вашим словом и движением будут следить. Если не знаете, что сказать, то лучше делайте вид, будто очень взволнованы.

Делать вид? Да если я не грохнусь в обморок у всех на виду, это будет верхом самоконтроля и хладнокровия!

— Затем мы отправляемся в королевские сады, где художники сделают наброски портретов. Вашего, лорда Гримвелла и совместного свадебного. И уже после этого отправимся во Дворец Союзов, где и состоится бракосочетание. Я правильно понимаю, что вас некому вести к алтарю? — спросила Лаура, сверившись с записями в папке.

— Да, я сирота.

— Отлично, леди Гримвелл предупредила меня об этом, а лорд Гримвелл-старший любезно согласился...

— Что?! — Я так резко обернулась, что девочка-модистка ойкнула и выронила тиару. — Габриэл поведет меня к алтарю? Но я думала, что сама...

— Это исключено, — все с той же вежливой улыбкой ответила Лаура.

— Это противоречит смыслу ритуала! Отец отдает дочь в семью мужа под взором Звездоликой! В моем случае я отдаю себя сама! Габриэл Гримвелл мне не хозяин!

— Зато об этом напишут. Вы с Генри оба сироты, если брать во внимание отцов, поэтому Габриэл, связавший ваши судьбы — отличный символ и красивая история. Люди любят истории. Они уже

влюбились в вашу — сиротки-принцессы, и с удовольствием съедят еще одну. Теана, пожалуйста, поторопитесь. Мы не имеем права опаздывать.

С каждым часом я все больше недолюбиваю семью Генри, хоть и пытаюсь с этим чувством бороться. Но они пытаются превратить самый счастливый день в моей жизни в пытку! Сначала показать меня всем, как новую игрушку, потом еще и заставить идти к алтарю с Габриэлом. К началу торжественного ужина я буду чувствовать себя так, словно меня постирали, отжали и пересушили на полуденном летнем солнце.

Окинув взглядом последний раз себя в зеркале, я в сотый раз поправила серьги. Это был подарок матери Генри — две тонкие ниточки жемчуга были простыми лишь на первый взгляд. Крошечные бриллианты блестели меж белоснежных бусин. Кончик сережек приятно щекотал шею. Я до дрожи боялась их потерять, понимая, что такое мне не простят.

— Леди Морнингблум, пожалуйста, не трогайте волосы и серьги! — взмолилась Лаура, когда мы спускались к выходу. — Это признак неуверенности в себе!

— Но я и есть неуверенная в себе невеста.

— Да, но люди хотят видеть спокойную и счастливую принцессу.

Меня никак не покидало ощущение, что все это какой-то спектакль. Как будто я — героиня шоу, за которым наблюдают люди. Не имеющие и тысячной доли богатства Гримвеллов или какой другой известной семьи, они жадно наблюдают за чужой роскошной жизнью, которую им специально показывают. И я когда-то тоже стояла в толпе и наблюдала за свадьбой леди Редвилл, восхищаясь ее статью, улыбкой и очаровательной нежностью жениха, проявляемой будто с осторожностью.

Очень странное ощущение — вдруг оказаться по другую сторону заграждений.

Войд понесся по солнечным зеленым улицам города. Позади нас ехали еще два войда из кортежа, закрытых и сдержанно-серых. Я знала, что Лаура наблюдает за каждым моим действием и, вероятно, обо всем доложит Габриэлу. Поэтому отбросила лишние размышления и постаралась сосредоточиться на новой роли. Скоро это станет

естественным образом жизни: члены знатных семей постоянно участвовали в публичных мероприятиях.

Вскоре мне даже понравилось улыбаться и махать людям, пришедшим на нас посмотреть. Их счастье заряжало энергией — я никак не могла понять, откуда в совершенно незнакомых людях такая радость за свадьбу какого-то лорда и его девушки. Почему они волнуются и восхищаются не меньше меня.

Такая эмоциональная подпитка пришлась как нельзя кстати: я совсем ничего не съела за завтраком и, к тому времени, как кортеж подъехал к саду, чувствовала совсем не легкий голод.

Но угощение и вино предназначалось гостям, а не новобрачным. Пока все бродили меж золотистых шатров, общаясь за бокалом холодного игристого и поедая нежные тарталетки с морепродуктами, мы с Генри должны были позировать художнику. За час он должен был создать несколько эскизов, которые позже превратит в портреты — и они украсят наши с Генри апартаменты, семейный зал в резиденции Гримвеллов и Галерею Знати в королевском музее.

— Ты великолепна, — улыбнулся будущий муж, помогая мне выйти из воида.

— Не делай вид, что удивлен, ты ведь уже видел платье.

— Тебе идет счастье, Теана. И эта прическа. Идем, нас все жаждались.

Он крепко держал меня за руку, пока мы шли до места рисовки.

— Как прошла поездка?

— Волнующе. Столько людей. Они смотрели на меня, бросали на дорогу цветы. Почти как принцессе.

— Королевские свадьбы, конечно, проходят шикарнее, но наша — тоже довольно яркое событие. Понравилось быть в центре внимания?

— Не знаю, — честно призналась я. — Испугалась. Неделю назад я была гувернанткой в детском саду, а сегодня на свадьбе будет королевский советник...

— И обязательно пригласит тебя на танец, — рассмеялся Генри.

Мы подошли к красивым, увитым живыми благоухающими цветами сирени, качелям. На столике неподалеку нашелся запотевший графин с чистой лимонной водой, но, к моему сожалению, не было никакой еды.

— У нас будет не самый традиционный портрет, — объяснил Генри. — Дядя давно хотел внести в галерею разнообразие. Поэтому ты будешь сидеть на качелях, а я — обнимать тебя сзади.

А сейчас душа наполнилась благодарностью к дяде Генри, потому что целый час на ногах, в новых, пусть и удобных, туфлях, я бы не выдержала.

— Так всегда со свадьбами, — сказал Генри. — Первую половину дня — работа, а затем уже праздник. Но даже позируя, я рад, что могу тобой любоваться.

Щеки залил румянец, но я не успела ответить: пожилой, но очень бойкий художник уже установил мольберт — и его рука запорхала над листом. Пришлось замереть, постаравшись сохранить на губах счастливую улыбку. Такой меня вписывали в историю — в прямом смысле этой фразы.

К концу позирования сгустились тучи и начал накрапывать легкий дождик, что привело в глубокую печаль художника: он явно успел далеко не все, что планировал. Но тут Генри был неумолим:

— Заканчиваем, господин Сейм.

— Но милорд...

— На Теане — тонкое кружево, а не осенний плащ. Если моя жена заболит, дядя будет недоволен сильнее, чем если в портрете будут неточности, о которых впоследствии никто и не вспомнит.

Художнику пришлось подчиниться, а я подумала, что в этот момент Генри был очень похож на опекуна.

— Что теперь? — спросила я, когда под тремя здоровенными зонтиками, которые над нами держали слуги, мы двинулись обратно к воидам.

— Едем во Дворец Союзов. Там ты сможешь освежиться, затем состоится церемония обмена клятвами, брак оформят в метрической книге — и нас поздравят самые важные гости. Затем мы должны выйти из дворца к людям, дать несколько комментариев журналистам и в последний раз проехаться по улицам перед тем, как закрыться в доме и хорошенько отпраздновать твою новую фамилию.

На мое счастье, из сада во дворец мы с Генри ехали в одном воиде, и он крепко сжимал мою руку. Я махала собравшимся, несмотря на дождь и поднявшийся ветер, людям, улыбалась, а служанки из кортежа разбрасывали монеты и небольшие пряники, обернутые в

непромокаемую бумагу. Я бы сейчас все отдала за один такой! Но хоть я и давила в себе мрачные мысли, наблюдать за тем, как в дождь, на блестящую от воды мостовую, падают монеты — и тут же их подбирают собравшиеся у заграждений зеваки, было неловко. Я не стану скрывать, когда в городе проходили свадьбы высоких лордов и леди, я тоже была там, любовалась кортежами и даже бросала цветы под колеса воидов, но почему-то никогда не подбирала монеты или украшения. Об этой традиции, готовясь к свадьбе, я совсем забыла.

Чтобы защититить от дождя, над нами приподняли крышу воида так, чтобы нас могли видеть, от чего он стал похож на старинную карету.

— Ты им нравишься. Сказочная принцесса.

— Они меня совсем не знают. Боюсь, что если не буду соответствовать требованиям, то столкнусь с жестоким разочарованием.

— Да, так бывает, — вздохнул он. — Но ты их не разочаруешься. Ты добрая, красивая, умная и воспитанная, Теана Гримвелл.

— Я еще не Гримвелл.

— До этого знаменательного момента осталось меньше часа.

Наконец кортеж остановился перед казавшейся бесконечной лестницей, ведущей ко Дворцу Союзов. Вот и все. Неужели я правда выхожу замуж? Как жаль, что папа и мама не видят этого. Им бы понравился Генри.

Сделав глубокий вдох, следом за женихом я вылезла из воида. Как учила Лаура, обернулась к толпе и помахала, чтобы после неповторимая атмосфера старого дворца скрыла меня от посторонних взглядов, а явила снова уже в качестве замужней женщины, представительницы знатной семьи.

— Леди Морнингблум! — воскликнула одна из служанок. — Букет!

Звезднолика! Я залилась краской: за волнением я совсем забыла в воиде букет. Прекрасный, светлый, нежный и благоухающий весенней свежестью! Созданный под чутким руководством Дебры... это было не то чтобы потерять серьги, но тоже вопиющее проявление неуважения к семье любимого мужчины.

Я потянулась к совсем юной девчонке, служанке, и то ли от ее волнения, то ли из-за моей природной неуклюжести, букет выскользнул из рук и упал на ступеньки, а затем, подхваченный порывом ветра, покатился к толпе.

Меня захлестнуло таким глупым страхом, что на миг тело охватило оцепенение. И прежде, чем кто-либо среагировал, превратив катастрофу в незначительную неловкость, я решила все исправить сама. Как можно увереннее улыбнулась девушке и направилась к заграждению, куда укатился букет, всем видом демонстрируя, как смущена, но совсем не раздосадована инцидентом.

Я не успела поднять букет, какой-то мужчина протянул руку через заграждение и взял его первым.

— Прошу, — улыбнулся он.

Я бросила на него мимолетный взгляд: пожилой, седина уже завладела висками, а на лице залегли глубокие морщины.

— Благодарю, господин...

— Лотнер. Мое имя Харальд Лотнер, леди.

— Спасибо, господин Лотнер.

— Поздравляю, леди. Будьте осторожны. Эта семья может погубить.

Я вздрогнула, прохладный ветер, свойственный дождливой погоде, превратился в ледяной. У мужчины были очень жуткие серые глаза. Он смотрел так, словно заглядывал в самую душу, и при этом был абсолютно уверен в себе, в том, что говорил и том, что его слова произвели нужный эффект.

— Благодарю за букет, — холодно отозвалась я и поспешила вернуться к Генри.

Толпа одобрительно закричала, захлопала — мой жест явно одобрили. Но только не жених.

— Теана, что ты делаешь?! Это должна делать служанка!

— Я решила, что людям понравится, если я подойду сама. Они ведь считают меня народной принцессой, одной из своих. Это было вежливо.

— Это небезопасно, — отрезал он. — И будь, ради Звездноликой, внимательнее.

— Извини. — Я обескуражено притихла. — У меня болит голова, и я немного рассеянна. Очень хочется есть, мне не удалось

позавтракать, а уже почти вечер.

— Осталось всего несколько часов.

Мне показалось, в голосе Генри просквозило раздражение.

— Перед церемонией у меня будет некоторое время, чтобы привести себя в порядок, может, кто-то из слуг сумеет добыть мне хотя бы яблоко?

— Теана, не будь капризным ребенком. Ничего с тобой не случится.

Этим он оборвал всякие попытки оправдаться или сгладить спор, я просто по старой доброй привычке ушла в себя и отстраненно наблюдала за декорациями. Дворец Союзов встретил нас негромкой музыкой, приятным запахом из смеси свечей, цветов и старого собора и изумительной красоты витражами, через которые пробивались первые робкие солнечные лучи после дождя. Они игривой радугой ложились на стены, превращая их в отдельное произведение искусства.

Возле входа в главный зал мы с Генри расстались, все так же молча. Он отправился к алтарю: приветствовать гостей и принимать поздравления, а я — обновлять прическу, макияж, приходиться в себя и размышлять, что вообще только что произошло.

Неужели моя семейная жизнь начнется со скандала? Сколько разговоров было о том, что мы с Генри настолько разные, что неизбежно принесем друг другу неудобства! Сколько он убеждал меня, что недостаток воспитания, знания этикета и эрудиции не поставит его в неловкое положение перед обществом, что я всему быстро обучусь и — цитирую — «Теана, ты прекрасна в своей непосредственности. Кому нужен этикет, когда на сцене такая искренняя девушка?». Теперь моя искренность вызвала у него раздражение.

Я послушно высидела в небольшой служебной комнате, пока переплетали прическу, и лишь когда услышала звук открывшейся двери, обернулась, втайне надеясь увидеть Генри. Он улыбнется, объяснит свои слова волнением перед свадьбой, поцелует меня — и вернется к гостям, со смехом объяснив, что удрал тайком и всего лишь на секунду.

Но это был, конечно, не Генри.

— Габриэл? Что вы здесь делаете?

— Собираюсь вести тебя к алтарю, — его губ коснулась кривая усмешка.

В черном костюме-тройке он выглядел очень впечатляюще. Возможно даже чуть менее враждебно, чем при первом знакомстве. Я не видела его после того ужина, и сейчас словно заново знакомилась, восстанавливая в памяти яркие черты притягательной, но слегка пугающей внешности.

— Извините. Я забыла. Все готово, мы можем идти.

Служанка отошла в сторону, и я поднялась с софы. От резкого движения голова вдруг закружилась, а каблук не вовремя подвернулся. Охнув, я неуклюже упала обратно на софу.

— Что с тобой такое? — спросил Габриэл.

Он даже не шелохнулся! Генри бы непременно подхватил меня и помог подняться. Хотя теперь я в этом не была так уверена.

— Все в порядке.

— Я вижу по твоему лицу, как у тебя все в порядке, оно блее стен. Повторяю вопрос: что с тобой? Ты беременна?

— Что? Нет! Звездоликая, у вас есть хоть немного такта?

— Больна?

— Я голодна! Довольны? Я ничего не ела с утра. Не волнуйтесь, Генри уже прояснил мне правила поведения в высшем обществе. Дайте мне минуту, я буду готова.

Габриэл со вздохом засунул руки в карманы и смерил меня таким задумчивым взглядом, что показалось, будто сейчас меня ждет вторая часть лекции на тему «Принцессы не бывают голодными». От стыда за срыв я густо покраснела, хотя, пожалуй, это было даже хорошо: теперь меня уж точно не обвинят в излишней бледности.

— Иди, — бросил он служанке, — найди что-нибудь поесть. Только быстро! У тебя пять минут, поняла?

Та поспешно кивнула — и унеслась. А я открыла от удивления рот.

- Вы серьезно? Еда? Но церемония вот-вот начнется...

— Я надеюсь, ты умеешь быстро жевать, — хмыкнул Габриэл, пододвигая к себе свободный стул.

— Да, но Генри сказал, что это неуместно. Никто не будет ждать, пока я поем.

— У нас с Генри немного разный вес в обществе. Его, возможно, не будут. А меня ждать придется. Ждать и молиться, что я в этот момент хотя бы не трахаю невесту, а то ей придется выходить замуж в помятом платье.

Я снова густо покраснела, но решила не вступать в очередную перепалку тогда, когда меня собирались покормить. Правда, я не смогла совсем промолчать и осторожно поинтересовалась:

— А что, такое уже бывало?

— Да, пару раз.

— Зачем я спросила...

— Ты маленькая наивная девочка, Теана Морнингблум. Этот дворец видел много браков, но по любви из них была от силы десятая часть. Большая часть жен и невест, побывавших в моей постели, прыгали туда прежде, чем я успевал узнать их имя. А что до Генри, то он просто пытается быть на меня похожим. Только пока еще не понимает, в какие моменты стоит проявлять холодность и принципиальность, а где нет. Морить голодом невесту, чтобы выносить с церемонии ее бесчувственное тело — не тот случай.

— Генри не похож на вас, — с трудом выговорила я. — Он не такой...

— Циничный? — Габриэл поднял брови. — Ваше поколение живет в относительно процветающем мире, который не содрогается от войн, массовых убийств или всеобщих психозов. Поэтому, хочется верить, подражание Генри мне пройдет, и он вырастет во что-то... более самостоятельное.

Вернулась служанка с целой тарелкой небольших бутербродов и чашкой чуть остывшего, но все еще ароматного, чая. Я с наслаждением набросилась на еду, и даже задумчивый и тяжелый взгляд Габриэла не пугал. Было всего несколько минут, чтобы подкрепиться — и выдержать еще несколько часов церемонии. Она когда-нибудь закончится? Момент, когда мы с Генри войдем в нашу свежееотремонтированную спальню и займемся любовью, уже казался недостижимой мечтой.

— Ты любишь Генри? — вдруг спросил Габриэл.

Это у него вышло так неожиданно, что я едва не поперхнулась оливкой.

— К чему этот вопрос?

— Он очень простой, Теана. Любишь или нет? Не бойся, я не отменю свадьбу, это ваши с Генри жизни и вам решать, как вы их проживете. Считай, что мне просто интересно. В последнее время люди не задумываются о том, что свадьба — это не просто праздник, это ритуал, который связывает судьбы, во время которого мы клянемся, что будем рядом несмотря ни на что. Отчасти это причина, по которой я в жизни не ступлю на порог этого дворца в качестве жениха, но речь не обо мне. О тебе, Теана. Ты любишь Генри?

— Да. Я люблю Генри.

Оставив в сторону пустую тарелку и чашку, я поднялась и вытерла руки салфеткой, которую тут же подала служанка. Голова больше не кружилась, а приятная легкая сытость подняла настроение так, что я даже почти не боялась Габриэла.

— Спасибо вам, лорд Гримвелл. Я ценю то, что вы сделали для нас и нашего праздника.

— Ты знаешь, что раньше, всего каких-то несколько сотен лет назад, если человек совершал тяжкое преступление, то вместе с ним казнили его супруга? Не детей, не родителей, а именно супруга. Мы не можем выбрать, какому ребенку родиться, но вот тех, кто добровольно связывает с нами судьбу, выбираем. Они разделяют с нами радости и богатство. Люди прошлого считали, что должны разделять и горе, и наказания.

— Люди имеют право на ошибку. Нельзя казнить человека лишь за то, что он был ослеплен любовью... или за то, что любовь прошла.

Он подал мне руку. Прикоснуться к Габриэлу было страшно, но я, едва дыша, осторожно положила ему руку на локоть и постаралась встать так, чтобы мы вдвоем не запутались в подоле пышного платья. Приходилось идти медленно и осторожно, мужчина почти заботливо поддерживал меня на крутой лестнице, пока я, стиснув зубы, чтобы не начать ругаться, как портовый грузчик, размышляла, кому же пришло в голову делать такие высокие ступеньки во дворце, где каждый день девушки в шикарных платьях несутся навстречу своему счастью?

Или несчастью...

Перед огромными, в два, а то и в три, человеческих роста, резными дверями мы замерли, ожидая, когда те откроются, чтобы выпустить нас в зал, наполненный ароматом и отблесками свечей. Там, в конце длинного пути, проходящего мимо рядов кресел, где восседали

многочисленные и совершенно незнакомые мне гости, ждал мужчина, с которым я собиралась прожить до конца своих дней. Мужчина, с которым я добровольно связала свою судьбу.

И с которым меня казнили бы, живи мы двести лет назад. Если бы он совершил преступление, конечно.

— Ты лжешь, Теана, — вдруг произнес Габриэл. — Ты испытываешь к Генри что угодно, кроме того, о чем спрашивал я. Только не любовь.

Двери медленно распахнулись, а конец фразы заглушила громкая торжественная музыка.

Церемония очень напоминала один из тех снов, когда каждое движение дается с трудом, будто ты пытаешься плыть в вязком киселе. Или почти не можешь двигаться из-за адской сонливости. В детстве такие сны могли мучить меня на протяжении месяцев, потом сошли на нет, но я никак не ожидала, что моя свадьба пройдет в таком же тумане.

Генри улыбался, когда Габриэл подвел меня к постаменту и помог подняться по трем невысоким ступенькам. Я кожей ощутила внимание сотен гостей, все их взгляды были прикованы ко мне, и волнение растеклось под сердцем, быстро смешавшись с кровью, наполнив вены и превратив размеренный ритм сердца в беспорядочный безумной быстрый стук, от которого шумело в ушах, и я едва слышала, что говорит жрец.

А еще Габриэл не сводил с меня глаз, и его слова в воспоминаниях заглушали слова брачной церемонии.

— Теана! — шепнул Генри. — Клятва!

Опомнившись, я нервно улыбнулась.

— Я клянусь в вечной верности. Любви и преданности. Пока смерть не разлучит нас. Я, Теана Морнингблум, вверяю тебе, Генри Гримвелл, свою жизнь, душу и судьбу. По благословиению Звездноликой богини клянусь быть женой, матерью, надеждой и любовью.

— Я смиренно принимаю твою, Теана Морнингблум, жизнь, и клянусь быть мужем, защитником и отцом. По благословиению Звездноликой я, Генри Гримвелл, обещаю хранить и оберегать тепло, которое ты приносишь в мою семью.

Он взял со специальной подушечки тонкий золотой браслет и осторожно застегнул на моем запястье. Совершенно не к месту появилась ассоциация с кандалами. Звездноликая, Теана, что с тобой?! Это свадьба, а не передача тебя в рабство! Ты же сама сказала ему «да», ты только что перед всеми клялась в любви. Откуда это ощущение, словно вместе с замком браслета на шее сомкнулась удавка?

— Даю тебе, Теана Гримвелл, свой дом и свою фамилию. Пока смерть не разлучит нас.

Раздались аплодисменты, от взрыва которых я вздрогнула. Сверху посыпались лепестки сирени, крошечные бумажные самолетки с пожеланиями от гостей и блестки. Рассмеявшись, Генри на несколько секунд меня поцеловал, а потом поймал один из самолетиков и помахал им гостям. Я тоже протянула руку, впрочем, не особенно горя желанием читать, что же там нажелали мне родственники жениха.

Красивая, в общем-то, традиция писать молодым пожелания и отдавать во дворец, чтобы в конце клятв получился настоящий дождь из теплых слов и счастья, оказалась довольно болезненной для того, с чьей стороны на свадьбе даже не было гостей.

Я бы очень хотела, чтобы родители сейчас были в роскошном зале, смотрели на меня и плакали от счастья, как тихонько, украдкой вытирая глаза шелковым платком, плакала мать Генри.

— Идем, нужно поприветствовать людей, а потом поедem праздновать.

Прежде, чем гости начали покидать дворец, мы вышли на верхнюю ступеньку той огромной лестницы, у подножия которой я потеряла букет, и оказались под прицелом тысяч взглядов. Народ аплодировал — шоу подошло к кульминации. В один момент я вдруг почувствовала себя неблагодарной эгоисткой, которая весь день чем-то недовольна. Все эти люди пришли, чтобы посмотреть на чужую сказку. На мою сказку. Для них это был праздник, и я старалась улыбнуться всем и каждому, особенно детям, которых тянули повыше, чтобы чужие спины не загородили обзор.

— Идем, — позвал Генри, когда к подножию лестницы приехал воид — на этот раз закрытый.

— Мы не можем подойти к ним поближе? — спросила я.

— Нет, отныне тебе придется держаться на расстоянии от мира, который ты покинула. Он может быть опасным.

— Я выросла в нем.

— Да, но теперь ты — Гримвелл. Давай не будем задерживать гостей, Теана, они проголодались и с нетерпением ждут начала праздника.

Что ж... либо Габриэл и Генри умеют общаться мыслями и уже обсудили, как я наелась бутербродов перед церемонией, либо мой голод в расчет в принципе не брался. Я нахмурилась, усаживаясь в теплое и почти темное нутро воида. В нем было хорошо: можно было смотреть на улицу, делая вид, будто очень удивлена людьми, которые не уходили даже несмотря на поздний час. Которые хотели краем глаза увидеть нас, пусть и в закрытой от всех машине.

— Как думаешь, мы не совершили ошибку? — спросила я, повернувшись к Генри.

— Что?

— Я просто... мне страшно менять жизнь, и я боюсь, что не смогу влиться в твой мир, понимаешь? Что, если у меня не получится?

— Думать об этом нужно было до того, как ты сказала «клянусь», Теана, — холодно и недовольно произнес... муж.

Как странно было думать о Генри как о муже.

— Извини. Ты прав. Это нервы.

Я вдруг обнаружила, что все еще сжимаю в руках самолетик с пожеланием. Чтобы не встречаться взглядом с Генри, я развернула плотную бежевую бумагу с фамильным гербом Гримвеллов, и с трудом — было слишком темно — вчиталась в мелкие буквы.

«Беги, пока не поздно, Теана, вот чего я тебе желаю. Твоя клятва будет звучать как «я добровольно шагаю в ад. Сибилла Гримвелл».

Звездноликая, ну и семья! Сибилла с ее мрачным пожеланием окончательно выбила меня из колеи, и в дом я входила с ощущением, словно шагаю в пасть к монстру. Отчасти оно так и было: теперь на меня смотрели с интересом, не как на очередное увлечение богатого мальчика, а на нового члена семьи. Гадали: смогу ли соответствовать и с нетерпением ждали первого провала.

Нас осыпали цветами и оглушили аплодисментами. Оказывается, в доме Гримвеллов был огромный зал для приемов, где и устроили торжество. Габриэл действительно постарался и потратил на нас кучу

денег. Угощения и напитки разносили вышколенные официанты в серо-черных костюмах, живая музыка неторопливо и мелодично растекалась по залу. Музыканты виртуозно играли не только на струнах инструментов, но и на струнах души гостей — почти у всех было приподнятое праздничное настроение.

Зал был визуально разделен на две части, в одной из которых оставили место для танцев, а во второй расставили столы. Нас с Генри усадили за один из центральных у стены, так, чтобы со всех мест было видно виновников торжества. Пока все усаживались, а слуги разливали вино, Габриэл поднялся. Меж тем Генри щедро плеснул в стакан, стоявший перед ним, виски и сделал большой глоток. Я бы тоже не отказалась от чего-нибудь прохладного, но в мой бокал налили красное вино, которое, конечно, не охлаждали.

— Что ж, господа, — когда все смолкло, улыбнулся Габриэл. — Сегодня произошло важное для семьи событие. Генри отныне женатый человек, с чем я его и поздравляю. Ну а Теана — новый член семьи, и я прошу всех присутствующих принять ее и сделать так, чтобы девушка чувствовала себя частью Гримвеллов.

Он несколько секунд помолчал, улыбаясь собственным мыслям, а потом словно отбросил их в сторону — и вновь надел маску заботливого счастливого дядюшки.

— Надеюсь, мой подарок понравится детям, когда они откроют его в более спокойной обстановке. Конечно, финансовое обеспечение и загородная резиденция в Блекшир-хилле, которая с этого момента переходит в собственность Генри, таковым не являются. А теперь...

Он кивнул музыкантам.

— Позволю себе воспользоваться правом главы семьи и пригласить невесту... прошу прощения, жену моего племянника на танец. Генри, ты не против?

С улыбкой Генри поднялся, протягивая мне руку, и сам вложил ее в руку дяди, а я в это время старалась улыбаться и уныло думала, что хоть бы мое согласие для приличия спросили. Я бы, конечно, согласилась и точно так же послушно вышла на середину пространства для танцев, но чувствовала бы себя... не так странно под взглядом внимательных темных глаз и в стальной хватке Габриэла.

Прямо право первой ночи.

— Ну что ты, Теана, всего лишь первого танца.

Я густо покраснела. Неужели эта фраза вырвалась вслух?

Музыканты заиграли нежную и спокойную мелодию. За это я была безумно благодарна: вряд ли после целого дня суеты и беготни я бы смогла изобразить динамичный танец.

— И как тебе в роли леди Гримвелл? — спросил Габриэл.

— Довольно... необычно. Пока приятно.

— Рад слышать. Мне показалось, на церемонии ты была несколько зажата.

Я не удержалась и удивленно подняла брови. Я зажата?! Да он перед самым бракосочетанием заявил, что я выхожу за Генри не по любви! После такого не зажата будет только Сибилла — да и то, если уже напилась до одурения. Я мельком бросила взгляд на стол, где сидели женщины Гримвеллов — Дебра, Сибилла и дальние родственницы Генри. Сестричка моего мужа как раз от души хлестала вино, начисто игнорируя закуску, а Дебра то и дело неодобрительно на нее косилась.

Все взгляды были прикованы к нам, и я порадовалась, что Габриэл не давал даже толики свободы. Танцевать с ним оказалось легко — достаточно было не сопротивляться и позволять вести. А еще у него были очень горячие руки, даже через жесткий материал корсажа платья я ощущала тепло там, где лежала его ладонь.

— Добро пожаловать в семью, Теана, — когда музыка закончилась, Габриэл выпустил меня из объятий, — помни, что став однажды одной из нас, ты уже не сможешь изменить это. Даже если...

Под всеобщие аплодисменты он поцеловал мне руку. Я судорожно сжала край платья, надеясь, что никто не заметит, как кожа покрылась мурашками. Что со мной такое?! Это же не демон из кошмарных сказок, это просто мужчина! Циничный, грубоватый мужчина, дядя моего мужа.

— Даже если однажды ты решишь покинуть Генри, — закончил Габриэл.

С первыми нотами новой мелодии многие вышли из-за столов танцевать. Я втайне надеялась, что Генри подхватит цепочку — и мы закружимся в первом танце мужа и жены, но он не торопился подниматься из-за стола. Рассудив, что броситься танцевать с первым, кто рискнет пригласить невесту, было бы неуважительно по отношению к нему, я вернулась за стол.

— Могу я попросить у вас воды или чего-то освежающего, безалкогольного? — попросила у почтительно склонившегося слуги.

Тот, кивнув, исчез, а муж усмехнулся:

— Боишься пить? Я никогда не видел тебя пьяной... должно быть, это довольно любопытное зрелище.

Ему, в отличие от меня, хорошая порция виски на голодный желудок не пошла на пользу, хотя Генри вряд ли так считал. Я изо всех сил старалась убедить себя, что все нормально, что он нервничал так же, как и я. Что сейчас подадут горячее — и опьянение пройдет, а ко мне вернется привычный веселый и сияющий Генри.

— Я редко выпиваю, мне хватает одного бокала, чтобы ужасно разболелась голова. Хочется запомнить нашу свадьбу. И проснуться счастливой, а не в похмелье.

Пока я говорила, Генри сосредоточенно наливал себе новую порцию виски.

— Все в порядке? — спросила я.

— Почему ты спрашиваешь?

— Банкет начался десять минут назад, а ты пьешь уже второй стакан.

— Хочешь мне запретить? — неожиданно резко взвился Генри.

— Нет, я...

— Теана, ты весь день капризничаешь. Тебе не нравится поездка, не нравится позирование, ты устала, ты голодна, ты путаешься в клятве, задаешь странные вопросы и флиртуешь с моим дядей. Будь добра, верни девушку, в которую я влюбился, потому что графин не бездонный.

— Флиртую с дядей?! Генри, ты в своем уме?! Как тебе пришло такое в голову?

— А мне поведали, как ты кокетничала и рисовалась, изображая голодный обморок. И как он мило кормил тебя бутербродами перед тем, как вывести ко мне. Думаешь, приятно узнавать такое из сплетен? Об этом уже все говорят!

— Так может, предъявишь претензии служанке, которая все растрепала? И заодно спросишь, как все было на самом деле? Он просто дал мне перекусить! Что до капризов, то знаешь, свадьба в твоей семье — не такое уж легкое мероприятие. Твой дядя, с которым я флиртую, прямо заявил, что наша свадьба не по любви, а сестричка

прислала пожелание шагнуть в ад. Да, Генри, я нервничаю и волнуюсь, потому что хочу войти в твою семью и не опозорить тебя, но конкретно сейчас я в бешенстве, потому что на поддержку со стороны твоих родственников не рассчитывала, а вот на твою — очень даже. А ты почти обвинил меня в измене... спасибо, Генри. Именно на такую поддержку я и рассчитывала. Пойду волноваться на свежем воздухе в надежде, что хотя бы там не буду никого раздражать.

С этими словами я поднялась и, на глазах удивленного мужа, направилась на балкон. Хотя это скорее была прогулочная застекленная веранда, с потрясающим видом на сад, залитый светом фонарей, и город, видневшийся вдали. Я полной грудью вдохнула свежий вечерний воздух и на миг закрыла глаза.

Генри непросто. Я знаю, что он всю жизнь мечтал быть достойным фамилии, делал все, чтобы стать преемником дяди. Неодобрение Габриэла нашей свадьбы больно по нему ударило. Но обвинять меня в том, что я флиртую с Габриэлом? Да я готова в обморок упасть, когда старший Гримвелл оказывается рядом! О том, чтобы использовать привлекательность или пытаться его очаровать нет и речи. Все, чего я хотела — пересекаться с жутковатым главой семейства как можно реже. Как до свадьбы, так и после.

Им всем пришлось нелегко, когда родители погибли. Обстоятельства гибели бабушки и дедушки Генри были строго засекречены, ходили разные слухи, но я склонялась к тому, что они были охотниками на колдовство. И отдали жизни за нашу безопасность.

Сейчас Чармерд — светлое, спокойное и почти лишенное магии королевство, дышать в котором можно полной грудью. Но так было не всегда. Еще сорок лет назад весь мир был погружен в пучину черной магии и страшных кровавых ритуалов. Колдуны в нем правили бал, а смертные жили в страхе. Чтобы бороться с магами, не было ни ресурсов, ни сил, ни единства. То, что однажды в Чармерде появился сильный лидер, почти уничтоживший колдунов и колдуний, было чудом.

С тех пор за колдовство карали жестоко и немедленно. Чармерд вздохнул с облегчением.

К сожалению, мои родители не успели насладиться безопасной и безмятежной жизнью. Родители Габриэла тоже. Это наложило

отпечаток и на меня и на детей Гримвеллов.

— Скучаешь?

— Звездноликая... — пробормотала я. — Вам лучше уйти.

Габриэл удивленно поднял брови.

— Простите? Уйти совсем или мне можно хотя бы остаться в доме?

— Вы поняли, о чем я. Генри злится.

— Из-за чего?

— Из-за вас. Из-за того, что я с вами говорю. Из-за того, что вы меня накормили.

— Это... — Он нахмурился. — Какая-то игра? Свою жену имеет право кормить только Генри, или я обломал какую-то захватывающую эротическую игру с бутербродами?

Я закатила глаза и снова отвернулась. Смотреть на сад было приятнее и спокойнее.

— Ты не выглядишь счастливой, Теана.

— Я устала.

— Хорошо. В качестве извинения за не самый ласковый прием, я дам тебе совет. Генри боится предательства. Его часто предавали, начиная с отца, который сбежал, едва узнал, что Дебра беременна. И Генри понимает, что ты рано или поздно — а, скорее всего, рано — столкнешься с соблазнами. Ему только предстоит тебе довериться. Не злись, что это дается ему трудно.

— Да, но мне тоже трудно, когда он обвиняет меня во флирте с вами.

— Может, он не так уж неправ? — усмехнулся Габриэл.

— Что?! — Я так резко обернулась, что подол платья взметнулся над полом.

— Ты напряжена, когда я прикасаюсь. Отводишь взгляд. Кусаешь губу. Я хорошо знаю язык женского тела, Теана. Но можешь не пылать праведным гневом. Я хоть и недостаточно порядочен, чтобы не трогать чужую жену, все же люблю Генри. А ты слишком наивна и неопытна, чтобы ему изменять. Впрочем, если однажды вы расстанетесь, возможно, мы проверим эту интересную теорию в деле... и в спальне.

— Мне не нравится этот разговор! — отрезала я.

— И тебе нужно научиться выходить из него достойно. Завтра мы с Деброй проведем для тебя пару уроков. Провокаций будет много.

Придется на них отвечать.

Изящным движением Габриэл взял с подноса проходившей мимо служанки два бокала с игристым вином, и один протянул мне.

— Поздравляю с бракосочетанием, Теана. Приятного вечера и продуктивной ночи. Прошу меня извинить, я должен беседовать со всеми гостями по очереди.

Открыв рот и до боли в пальцах сжимая тонкую ножку бокала, я смотрела в след Габриэлу, не до конца понимая, как вообще ему за считанные секунды удалось вывести меня из себя. Это что, была проверка?! Да мы же не в школе выживания, а на свадьбе, в самом-то деле!

Теперь и мне понадобилось выпить, поэтому я залпом осушила бокал. Освежающее сладковатое вино принесло облегчение и легкое головокружение. Понятно, почему Сибилла столько пьет. И понятно, почему ее жених сбежал — если и ему устраивали такие проверки, то он просто не выдержал напора.

Казалось, моего отсутствия никто не заметил. Я разрешила себе провести на балконе еще минуту прежде, чем вернуться в зал, затем еще минуту и еще, сама не заметив, как пробыла там больше часа. Смотрела на сад, дышала воздухом и слушала приглушенные голоса, музыку и звон бокалов.

Все наладится. Свадьба закончится, и мы с Генри будем счастливы. Я вряд ли стану для них своей, но ведь моему миру совершенно необязательно исчезать, мы можем смешать наши и создать новый. В котором будет место счастью, в котором не придется глушить тоску алкоголем.

Я вернулась в зал и словно очутилась во сне. Роскошные люди в роскошных нарядах пили и веселились, смеялись и наслаждались жизнью. Габриэл и несколько мужчин беседовали у стены, Сибилла методично и равнодушно накачивалась спиртным. Я поискала глазами Генри, и нашла его танцующим с миловидной рыжеволосой девицей в шикарном небесно-голубом платье. Острый болезненный укол ревности как будто проткнул сосуд со жгучей горькой ревностью.

Спокойно, Теана, это может быть одна из его многочисленных кузин, давняя подруга, одноклассница. Наконец любимая внучатая племянница какого-нибудь дальнего родственника, который попросил развлечь его любимицу.

— Во всяком случае устраивать сцены — точно не лучший способ завоевать доверие Гримвеллов, — сказала я себе.

Музыка смолкла и, подхватив пышные юбки, а еще нацепив вежливую счастливую улыбку, я направилась к мужу.

— Как насчет танца с молодой женой? — спросила я.

На миг тиски, сжимавшие сердце, разжались: показалось, что все тревоги и разочарования позади. Сейчас Генри обнимет меня — и мы закружимся в танце, на зависть гостям.

— Об этом надо было думать раньше, — бросил Генри. — Когда ты свалила и бросила меня здесь.

— Генри, я была на балконе.

— Не сомневаюсь, что ты отлично провела время. Я тоже развлекался, чувствовать себя идиотом, вынужденным танцевать с кем угодно, кроме жены, так забавно!

— Прости. Я немного расстроилась и забыла о времени. У вас красивый сад, я...

Муж поморщился.

— Генри, я не хотела обидеть тебя. Твой дядя...

— Что, занял тебя на часок?

— Хватит! Твой дядя ведет себя, как последняя скотина! Прости, я не хотела бросать тебя. Мне жаль, что ты чувствовал себя идиотом и настолько сильно растерялся, что даже не сходил поискать пропавшую невесту. Пожалуйста, давай попробуем не омрачать праздник скандалом. Потанцуем и помиримся. Пожалуйста, Генри.

— Праздник? — Он удивленно поднял брови. — Считаешь, это похоже на праздник?

— Я тебя не узнаю. Тебя как будто подменили.

— То же я могу сказать и о тебе.

— Мне жаль.

Я покачала головой, чувствуя, как начинается приступ мигрени. Яркий свет и громкие звуки стали практически невыносимы.

— Что ж, раз у тебя нет желания видеть меня, как и у большинства гостей, не возражаешь, если я отправлюсь в комнату и отдохну?

Генри пожал плечами, что можно было расценить как «делай, что хочешь». На самом деле я даже выдохнула с облегчением, потому что оказаться, наконец, в тишине и покое было единственным желанием

этого дня. Мне удалось незаметно выскользнуть из зала, подняться по лестнице и, отсчитывая двери, найти наши апартаменты.

Посреди гостиной стояли два сундука с моими вещами, их доставили утром. Дверь в спальню была приоткрыта, но свечи не горели, и комнаты были погружены во мрак. Я остановилась перед большим зеркалом, медленно расплетала волосы и пыталась не превращаться в вечно ноющую унылую девицу из числа тех, что постоянно плачут о своей несчастной судьбе посреди шикарных апартаментов.

Но все равно не смогла сдержаться, сморгнула слезы и сбросила неудобные туфли. Можно было притвориться, что я плачу от облегчения.

Неужели Габриэл был прав? Неужели я убедила себя, что влюбилась в Генри, потому что он из обеспеченной известной семьи? Мне казалось, мы понимаем друг друга с полуслова, но что, если я, как и остальные девушки, была ослеплена мечтой о шикарной жизни? Отбрасывала все сомнения, потому что страстно хотела вырваться из нищеты? И мой брак дал трещину, едва начавшись...

Почувствовав волну жара, я распахнула окно, и вдохнула свежий ночной воздух.

— Не хочу быть такой... я же обещала, что буду хорошей...

Посиди здесь, Теана, а мама с папой посмотрят, кто пришел, хорошо? Нужно сидеть очень тихо, милая. Что бы ты ни услышала, хорошо? Это важно. Очень важно! Ты сделаешь так, Теана? Будешь хорошей девочкой?

Это последнее, что сказала мама прежде, чем запереть меня в тайной камерке в шкафу. Я не была хорошей девочкой, я не послушалась ее... и если бы тайник не был надежно заперт, я бы вырвалась и колдунья меня нашла. Сидя в крошечной комнатухе, обнимая любимого плюшевого зайца, я много часов слушала крики родителей и заклятья темных ритуалов, для которых из них выкачали всю кровь.

Опустив голову на руки, я слушала щебетание какой-то ночной птицы, и боролась с воспоминаниями, когда дверь наших комнат открылась, впуская Генри. Он слегка пошатывался и затуманенным взглядом осматривал комнату.

Муж был в стельку пьян.

Более унылого и несуразного окончания свадьбы невозможно было представить. Сама того не желая, я обидела мужа, игнорировала его половину вечера, из-за чего тот напился до беспамятства и теперь стоит в нашей новой гостиной, пытаюсь сфокусировать взгляд на двери. А вместо страстной и нежной брачной ночи меня ждет тревожное бдение возле страдающего похмельем Генри.

Я устало махнула рукой. Что уж теперь мучиться угрызениями совести? Да и не устраивать же безобразный скандал пьяному мужику, в этом все равно нет ровным счетом никакого смысла.

— Идем, я уложу тебя спать, — вздохнула я.

Генри, пошатываясь, вошел в спальню, смерил меня заинтересованным взглядом и пьяненько усмехнулся.

— Развлекаешься... леди Теана Гримвелл...

— Праздник закончился.

— Праздник только начинается.

Я не ожидала сама от себя, что испытаю раздражение и отвращение, когда Генри прижмет меня к себе и попытается поцеловать. От него пахло табаком и алкоголем, но запах не был неприятным, скорее слишком... мужским. А руки жадно шарили по моей спине, нащупывая пуговички на платье. Раньше мне нравились его прикосновения, и я очень ждала этой ночи, но сейчас как будто не Генри был рядом со мной в темной спальне.

— Нет! Генри, нет, я не хочу! — выдохнула я.

Он, конечно, не слушал возражений, но на мое счастье был слишком пьян. Я вложила все силы в то, чтобы отпихнуть мужа от себя. Генри отшатнулся и, запнувшись за ковер, грохнулся на пол, чудом избежав удара о банкетку.

— Звездноликая!

Я бросилась к нему.

— Генри, боже! Да что с тобой такое?!

Его лицо с видимым трудом приобрело осмысленное выражение. Кажется, он хотел изобразить страсть или что-то типа того, но получились обычные пьяные домогательства. Лощеный наследник Гримвеллов, мечта всех молодых девчонок Чармерда, Генри сейчас ничем не отличался от толп работяг, что свистели и улюлюкали вслед каждой красотке.

Когда он снова потянулся и сделал попытку ухватить меня за руку, я поняла, что не смогу поднять мужа и уложить на кровать. А если попробую это сделать, то возможно проведу первую брачную ночь не совсем так, как в фантазиях и мечтах.

— Ты клялась мне подчиняться! — рявкнул он. — Ты клялась, что не предашь!

— В клятве не было ни слова о том, что я должна терпеть пьяного мужа в постели.

— Ути-бозе-мо-о-ой, — Генри нарочно сюсюкал, будто говорил с ребенком, — подумаешь, немного выпил. Теана, мать твою, хватит ломаться, ты моя жена! Почему ты смотришь на всех, кроме меня?! Может, и здесь кто-то успел побывать, пока я был внизу, а?!

— Проспись, — бросила я. — Утром поговорим. И не удивляйся, если завтра я подпишу бумаги на развод.

— Кто тебе его да-а-аст! — взвыл Генри.

Он с неожиданной резвостью поднялся, а я отшатнулась, вдруг испугавшись мужа всерьез. Что придет ему в голову? О чем он сейчас думал, так жадно всматриваясь в мое лицо?

— От Гримвеллов уходят только в могилу, Теана. Неужели ты еще этого не поняла?

Я на несколько секунд закрыла глаза, успокаиваясь. Руки мелко дрожали, а в горле застрял ком, мешавший говорить. Мой голос словно мне не принадлежал — казался чужим и безжизненным.

— Ложись спать, Генри. Я устала.

Он сделал несколько шагов в направлении меня, но я не стала проверять, была то попытка исправить содеянное или новый виток его сумасшествия. Оставаться с ним наедине было попросту опасно. Я еще верила в то, что на все есть какая-то причина, что существует веский повод, позволивший мужу так вести себя. Неужели я совсем не знала Генри?

Я выскочила из комнаты, в последний момент схватив массивный бронзовый ключ и за секунду до того, как Генри ударился в дверь, успела запереть ее снаружи. Тяжело дыша прислонилась лбом к холодному дереву и вздрогнула, когда все вокруг затряслось от мощного удара.

— Теана, открой!

Хоть и зная, что муж не видит меня, я отчаянно покачала головой. Я словно в каком-то кошмаре, где все ведут себя неестественно и пугающе.

— Открой, я сказал!

— Прости, Генри, но я впервые в жизни тебя боюсь.

И впервые не знаю, что делать дальше. Я в чужом доме, в пышном свадебном платье, совершенно разбитая и растерянная. Куда идти? У кого попросить помощи?

Точно не у Габриэла. Во-первых, неизвестно, как глава семьи относится к пьяным выходкам членов своего семейства. Генри на особом счету у него, и это может означать как лояльность и готовность сквозь пальцы смотреть на прегрешения, так и излишнюю строгость.

Я все еще надеялась разобраться с тем, что заставило мужа так повести себя в день свадьбы. Не бывает такого, чтобы чуткий, веселый и спокойный мужчина вдруг в один миг превратился в домашнего тирана! Не бывает, и все тут! Я бы заметила... я бы хоть что-то, но заметила. Знаю, что есть причина. Она должна быть!

Убеждая себя в этом, я направлялась к лестнице. Единственное решение, пришедшее в голову: провести ночь в гостиной, тихонько подремав в кресле у камина, а утром, когда часы пробьют шесть и проснется прислуга, прошмыгнуть обратно в спальню. Генри будет спать к тому времени, надеюсь. Потом мы поговорим, и скандала удастся избежать.

Безумие какое-то. Я собираюсь прятаться от собственного мужа в доме его родни...

Стало так жаль себя, что на глаза навернулись слезы. Вот что должно было быть написано в записке с пожеланиями.

«Ты проведешь первую брачную ночь в неудобном кресле, вслушиваясь в звуки старого особняка и...».

К слову о звуках. Я остановилась посреди темного коридора, замерла, даже перестав дышать. Вдруг показалось, словно откуда-то из недр дома доносится негромкое пение. Голос был мужским и монотонным, и, пожалуй, в нем не было ничего особенного, кроме той волны иррационального страха, которую он вызвал.

Я слышала заклинания лишь однажды, но та ночь стала моим проклятием.

Из легких словно выбили весь воздух, а грудь изнутри обожгло пламенем. В доме Гримвеллов кто-то колдует? Кто-то из гостей воспользовался гостеприимством и предал хозяев, осквернив их место колдовством?

Нужно было поднять панику, закричать, но я испугалась, что кто бы ни колдовал в одной из комнат дома, он успеет замести следы, пока я ищу хоть кого-то, кто сможет помочь. Поэтому осторожно, ступая как можно тише — благо, в этом помогли ковры — я покралась в сторону источника звука.

Монотонное пение становилось громче и, наконец, я остановилась возле ничем не примечательной двери. Их здесь были десятки, возле одной из таких я подслушала разговор Генри и Габриэла в тот день, когда знакомилась с их семьей. За дверью могла оказаться как чья-то спальня, так и гостевая. Я осторожно повернула ручку, готовая в любой момент метнуться к лестнице и спрятаться в гостиной.

Но человек, стоявший возле небольшого алтаря на коленях, не видел меня. Его фигуру с широкими плечами, рельефными мускулами и несколькими тонкими шрамами вдоль линии позвоночника освещали красные свечи. Зловещее мерцание искажало силуэт, но даже так, со спины, в полумраке, я без труда узнала Габриэла Гримвелла.

Пальцы до боли сжали холодную ручку.

В руке мужчины сверкнул серебряный кинжал, которым он взмахнул над алтарем. Струйка темно-красной крови окропила камень, а заклинание зазвучало громче. Хотя стук моего сердца заглушал слова, а накотивший ужас мешал осознавать их смысл.

Я тенью метнулась прочь, свернула за угол и без сил сползла по стене.

Звездноликая богиня... Габриэл Гримвелл — колдун. И Генри, кажется, об этом знал. Вот почему он так странно отреагировал на весть о казни леди Харсперин!

Я попала в логово монстра.

В дом темного мага.

Если бы Генри не был пьян, я бы тотчас бросилась к нему. Потому что доверяла, потому что до конца не хотела верить, что он в курсе магии Габриэла. Хотя надежда на это таяла с каждой секундой. Он и

напился, возможно, потому что понимал: рано или поздно я все узнаю. И что теперь? Что мне делать теперь?

Увиденное поразило и ввергло в шок. Колдовство в моем понимании было уделом старых, скрюченных, уродливых ведьм. Кровавые ритуалы и убийства невинных меняли их облик, превращая в разлагающихся монстров. Да, Миранда Харсперин была красивой и обаятельной вдовой, но мое воображение маленькой, запертой в шкафу девочки, нарисовало именно монстра.

А сейчас перед глазами стояла обнаженная мужская спина, с идеальной мускулатурой, капельками пота на загорелой коже и красными рефлексам от жутких колдовских свечей.

— Добро пожаловать в семью, — услышала я над головой.

Испугавшись, я резко вскочила. Слабый свет из дальнего окна осветил Сибиллу. Зажав под мышкой бутылку, вероятно, украденную из остатков с банкета, она направлялась к себе и по дороге увидела меня.

— Что, страшно? — хмыкнула она. — Не бойся. Я — человек.

— Ты...

— Я не стану сдавать тебя дяде. Мне плевать.

— Ты пыталась меня предупредить.

Сибилла пожала плечами. Мне показалось, она выглядела еще грустнее обычного, в глазах читалась серая, монотонная тоска.

— Ты не послушала. Дура.

Подумав, она добавила:

— Я тоже такой была.

— Была? Что случилось?

— Дерьмо случилось. Дядя был против свадьбы. Я настояла. Перед свадьбой рассказала жениху и... он не захотел мириться с колдовством под собственным носом. И тогда...

Она поморщилась, откупорила бутылку и сделала щедрый глоток.

— Дэниел исчез.

— В каком смысле исчез?

— В смысле в саду, — рассмеялась Сибилла, — на глубине трех метров. Дядя сказал, что предупреждал меня. Я была в числе тех, кому первому выдали лопату. Что ж, Генри тоже придется закапывать твоё тело, если не сделаешь вид, будто безумно рада жить рядом с чудовищем.

— Звездолика...

Я словно оцепенела. Сердце обливалось кровью от мысли, что Сибилле пришлось пережить. Значит, она пьет, потому что по вине ее семьи убили ее же любимого человека... ее жениха. Который вовсе не бросил ее, а погиб, защищаясь от магии Габриэла!

— Боже. Мне очень жаль.

— Вау, ты в меньшинстве... как там тебя? Теана? И что ты будешь делать, Теана?

— Я?..

Меньше всего я ожидала этого вопроса. Что делать? Что я могу сделать, ненавидя магию всей душой? Нет, не так, что я ДОЛЖНА сделать? Генри не простит, если я предам его, но разве я могу простить ему и его семье магию? Загубленные жизни? Весь мир борется против таких, как Габриэл, а они просто привели меня сюда и надеялись, что смогут скрыть колдовство?!

— Мне нужно поговорить с Генри. Он пьян, но...

— Но не выжил из ума! — рассмеялась Сибилла, а я испугалась, что нас услышат.

— Тише! — прошептала я. — Пожалуйста! Сюда сбежится весь дом!

— Генри мечтает быть таким, как Габриэл. И мечтает развить свой дар.

— Дар? Он тоже...

Закрыв глаза, я снова прислонилась к стене. Сердце гулко билось о грудную клетку, грозя выскочить. В ушах шумело. Генри... мой Генри — колдун. Мой муж, единственный человек, которому я рассказала в подробностях, что пережила, ни словом ни взглядом не дал понять, что мне стоит бежать, не оглядываясь, на край света, спастись от темной магии и как страшный сон забыть мысль о том, чтобы стать членом семьи Гримвелл.

— Он во всем копирует Габриэла. Скопирует и в способах получить власть. Знаешь, как дядя стал главой семьи? Оклеветал родителей, обвинив их в магии. Они всю жизнь скрывали его способности, чтобы защитить любимого сына от закона. А когда он решил, что пришло время получить наследство и стать во главе Гримвеллов — то сдал мамочку и папочку властям, и смотрел, как их вешают на дворцовой площади.

Сибилла снова приложила к бутылке. Я уже начинала ей завидовать: напиться и забыться было бы самым простым. Не вспомнить ни единого слова из этого разговора на утро!

— Вот тебе мой совет, Теана. Беги отсюда. Беги и проси защиты у законников, сдай всю эту грязь, пусть получают то, что заслуживают. Дэниел похоронен в двадцати пяти шагах к северу от скрюченного дерева, что растет у самого забора. Его легко найти, оно единственное. Этого будет достаточно, чтобы Гримвеллам пришел конец. Кто-то должен оказаться с яйцами и заставить их прекратить.

Она посмотрела куда-то вдаль, в конец коридора, как будто обращаясь к невидимому слушателю. Или к жениху, которого потеряла и воспоминания о котором так страстно хотела залить алкоголем.

— Раз уж мне не хватило смелости. Может, хватит тебе...

Я не знаю, что меня больше шокировало: то, что Габриэл убил жениха Сибиллы и подставил собственных родителей, или то, что она сейчас просила меня сделать.

— Это же твоя семья...

— Ты представляешь, что такое каждое утро смотреть в окно на сад, где похоронен человек, которого ты любила? Ты представляешь, что такое умолять дать ему еще один шанс? Ты представляешь, что такое отвращение в глазах любимого мужчины? Я ничего не сделала, Теана! Я не колдунья, я не совершала преступлений, я всю жизнь старалась быть той, кем они хотят меня видеть! Занималась благотворительностью, училась... я влюбилась в хорошего парня! В доброго, веселого. Мы хотели уехать. Хотели свой дом. Детей. Но его убили, просто потому что он оказался не готов принять зло, которое возглавляет нашу семью!

— Прости. Мне так жаль, Сибилла...

— Мне тоже, — горько улыбнулась девушка. — И когда-нибудь, уж поверь, сюда придет красивая юная добрая девушка, которой Генри печально поведаст, что его первая жена, Теана, трагически погибла на третий день после свадьбы. И ей тоже... будет. Очень. Жаль.

Отчеканив последние слова, Сибилла неопределенно махнула рукой, будто прощаясь и, пошатываясь, побрела к себе. Я с трудом сделала несколько шагов к лестнице. Вдруг поняла, что если не выйду на воздух, то мне просто не хватит кислорода. Голова кружилась то ли от недостатка кислорода, то ли от свалившихся на нее откровений.

Прямо в свадебном платье, придерживая подол дрожащими руками, я неслышно выскользнула из дома и вдохнула ночной свежий воздух. На небе лукаво мерцали звезды, словно издеваясь, подмигивали девочке, у которой рухнул весь мир. Я торопливо шла по тропинке в глубь сада, боясь, что кто-нибудь в доме некстати выглянет в окно и заметит беглянку. А потом, когда впереди показались ворота, сорвалась на бег. Роскошный сад с кованой изгородью вдруг показался клеткой, а дом — я обернулась взглянуть на него — мрачной тюрьмой. Глаза сами безошибочно нашли окно Габриэла и — может, мне всего лишь показалось, но я отчетливо увидела в окне красные отблески колдовских свечей.

По телу прошла новая волна дрожи. Обрывочные, туманные воспоминания накатили, как и всегда, не вовремя. Я помню, как напряженно вслушивалась в звуки в доме, мне так и не удалось уснуть даже после того, как крики родителей навсегда затихли. Дом вскоре наполнился звуками, я снова было испугалась, но различила в мешанине голосов свою фамилию и поняла, что спасена. Ни до, ни после, я не рыдала и не стучала с таким отчаянием по тонкой перегородке, умоляя выпустить меня на свободу. И я совсем не помню, как взломали потайную дверь, за которой меня прятали, и офицеры вдвоем вытаскивали меня, чтобы отвезти в госпиталь.

Зато я отчетливо помню огарки красных свечей, разбросанные по дому. Они отлично сочетались с потеками крови... Габриэлу бы наверняка понравилось.

Я бродила по ночным улицам несколько часов, в конце которых признала, что у меня началась настоящая истерика. Я то смеялась, то принималась плакать. В платье было холодно, а лицо почему-то горело. Сама не заметила, как дошла до набережной и без сил опустилась на скамейку.

Что мне теперь делать? Как спасти Генри? Можно ли вообще спасти того, кто принял магию, кто от природы получил проклятый дар?

Я задумчиво смотрела на брачный браслет, приковавший меня к Гримвеллам. Я клялась довериться им. Клялась быть частью семьи, но как понять, что это значит? Быть частью — закрыть глаза на преступления? Или быть частью — и попытаться спасти тех, кто не заслуживает хоронить любимых на заднем дворе дома?

— И какие же философские вопросы могут занимать счастливую невесту в первую брачную ночь? — услышала я за спиной.

Резко обернулась — и увидела мужчину. Его скрывала ночная тьма, но слабый свет фонаря грубо обрисовывал черты, в которых я без труда узнала незнакомца, поймавшего мой букет и сделавшего жуткое предостережение.

Харальд Лотнер.

— Что вы здесь делаете? — чуть резче, чем собиралась, спросила я. — Вы следили за мной?

— Я знал, что вы придете сюда. Вода успокаивает вас, Теана Морнингблум. Или... Теана Гримвелл.

— Кто вы такой?

— Я ведь представлялся, — с легкой улыбкой ответил мужчина.

— Но я спрашиваю не имя. Кто вы такой?

— Законник. Начальник отдела по противодействию колдовству.

Сердце пропустило удар, я изменилась в лице и тем самым выдала себя с головой. Что он знал? Следил за Гримвеллами?

— Вы меня изучали! — догадалась я. — Мое дело!

— Разумеется. Я давно охочусь за Габриэлом Гримвеллом, и не мог не заинтересоваться невестой его племянника. Ваше личное дело находится в особом хранилище, леди Гримвелл. Приношу свои соболезнования в связи со смертью близких. Ужасная трагедия. С ними поступили несправедливо и жестоко. Надеюсь, вы оправились.

Я нервно рассмеялась.

— Прекратите это делать!

— Прекратить что?

— Напоминать мне о родителях! Вы специально разжигаете во мне злость.

— Всего лишь подбрасываю поленья, — улыбнулся Харальд. — Теана, я не враг вам. Видит Звездоликая богиня, я до последнего надеялся, что не увижу вас здесь. Но годы опыта, интуиция и холодный разум подсказывали иное. Вы не из их мира. Вы другая. Добрая. Чистая. Всем сердцем ненавидящая магию. Вы можете помочь мне, Теана.

— Помочь? — Я поморщилась. — В чем?

— Я знаю, что Габриэл Гримвелл — колдун. Вы, полагаю, тоже это знаете, именно поэтому вместо счастливого сна в объятиях мужа

коротаете холодную ночь на набережной с выражением ужаса и шока на лице. А еще я знаю, что вы любите этого мальчика и вам больно осознавать, в какой семье он вынужден жить.

Я закусила губу, чтобы сдержаться и не выдать Генри. Сибилла говорила, он тоже обладает магией. Выходит, Харальд не знал об этом и подозревал лишь Габриэлла. Может, я еще могу спасти мужа? Мы сможем уехать... справиться как-то со злом внутри него, ведь должен быть какой-то способ!

— Я очень давно наблюдаю за Гримвеллами. И давно мечтаю поймать Габриэла, но только сейчас получил ключ к его тайнам. Это вы, Теана. Ваши показания упрячут его за решетку, а впоследствии — приведут к виселице. Будет достаточно лишь вашего слова...

— Нет! — отрезала я.

— Теана, вы ведь, как и я, ненавидите магию. Как и я потеряли родных. Габриэлл Гримвелл — злодей, который погубил сотни судеб. По его вине погибла моя жена и пропала дочь. Можете себе представить отчаяние отца, который понятия не имеет, что с его ребенком? Теана, вы хотя бы знаете, что ваши родители мертвы, а я понятия не имею, что он сделал с моей Джулс.

Я ошеломленно качала головой, словно пыталась выбросить из нее каждое слово, которое ранило внутри.

— Вы лжете. Габриэл не мог...

Со вздохом Харальд сунул руку в нагрудный карман черного плаща и, вытащив небольшую, размером с ладонь, папку, протянул мне.

— Посмотрите.

— Что это?

— Посмотрите, Теана. Взгляните в их глаза.

В папке оказалась стопка портретов. С верхней на меня смотрела красивая блондинка с яркими фиолетовыми глазами.

— Это Лиэнн Грегстон. Она пропала пять лет назад. Последние недели перед исчезновением она встречалась с Габриэлом Гримвеллом.

К портрету была прикреплена газетная вырезка — там, на потускневшем фото Габриэл нежно обнимал блондинку на ступеньках перед Чармердским театром оперетт.

— А это Грета Лоус. Симпатичный рыжий ангел, совсем юная. Встречалась с Габриэлом Гримвеллом за месяц до своего исчезновения. А это Шанель Шапо. Роман с Габриэлом Гримвеллом за три недели до того, как ее мать в отчаянии пришла умолять найти ее дочь. Диана Гаррисон. Меган Риск. Татьяна Каталони. И... Спринг Мэлор. Ей едва исполнилось восемнадцать, когда она появилась в обществе с Габриэлом Гримвеллом. Ее нашли месяц назад... изуродованную в ходе кровавого магического ритуала. Не смотрите следующее фото, Теана...

Поздно. Я уже перелистнула карточку и невольно взглянула на фото с места преступления. Время и жестокость сделали с прелестной брюнеткой нечто невообразимое. Меня замутило, но, к счастью, я почти ничего не ела, поэтому лишь закашлялась и отвернулась к воде, тяжело дыша.

— Их всех ищут родные. Вероятно, эти девушки уже мертвы, стали жертвами ритуалов Габриэла. Он даже не скрывается, уверенный, что деньги отведут все подозрения. Теана... вы нужны им. Все они — Грета, Лиэнн, Татьяна, Шанель, Диана, Меган, Спринг — они заслуживают, чтобы зверь, который оборвал их жизни, получил по заслугам.

Я закрыла папку и отбросила в сторону, закрыв лицо руками.

— Вы должны помочь мне. Ради ваших родителей, которые отдали жизнь, чтобы вас спасти. Которые не сломались под ужасными пытками и не выдали вас. Вы должны быть их достойны, Теана. Должны отомстить за них, не позволить злодею убивать безнаказанно и дальше.

Харальд отпустился возле меня на колени и силой оторвал руки от моего лица.

— Показания, Теана. Всего лишь расскажите, что видели, что привело вас сюда. Анонимные показания, которые позволят нам наказать колдуна и убийцу. Никто не узнает, что вы свидетельствовали против Габриэла. Мы запишем их для суда, а затем спрячем вас так хорошо, словно вы — королевское сокровище. Мы представим вас очередной жертвой Габриэла, а когда с ним будет покончено, если вы захотите вернуться к мужу, то дадим вам легенду о жестоком похищении.

— Я не могу, Харальд... я клялась у алтаря...

— Вы клялись своему мужу, Теана. Генри. Неужели вы хотите, чтобы он продолжал жить рядом с убийцей? Неужели позволите ему постоянно находиться в опасности? Неужели решитесь на детей, растущих рядом с монстром? Нельзя, чтобы кошмар, случившийся с вами, повторился. Нельзя, чтобы ваш ребенок прятался за потайной дверцей, пока обезумевший от магии Габриэл расправляется с вами и Генри.

Его голос заглушил корабельный гудок — ночью через реку шли суда в соседнюю Эйнгорию.

— Вы хороший человек, Теана. Вы не сможете закрыть глаза на преступления Габриэла Гримвелла.

Он взял меня за руку и ободряюще сжал.

— И либо станете очередной его жертвой. Либо первым и последним судьей.

Глава третья

— Для протокола. Ваше имя?

— Теана Энн Гримвелл.

— Чья вы подданная?

— Королевства Чармерд.

— Дата рождения?

— Двадцать шестая ночь месяца рыси десятилетия орла.

— Кем вы приходитесь Габриэлу Гримвеллу?

— Я жена его племянника, Генри.

— Расскажите, что произошло.

— Сегодня, десятого дня месяца нерпы десятилетия янтаря состоялась наша с Генри свадьба. После церемонии в поместье Гримвеллом был банкет, посвященный нашему бракосочетанию. На банкете присутствовал и Габриэл. У нас случилась... небольшая ссора, и я ушла раньше.

— У вас с Габриэлом?

— Да... то есть, нет. Габриэл не одобрял мою кандидатуру для Генри и всегда относился ко мне прохладно. Он часто отпускал язвительные комментарии или устраивал провокации, на которые я реагировала. Генри ревновал, из-за этого мы поссорились, и я ушла.

— Хорошо. Что было дальше?

— Когда праздник закончился, я решила спуститься вниз.

— Сколько было времени?

— Не знаю, не помню... кажется, около двух часов ночи.

— Почему вы решили спуститься?

— Муж был очень пьян. Я расстроилась и ушла, собираясь немного посидеть в гостиной. Проходя по коридору, я услышала голос.

— Это был голос Габриэла Гримвелла?

— Да... нет! То есть... я не узнала его сначала.

— Почему голос привлек ваше внимание?

— Потому что он произносил заклинание.

— Вы знаете, как они звучат?

— Да. В детстве я столкнулась с колдуньей, она произносила заклятья для ритуала при мне. Я хорошо запомнила, как они звучат.

— Хорошо. И что вы сделали?

— У меня болит голова, — поморщилась я.

Женщина, сидевшая напротив, вздохнула. Харальд, до сих пор не проронивший ни слова, протянул мне стакан воды.

— Это необходимо, Теана. Нам нужны подробные показания, чтобы судья убедился, что вы в здравом уме и трезвой памяти, что хорошо помните вечер и отдаете отчет в том, что говорите. Не волнуйтесь. Воид с сопровождением уже ждет вас, чтобы увезти в безопасное место, где Габриэл до вас не дотянется. Осталось немного. Не волнуйтесь, Теана. Вы делаете доброе дело.

На столе лежали портреты девушек, как напоминание о том, что я делаю это не из ненависти к Габриэлу и не из страха перед магией, а из-за долга перед теми, кто уже не сможет себя защитить. И теми, кто пока еще в безопасности.

— Продолжим? — Законнице, как и мне, не терпелось закончить. — Вы услышали голос, он произносил заклинания. Что было дальше?

— Я пошла на звук и оказалась перед дверью в одну из комнат. Она оказалась не заперта, и тогда я заглянула.

— Что вы увидели?

Почему-то ее наводящие вопросы раздражали, и я едва сдержалась, чтобы не нарычать на законницу вместо ответа. Я сижу здесь в свадебном платье, сутки не спавшая, с раскалывающейся головой и поселившимся в душе ужасом! Я только что узнала, что мой муж — колдун, а его семья в прямом смысле хранит в шкафах кучу скелетов. Или не в шкафах, а в саду... И я, звездноликая ее порази, могу связно рассказать о том, как застала Габриэла за колдовством!

— Я увидела Габриэла Гримвелла, который проводил ритуал. Он...

— Что он делал?

Я стиснула зубы, подавив желание огрызнуться, и стала говорить быстрее, не давая законнице шансов вставить слово.

— Он стоял на коленях перед алтарем, в окружении красных свечей и произносил заклинание. Нараспев, монотонно, используя древний утраченный язык. Он был наполовину обнажен, а в руках держал серебряный кинжал. Для ритуала Габриэл использовал свою кровь, больше в комнате никого не было. Затем я закрыла дверь и

постаралась сделать так, чтобы меня не заметили. В коридоре мне встретила сестра Генри, Сибилла Гримвелл, которая и рассказала о том, что Габриэл — колдун, который держит в страхе всю семью. Он убил ее жениха из-за отказа того принять власть магии и молчать о силах Габриэла. Сибилла сказала, что Дэниел похоронен в саду, в двадцати пяти шагах к северу от скрюченного дерева возле забора. Затем я ушла из дома, отправилась на набережную, где меня и нашел офицер Лотнер. На этом все.

Я умолкла и перевела дух. Харальд за спиной законницы едва заметно улыбался.

— У вас еще есть вопросы?

— Нет, леди Гримвелл. Полагаю, мы закончили. Прочтите протокол и подпишите.

Я мельком пробежалась по собственным показаниям, записанным законницей. Так странно... конец моей истории любви в одной странице. Чужая судьба, рухнувшая семья, невинные жертвы Габриэла в сухом пересказе.

Рука замерла над пустым местом. С кончика пера сорвалась крошечная капелька чернил и безобразной кляксой расплылась на пергаменте.

Что я творю?! Я же объявляю войну воплощенному злу...

— Теана? — Харальд подобрался. — Что-то не так?

— Я...

— Теана, я прошу... без ваших показаний мы бессильны. Ходят слухи, что Габриэл Гримвелл сейчас встречается с Кессиди Гронс, ей всего лишь девятнадцать и она — самый молодой стипендиат Чармердской королевской лекарской академии. Я не могу допустить, чтобы она повторила судьбу этих девушек. Пожалуйста, Теана... ваши родители стали жертвами магии, вы знаете, какой ужас испытывает жертва. Мы обязаны сделать все, чтобы колдовства в мире стало меньше.

Выдохнув, одним движением я поставила подпись под показаниями и почувствовала, как закружилась голова.

— Вы молодец, Теана. А теперь вам лучше уехать. Мы все сделаем сами. Вам следует отдохнуть и отсидеться. Я всегда буду на связи. Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Да, — я облизнула пересохшие губы, — мне нужно во что-то переодеться, свадебное платье неудобное и слишком заметное.

— Я подыщу для вас что-нибудь, — кивнул Харальд.

Подыщите для меня новое сердце. Прошлое рассыпалось на тысячу кусочков.

Через полчаса я получила форменный костюм служащего. Подозреваю, им могла поделиться та же самая законница, что допрашивала меня, но я была не в том положении, чтобы капризничать и ставить условия. Узкие темно-синие штаны и белоснежная рубашка были впору, а вот куртка оказалась велика. Но зато она отлично спасала от утренней прохлады.

Над Чармердом вставало солнце, красило небо в розово-желтые оттенки. Харальд Лотнер лично проводил меня к служебному воиду. Двое законников уже ждали, готовые сопроводить меня в безопасное место. От сердца отлегло: не обманул. Я до последнего ждала, что мне скажут что-то вроде «Благодарим за сотрудничество, вы свободны, с вами свяжутся».

— Куда мы поедем? — спросила я.

— Вам лучше не знать, Теана. Так безопаснее. Наши люди отвезут вас в служебный коттедж вдаль от города, в тайное и хорошо защищенное местечко. Гримвеллы не найдут вас там.

— Хорошо.

Словно почувствовав, что меня одолевают сомнения, Харальд остановился перед воидом и мягко удержал меня.

— Теана... вы поступили правильно. Вы сделали то, что сделал бы каждый на вашем месте.

— Я сомневаюсь, офицер Лотнер. Я предала человека, которому клялась в любви.

— Вы спасли множество жизней. И если ваша клятва была обоюдной, Генри поймет и простит вас. Поверьте.

— Что теперь будет?

— Мы арестуем Габриэла Гримвелла сегодня в обед, а к вечеру предъявим обвинение в колдовстве. Уже на закате вынесут приговор, а на следующий день его повесят.

Я вздрогнула, поежившись: от ледяного ветра не спасала даже теплая куртка.

— Поезжайте, Теана. Вам нужно отдохнуть.

— Будьте осторожны. Габриэл умнее, чем кажется.

— Непременно.

Я нырнула в темное и неприветливое нутро воида, а законник закрыл за мной дверь. Они оба сели за управление, оставив меня наедине с мыслями, страхами и тревогами. Темное стекло надежно скрывало меня от посторонних взглядов, включая и Харальда Лотнера. Его фигура медленно удалялась, а на губах играла странная торжествующая улыбка. Впрочем, она могла мне всего лишь привидеться.

Мы неслись прочь от столицы, по мосту, через западный холм. Плотная каменная застройка сменилась лесом. Если приглядеться, можно было рассмотреть живность, что обычно не забредала в города: болотных раков, лесных мышей и прочих мелких тварюшек.

Откинувшись на спинку, я закрыла глаза. Звезднолика... что я натворила? Простит ли меня Генри, и если да, то сумею ли я помочь ему справиться с отравляющим проклятьем? Магия натворила немало бед и отняла сотни жизней. Габриэл погряз в ней, как беспечный путник погрузился в трясину, но Генри... в Генри еще было добро, он умел смотреть на мир и видеть в нем что-то помимо смерти и крови.

Мне хотелось в это верить.

Что бы там ни говорил Харальд Лотнер, я собиралась вернуться. Нельзя сдаваться так легко, я вышла замуж и еще надеюсь сохранить семью. Всего пара дней. Пара дней в глуши, а когда с Габриэлом будет покончено — я найду Генри и постараюсь объяснить. Он и сам все понимал, он не просто так напился, его что-то мучило. Теперь я знаю, что именно.

Воид уже набрал скорость и уверенно несся прочь, с каждым преодоленным метром приближая меня к безопасному безлюдному месту. Постепенно я успокаивалась и оправлялась от шока. Появился легкий голод. Я даже с некоторым наслаждением подумала о том, как доберусь до мягкой постели и наконец-то отдохну. Безумно долгий день. Не о такой свадьбе я мечтала.

Пространство вокруг внезапно осветила яркая слепящая вспышка. Она пробилась даже сквозь затемненные окна. Я едва успела вскрикнуть. Короткий болезненный укол страха — и грохот, а потом воид мотнуло в сторону, несколько раз перевернуло и ударило о толстый ствол ближайшего дерева. Я закрыла голову руками, но все

равно ударила о дверь. Из легких будто выбили весь воздух, руку заломило от боли, а по виску потекла теплая струйка крови.

Когда все стихло, я почувствовала, как сознания медленно, но неминуемо утекает сквозь пальцы.

Звездолика... я не хочу погибнуть вот так, только-только вступив в борьбу с темным магом, в борьбу за свою семью, за мужа, за счастье и за безопасный мир.

В котором, кажется, жить уже не мне.

Мне снилось поместье Гримвеллов. Над столицей Чармерда сгустились тяжелые свинцовые тучи. В саду и вокруг дома царил безмолвие, такое бывает перед грозой, за несколько минут до оглушительных раскатов грома. Казалось, жизнь здесь остановилась. Никто не бродил по застекленной веранде, прислуга не сновала по дому. Я словно очутилась в параллельном измерении, где вообще не существовало людей.

Только покинутые дома.

Странное ощущение, как будто все вокруг не реально. Как будто это сон и... и я вспомнила резкую боль, воид, гаснущее сознание. Будь все как обычно, я бы сказала, что покрылась холодным потом, но я не чувствовала ровным счетом ничего. Ни боли, ни собственного тела... только страх от понимания, что я, кажется, мертва.

Неужели это оно? И вот так выглядит смерть? Тогда она не так плоха, в конце концов все произошло очень быстро. А еще я, возможно, смогу попрощаться с Генри. Только странно не видеть себя и не чувствовать.

Впрочем, в доме кто-то все же был: я услышала голоса и прежде, чем успела об этом подумать, направилась к их источнику. Это оказался кабинет, уютный и строгий, с добрым десятком огромных, под потолок, шкафов с книгами. Кабинет принадлежал Габриэлу, и точно не был плодом моего воображения: я никогда в нем не бывала.

— Что ты будешь делать?

Генри сидел в кресле, низко опустив голову. Габриэл стоял, опершись на шкаф.

— То, что должен. Ты прекрасно все знаешь, Генри.

— Не убивай ее. Она не заслужила.

— Я дал ей тысячу шансов уйти. Она изображала готовую стоять до конца влюбленную женщину, но ударила исподтишка и в спину. И

ты просишь ее пожалеть?

— Ты ведь знаешь, что произошло с ее родителями. Она испугалась! Это я виноват, я оттолкнул ее...

— Да, твоя ревность определенно не помогла делу, Генри. И это будет хорошим уроком.

— Дядя...

— ЧТО?! — рявкнул Габриэл. — Что?! Что я должен делать?! Ты прекрасно знаешь, что я защищаю семью. Тебя, мать твою, Генри, в том числе! Хватит с меня того, что Сибилла окончательно поехала крышей. Ты понимаешь, что твоя Теана устроила? Какому риску подвергла нас всех? Если законники найдут всех девушек... ты хоть представляешь, что будет с нами? Забудь обо мне, подумай о себе, о матери, сестрах? О друзьях, которых будут допрашивать. О том, что законники найдут в доме и в саду. Ты готов через все это пройти и, возможно, погибнуть ради какой-то девки?

Генри молчал, и я видела, как он до побелевших пальцев сжал кулаки.

— Я напоминаю, Генри, что мы обсуждали это тысячу раз. Ты клялся, что уверен в ней. Убеждал меня, что Теана способна принять правду. Я устраивал ей проверки при каждой встрече, и каждую она проваливала, но ты был влюблен — и мне хотелось, чтобы ты был счастлив. Однажды ты возглавишь семью, Генри, и я тебе доверял. То, что произошло — целиком и полностью твоя вина. Вместо того, чтобы особенно бережно отнестись к жене, сделать так, чтобы она чувствовала себя как дома, окружить ее любовью, через которую Теане будет сложно переступить, ты надрался, как последняя скотина, обвинил ее в измене и выпер прочь!

— Я ее не выгонял!

— Знаешь, я бы тоже не стал спать в одной постели с похмельным животным.

— А что насчет тебя?! Не пробовал запирать дверь во время ритуала?!

— Это мой дом, Генри, и я не собираюсь прятаться. Достаточно и того, что мы делаем это за его пределами. Ты должен был заботиться о безопасности семьи на время, пока Теана не стала бы неопасна. Как оказалось, я переоценил тебя. Ты еще ребенок, неспособный принимать решения. Но...

Он прошелся по комнате, сосредоточенно меряя шагами расстояние от шкафа до стола.

— Если ты продолжаешь настаивать, что новоявленная леди Гримвелл, в девичестве Морнингблум, не заслуживает смерти, то я не стану перечить. Хватит Сибиллы, которая считает меня злодеем и убийцей. Теана будет жить, Генри, если ты примешь такое решение, но осознавай, пожалуйста, последствия. Лотнер найдет тех девушек и у него появятся против меня улики.

Генри вскинул голову.

— Тебе придется быть очень хорошим актером, чтобы убедить законников, что вся семья и не подозревала, какой злодей стоит в ее главе. И ты займешь мое место. Вряд ли Теана будет с тобой, но она будет жива. Вот такая вот цена ее жизни. Готов ты ее заплатить?

Если бы я могла дышать, я бы непременно затаила дыхание.

Генри... парень, в которого я неосторожно влюбилась, казался мне принцем, а превратился в проклятье.

— Я так и думал, — холодно откликнулся Габриэл в ответ на молчание племянника.

Все вдруг погасло — как будто разом потухли все свечи, и я провалилась в темноту, в беспокойный сон без сновидений, который закончился резкой болью сразу во всем теле. Открыв глаза, я обнаружила себя лежащей в огромной постели. Отблески заката раскрасили белый потолок в розово-золотые оттенки.

Во рту ужасно пересохло, я отдала бы душу за глоток воды, но никого не интересовала моя душа. Попробовав пошевелиться, я поняла, что делаю это с трудом. Тело едва слушалось, а еще нещадно болело. Голова раскальвалась, нога неприятно ныла, а рука, зафиксированная в запястье жесткой манжетой, выглядела так, словно ее драли дикие кошки.

С огромным трудом, до боли стиснув зубы, я поднялась. Опустила ноги на холодный пол и закашлялась от накотившей тошноты.

Что случилось? Где я и что происходит?

Попыталась вспомнить события, предшествующие пробуждению, но это получилось с огромным трудом. Я словно продиралась через густой туман, крупица за крупицей восстанавливая день свадьбы. Ссора с Генри... по телу пробежали мурашки — обрывочные воспоминания-картинки о темном ритуале и обнаженной рельефной

спине в красных отблесках свечей. Разговор с Сибиллой, холодный ночной воздух, череда портретов молодых девушек... красивых, ярких... мертвых. Харальд Лотнер, показания, авария...

Был ли тот случайно подслушанный разговор Генри и Габриэла сном? Или я действительно умирала и лишь каким-то чудом сейчас очнулась?

Но ведь это значило, что я в доме Гримвеллов? Нет! Нет, нет, только не это! Как я могла здесь оказаться? Он же всего лишь колдун! Да, опасный убийца, маг, богатейший человек Чармерда, но ведь не бог! Так быстро узнать, что я дала показания, выследить воид законников, что должен был отвезти меня в безопасное место, подстроить аварию и привезти меня обратно в дом? Да ни одному колдуну, даже самому сильному, не хватило бы на это времени и сил.

Разве что у Гримвеллов среди законников были свои люди, осведомители... в этом есть определенный смысл, потому что редко какие богатые семьи не водят дружбу с представителями власти. Магия магией, но золотым родам порой приходится скрывать самые разные вещи, и лучше бы среди законников был кто-то лояльный.

Я потеряла глаза. Какая же я дура! Нужно было бежать без оглядки, продать кольцо или как-то добыть денег, изменить внешность — и бежать на край света, в Эйнгорию, подальше от проклятых Гримвеллов, предателя-мужа, подписавшего мне приговор, его полоумной сестрички и дяди-колдуна.

В шкафу, с внутренней стороны дверцы, обнаружилось зеркало. Я с ужасом рассматривала себя: ссадина на лбу, разбита губа, запястье перемотано бинтом и жестко зафиксировано, коленки разбиты, а одно бедро красное и припухшее от огромного ушиба. Похоже, я чудом осталась жива и ничего себе не сломала.

Пошевелила запястьем, чтобы убедиться — всего лишь вывих, не перелом.

Потом я заметила еще кое-что странное, и снова поежилась от страха. Мои волосы были абсолютно чистыми: ни следа крови или грязи, как и на руках, все порезы выглядели обработанными, и даже запекшаяся кровь под ногтями была вычищена почти полностью. А еще я была абсолютно голая, и не нашла нигде одежду, поэтому, когда вдруг щелкнул замок и дверь открылась, я молнией метнулась к

постели, схватила покрывало и завернулась в него за считанные секунды.

Габриэлу Гримвеллу было плевать. Он смерил меня тяжелым мрачным взглядом и запер за собой дверь. От меня не укрылось, как мужчина надежно спрятал ключ во внутренний карман пиджака.

— Теана. Ты очнулась. Наш целитель сказал, что ты проспишь до утра.

— Что вам от меня нужно?

Звездоликая! Как же дрожал мой голос. Я чувствовала себя дичью перед охотником, в тот роковой миг, когда стрела срывается с лука и разрезая воздух несется к жертве. Она еще жива — но это всего на несколько мгновений.

— Сложно сказать, что мне от тебя нужно, потому что на самом деле, Теана, мне не нужно ничего. Я не звал тебя в свою семью, не просил войти в мой дом и не позволял лезть в дела рода грязными руками.

— Вы колдун!

— Верно, — легко и просто согласился Габриэл.

Я опешила и задохнулась.

— Вы что, даже не собираетесь отрицать?!

Боже, неужели я еще надеялась, что он попытается все скрыть и с этой попыткой сохранит мне жизнь?

— Зачем? Ты видела меня за ритуалом, ты говорила с Сибиллой, давала показания Харальду. Думаешь, если бы я сказал «О, нет, Теана, ты ошибаешься — я всего лишь актер театра, и ты застала меня за репетицией роли злодея», то все как по колдовству станет нормально? И вы с Генри отправитесь в свадебное путешествие, а я стану рассказывать эту забавную историю о твоём доносе на семейных вечерах?

— Я думаю, что если бы вы действительно любили Генри и свою семью, то не стали бы заниматься колдовством.

— Ты мало что знаешь о колдовстве.

Его глаза опасно блеснули.

— Это ведь не вышивание и не старинные танцы, Теана. Нельзя прекратить колдовать просто потому что так захотелось или страшно, что подумают люди. Это — часть тебя. Как сердце. Как легкие. Как способность дышать — и эта же необходимость. Как смертельная

болезнь. Если не давать магии выход, она просто убьет тебя. Мучительно, медленно, уродливо.

— И поэтому вы убиваете других.

Габриэл рассмеялся.

— Какая вежливая девочка, даже обвиняет в убийстве исключительно «на вы».

Я подумала, что и правда глупо манерничать с тем, кто собирается тебя прикончить, но почему-то язык не поворачивался поставить себя с Габриэлом Гримвеллом на одну ступеньку. И даже не потому что он был старше, а потому что от него исходила странная пугающая сила. Должно быть, так проявлялась магия, которую он сейчас не сдерживал, и она переворачивала все внутри, заставляла мелко дрожать в его присутствии, судорожно вцепившись в покрывало.

— Ты напрасно решила, что можешь быть мне судьей, Теана. Роковая ошибка.

— Мои показания уже у законников.

Они ничего не решают. На всех высших лордов ежедневно пишутся доносы.

— И что? Вы думаете, убьете меня, и Харальд Лотнер ничего не заподозрит?

— Видишь ли, Теана... — медленно произнес Габриэл. — Если я убью тебя, чего мне, безусловно, хочется, то это всего лишь докажет мою вину. Можно, конечно, закопать твое тело в саду и делать вид, будто ты сбежала после свадьбы, ограбив нас. Но мне бы хотелось выйти из этой ситуации с наименьшими потерями для меня и семьи. К сожалению, как ты понимаешь, понятие семьи уже не включает тебя — поэтому твои потери будут существенны.

Меня била мелкая дрожь, но упрямая девочка внутри не желала сдаваться. Куда страшнее всех кар, придуманных Габриэлом, была даже мысль о том, чтобы показать перед ним слабость. Опуститься до мольб и умолять о пощаде... ну уж нет, если умирать, то с гордо поднятой головой. Не отводя взгляда от его колдовских глаз.

— И что вы... ты собираешься делать?

Прежде, чем ответить, Габриэл извлек из кармана — того же, куда спрятал ключ — небольшой серебристый флакончик, запечатанный сургучом.

— Единственный способ оставить тебя в живых — сделать так, чтобы твоим словам никто не поверил. Чтобы их посчитали бреднями и ложью. Это можно сделать разными способами. Например, обвинить в колдовстве тебя. Выпустить в людное место и сделать так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в том, что это ты вошла в дом благочестивого и магобязненного семейства с колдовством и попыталась меня подставить. Знаешь, что случится тогда, Теана?

Я с шумом сглотнула. Погибнуть как ведьма, по обвинению в магии, которая всегда вызывала отвращение, с которой я страстно мечтала покончить, было бы больно.

Габриэл, кажется, подпитывался моими страхом и отчаянием. Его глаза возбужденно блестели, а губ то и дело касалась легкая усмешка. В нем даже сейчас была темная притягательная красота.

— По глазам вижу, этот вариант тебе не по душе. Именно поэтому я и принес зелье.

— Зелье?

— Моя личная разработка. Оно подавляет волю. Я сварил его вчера, предполагая, что ты можешь... отреагировать на откровения Генри не совсем так, как нам бы хотелось. Похоже, ты застала меня в тот момент, когда надо было добавить кровь. Но это уже неважно. Зелье подавит твою волю, сделает тебя зависимой от моих приказов и на двадцать четыре часа превратит в послушную марионетку. Затем я прикажу тебе сделать что-нибудь... неадекватное — вроде того, как раздеться на дворцовой площади или кидаться на прохожих в приступе безумства. Выкрикивать абсурдные обвинения, объявить короля колдуном. После этого твоим словам обо мне, особенно когда я, как благородный и скорбящий о трагично завершившемся браке племянника, оплачу твое лечение в одном из лучших душевных госпиталей, никто не поверит. Я сохраню свою тайну, а ты...

Он пожал плечами.

— Отделаешься парой лет в заведении для душевно больных. Если будешь хорошей девочкой, не станешь упрячиться и сыграешь нужную роль после того, как действие зелья закончится — выйдешь из лечебницы такой же, какой была до знакомства с Генри. Нищей, с забитой идиотскими идеями головой. Разве что уже не такой наивной.

Я медленно отступала, качая головой. В ней не укладывалось, что такое зелье вообще могло существовать. Что есть сила, способная

лишить меня воли и сделать куклой, в которую будет с упоением играть кукловод. Я отступала до тех пор, пока не уперлась спиной в стену. Габриэл терпеливо ждал, а затем, спустя бесконечно долгую минуту, продолжил:

— Если же после выхода ты продолжишь настаивать на том, что я имею какое-то отношение к колдовству, то... что ж, душевно больные люди часто совершают опасные поступки. В том числе и для самих себя. Со своей стороны могу пообещать, что наша семья похоронит тебя как полагается. Как жену, пусть и несостоявшуюся, Генри Гримвелла.

— Катись в ад! — рыкнула я.

Теперь я знала, что чувствует зверь, загнанный в угол.

— Теана... — Габриэл покачал головой. — Я не хочу убивать тебя. Это единственный способ сохранить твою жизнь и мою семью.

Когда он приблизился, его зрачки были настолько расширены, что глаза казались бесконечно черными, как сама ночь.

— Я пожертвовал очень многим, чтобы защитить их. Ты даже не представляешь, через что я прошел, Теана. Я не хочу тебя убивать, но не задумываясь сделаю это, если ты будешь упрячиться.

— Я хочу поговорить с Генри! Я хочу его увидеть!

— Он не хочет с тобой говорить. Ты предала его.

Я горько усмехнулась.

— А он меня нет? Он знал, что случилось с мамой и папой, но все равно привел меня в этот дом... к тебе... и оставил меня одну на свадьбе и после.

— Ваш союз был обречен. Я совершил ошибку, разрешив его. Нужно было пресечь все на корню.

Габриэл поднял серебряный флакон к моему лицу.

— Решайся, Теана. Это единственный способ. Лучше заплатить несколькими годами жизни, чем ею всей.

Я словно оцепенела. Завороженная взглядом темных глаз, вжималась в холодную стену, судорожно удерживая покрывало на груди. Его полы давно упали к ногам, и я чувствовала себя ужасно уязвимой. Касающаяся стены кожа на спине покрылась мурашками.

К моим губам прижалось теплое горлышко флакона. Габриэл стоял очень близко, я ощущала тепло его тела и грубые жесткие пальцы на шее, вынуждающие запрокинуть голову.

— Пей... — бархатистый шепот ворвался в голову и навеки поселился в воспоминаниях, которые — я была уверена — еще не раз станут ночными кошмарами. — Пей, Теана...

Терпкая, немного пряная жидкость потекла в горло. Я сжалась, пытаюсь уклониться от глотка, все еще надеясь на чудо, но Габриэл не собирался меня отпускать, и воздух в один момент просто закончился. Я закашлялась, пищевод обожгло горячим зельем.

— Вот и молодец, — все тем же бархатистым голосом произнес Габриэл.

Его грудь тяжело вздымалась.

— Несколько минут — и ты моя. На двадцать четыре часа принадлежишь мне.

Облизнув губы, я закрыла глаза, прислушиваясь к ощущениям в теле. Сначала почти ничего не изменилось, но потом будто стало спокойнее. Сердце перестало бешено стучать, выпрыгивая из груди. Чего нельзя было сказать о Габриэле: моя рука лежала на его груди (а ведь я даже не заметила, как попыталась его оттолкнуть) и я чувствовала частые сильные удары его сердца.

— Опустит руку, — хрипло приказал мужчина.

Мои пальцы разжались сами собой, а покрывало упало к ногам.

Звездоликая... магия прикоснулась ко мне, обвила горло, дотянулась спустя столько лет. Смотрит колдовскими глазами самого пугающего мужчины на свете.

Накатило удивительное спокойствие. Я как будто ощущала себя в абсолютной безопасности и тепле. Не было ни страхов, ни тревог, ни разочарований. Безграничное доверие и беззаботность. Часть меня все еще осознавала ужас присутствия Габриэла Гримвелла, а другая часть признала в нем самого близкого человека на всем свете.

— Не бойся... — задумчиво, даже немного грустно произнес он. — Я тебя не обижу. По крайней мере, постараюсь.

Он невесомо провел кончиками пальцев по моему плечу. Я задохнулась от приятного тянущего ощущения внизу живота, почувствовала, как покалывает губы, с которых мужчина не сводил взгляд. Он словно тоже вдруг выпил какое-то зелье. Или сбросил маску, обнажив то, что сидело внутри, и это оказалось совсем не

уродливое лицо колдуна. В потемневших серых глазах можно было увидеть тоску и странные искорки, как будто от возбуждения.

Раньше я всегда смеялась от выражения «увидела в его глазах», потому что сколько бы ни смотрела в самые разные — карие, голубые, большие и маленькие, слепые и зрячие, живые и мертвые — ровным счетом ничего в них не видела. И только встретив Габриэла Гримвелла поняла, что это значит.

Его глаза могли рассказать о многом. Но мне не хотелось слушать.

— Генри убьет меня, если узнает, — усмехнулся он. — Но я почти уговорил себя, что заслужил эту небольшую награду... тебя, Теана. Всего на несколько часов, когда ты всецело в моей власти.

Он взглянул в окно, а рука меж тем поднялась к моей ключице, обрисовала ее контуры и спустилась к груди. Я боролась с собой, умоляла себя отшатнуться, но вместо этого будто тянулась за прикосновениями. В них было столько осторожной нежности, что я и без зелья вряд ли смогла бы остаться равнодушной. Меня очень давно так не касались... пожалуй, никогда.

— Уже почти ночь. До утра есть немного времени.

Он медленно склонился к моим губам, опалив их горячим дыханием. Замер, будто собирался сказать что-то еще, но ни один звук не нарушил звенящую тишину спальни, нарушаемую лишь биением сердца. Я не смогла бы точно сказать, его или мое так громко стучало в ожидании прикосновения. Но первое мгновение поцелуя обернулось яркой вспышкой, из которой разгорелось пламя.

Меня никогда так не целовали. Так откровенно, властно, но в то же время чувственно. Как будто не Габриэл минуту назад угрожал убить меня и как будто не он собирался отправить меня на несколько лет в ад, чтобы скрыть собственные преступления. На секунду появилось ощущение, как будто мы всего лишь целуемся. Потому что влюблены, потому что целоваться — так же естественно, как дышать,

хотя дышать как раз получалось не очень. Вдох через раз, и вместо воздуха — выдох мужчины. Габриэлу было плевать на то, как поцелуй выглядит со стороны и насколько он романтичен, он как будто в жаркий день дорвался до чистой холодной воды.

И хоть разумом я понимала, что совершаю самую ужасную ошибку в жизни, зелье и накопившая слабость не дали сопротивляться поцелую. Ставшая чувствительной кожа горела там, где касалась ткань его одежды. С моих губ сорвался тихий стон. Когда Габриэл прервал поцелуй, стало холодно и одиноко.

— В чем-то насчет меня ты была права, — сказал он. — Я точно не благородный магобязненный лорд.

Чередой мелких обжигающих поцелуев он прошелся по моей шее, стальные руки сомкнулись на талии. Одновременно невидимая рука словно сдавила сердце — по измученному телу прокатился приятный спазм. Только разбитая губа немного болела, но лишь в моменты, когда Габриэл прерывал поцелуй, чтобы придумать какую-нибудь новую мучительную пытку.

— Не представляешь, — языком он пощекотал чувствительную впадинку за ухом, — как давно у меня никого не было. И как сильно я тебя хочу... потому что, будь ты проклята, Теана, все идет не по плану. Совсем не по плану...

Он с хриплым стоном снова ко мне потянулся, и в этот же момент я осознала, что тянусь ему навстречу. И это ужасно болезненное желание ощутить прикосновения того, кого, казалось, я ненавидела, не имело ничего общего с зельем, что должно было подавить волю. Понимание этого даже отвлекло от возбуждения, которое стало таким нестерпимым, что почти превратилось в болезненную тошноту и головокружение. Отвечая на поцелуй, я уже не отдалась ему целиком, а осторожно сжала пальцы здоровой руки, лежащей на шее Габриэла. И чуть царапнула острыми ноготками. Ослепленный желанием, Габриэл принял слабую боль за инстинктивный жест страсти и, кажется, он его только распалил, но я ликовала!

Или он переоценил приготовленное зелье, или искренняя ненависть к магии оказалась способна ей противостоять. Я все еще была слаба и зачарована обрушившейся чувственной пыткой, но я не была куклой, лишенной разума. Хорошая новость: у меня появился шанс спастись.

Плохая: безволие ушло, но я все еще хотела того, что собирался сделать Габриэл Гримвелл.

Хотя страх все же обвил холодными щупальцами сердце. Я собиралась играть с очень опасным и жестоким человеком. Вряд ли Габриэл меня отпустит, а значит, мне придется поступиться гордостью и очутиться в его постели. Играя роль одурманенной зельем, ненавидя этого мужчину за то, что он собирался сделать и одновременно желая — уже не по воле магии.

Почему я такая? Почему я внутри совсем не та добрая девочка Теана, которой хочу и которой обещала быть? Как красивое наливное яблоко с червивой сердцевинкой? Почему я не могу заставить себя оттолкнуть Габриэла и гордо умереть за память родных, погибших из-за магии?

Все вокруг — комната, неприветливый мрачный дом, боль от аварии и страх перед уготованным колдуном будущим, растаяло из-за жара, исходившего от Габриэла. Играть одурманенную зельем было сложно, но на меня работала страсть мужчины — он почти ничего не замечал, с упоением даря обжигающие и выматывающие ласки.

— Я не сделаю тебе больно, — хрипло прошептал он, увлекая за собой к постели.

Снова в свои объятия. Медленно и нежно, как будто не был монстром с человеческим лицом. Как будто не собирался уничтожить меня.

От отчаяния на глаза навернулись слезы.

— Не плачь. Не бойся, Теана.

На секунду в серых глазах я увидела себя. Может, не те же самые, но совершенно точно такие же мучительные воспоминания и сомнения. Так, как смотрел Габриэл, смотрят те, кто очень устал от потерь.

Вскоре я поняла, что совершенно неважно, как именно себя вести. Я все равно не умела ровным счетом ничего, и Габриэл не ждал вместо вчерашней невесты племянника страстной раскованной любовницы.

Какие странные порой повороты совершает жизнь. Не будь он тем, кем является, я должна была бы оттолкнуть его, заставить прекратить и не поддаваться охваченному возбуждением телу. Но сейчас все, что от меня требовалось — просто отдаться желанию... и мужчине. Сыграть нужную роль оказалось одновременно и очень просто и невыносимо сложно.

Завороженно я смотрела, как Габриэл торопливо раздевается, обнажая идеально сложенное тело. Плавные изгибы мышц, упавшие на лицо пряди темных волос и сводящие с ума пальцы. Отбросив рубашку, Габриэл снова впился в мои губы поцелуем и подтолкнул к вороху подушек.

Мир сузился до неторопливого дразнящего поцелуя, тяжести мужского тела, хриплого дыхания Габриэла и соприкосновения тел, из-за которого я словно чувствовала, как кожи касаются крошечные огненные искорки.

Не осталось ни одного миллиметра моей кожи, которого не касалась горячая ладонь Габриэла. Живот свело от сладкого, но в то же время болезненного спазма.

За окном окончательно стемнело, только луна робко заглядывала в спальню, освещая нас в постели.

Я запомню эту ночь. Медленные осторожные движения. Его низкий хриплый стон. Мое учащенное дыхание и ногти, впивающиеся в разгоряченную влажную кожу. Вспышку удовольствия, целую вселенную перед глазами и переплетенные пальцы рук.

А еще я запомню маленькую, совсем незначительную деталь: то, как руки Габриэла сомкнулись у меня на талии, когда он, засыпая, смотрел в потолок. Меня никогда не обнимали одновременно так крепко и нежно. Создавая иллюзию, будто я ему нужна. Будто мы занимались не сексом, а любовью.

Будто утром нежность не превратится в жестокость.

Я долго прислушивалась к дыханию Габриэла, ждала, когда он уснет. Боялась пошевелиться, но вскоре ритм его сердца замедлился, а дыхание стало ровнее. Я подняла голову, пытаюсь рассмотреть в слабом лунном свете черты Габриэла. Никогда не видела его без

обычной маски циника и уверенного в себе мужчины. Пожалуй, это я тоже запомню.

Едва дыша, закусив и без того саднящую губу, я осторожно пошевелилась. Габриэл крепко прижимал меня к себе, я практически лежала сверху. Приятная усталость и ломота в теле заставили покраснеть. Что я натворила!

У меня не было шансов. Я должна была позволить Габриэлу все, что он хотел, чтобы получить шанс на спасение. Но как же отвратительно я себя чувствовала. Я предала Генри, я не просто оказалась в постели его дяди, но и таяла от его прикосновений, отвечала на поцелуи, позволила ему делать со мной все, что вздумается.

Тянуть дальше не было смысла. Если я хотела сбежать, то сейчас — тот самый момент. Нужно только осторожно выбраться из объятий Габриэла, взять ключи из кармана его пиджака — и бежать, бежать, пока Чармерд с его колдунами и монстрами не останется далеко позади. В Эйнгорию, на край света. Чтобы забыть все, что случилось со мной в особняке Гримвеллов...

... за исключением этой ночи.

Высвободиться из кольца рук Габриэла так, чтобы не разбудить его, было сложно. Стиснув зубы — ушибленная нога очень болела, а рука в фиксирующей повязке толком не слушалась, я сползла с постели и затихла. К горлу то и дело от страха подкатывала тошнота.

У меня не будет шанса оправдаться, если Габриэл вдруг проснется. Я должна полностью подчиниться ему, спокойно спать рядом, утомленная наслаждением и обессиленная зельем. Поэтому права на ошибку нет.

Стараясь делать все как можно тише, я попыталась найти одежду и поняла, что ее просто нет. Я ведь проснулась в постели обнаженной, с обработанными ушибами. Они наверняка сняли всю грязную одежду и выбросили ее, а новой не дали. Но ведь Габриэл не собирался отправить меня в люди голой! В доме есть одежда, ее только нужно найти... добыть ключ, выбраться из спальни, быстро найти одежду и бежать. А еще не встретить ненароком никого из Гримвеллов... Звезднолика, помоги мне!

Сердце ушло в пятки, когда я задела локтем стул — и тот противно скрипнул. Я закрыла глаза, готовясь услышать голос

Габриэлла, но ничего не произошло. Молнией метнувшись к пиджаку, валявшемуся на полу, я пошарилась сначала в одном внутреннем кармане, затем и в другом. Кроме ключа обнаружила еще и небольшой медальон, внутри которого обнаружился небольшой портрет красивой темноволосой женщины. Она лучезарно улыбалась, поправляя широкополую белую шляпу.

Интересно, кто она? Жена? Возлюбленная? Габриэл Гримвелл хранил куда больше секретов, чем приверженность к колдовству — это я сегодня отчетливо поняла во время близости.

Ключ был у меня! Почти получилось, я почти вырвалась! Не знаю, как, но сбросила наваждение колдовского зелья, сыграла свою роль, добыла ключ — и от свободы меня отделяют всего несколько шагов!

Когда я подскочила к лестнице, то услышала, как Габриэл зашевелился на постели.

Где-то в области солнечного сплетения появился животный ужас. Зажмурившись, ожидая услышать насмешливое «Куда-то собралась?», я повернулась и осторожно приоткрыла один глаз. И тут же выдохнула: Габриэл спал, всего лишь перевернувшись на живот. В свете луны на его спине я заметила несколько длинных белых шрамов. Интересно, от чего они. Измученная жертва ритуала пыталась защититься? Страстная любовница оказалась слишком страстной? Сначала портрет женщины в медальоне, затем шрамы... Звездолика! О чем я думаю? Вместо того, чтобы бежать, спасти свою жизнь, стою и смотрю на спящего мужчину, испытывая странное, совсем несвойственное мне желание снова оказаться в теплой постели, прижатой к крепкому разгоряченному телу. Никаких страхов, никаких забот.

Я пила бы зелье Габриэла вместо чая на завтрак, если бы оно могло подарить счастливую спокойную жизнь.

На мне была лишь его рубашка, найденная рядом с пиджаком на полу. А еще совсем не было денег, я ведь ушла из дома в свадебном платье, а перед тем, как отправить меня на воиде в безопасное место, Харальд Лотнер не позаботился о средствах. Да их бы все равно забрали здесь.

Кстати, интересно, как я сюда попала. И была ли авария случайностью, уж очень быстро я из леса перекочевала в поместье

Гримвеллов.

Стараясь не производить ни звука, я кралась по дому вниз, к прачечной. Там наверняка будут какие-нибудь подходящие мне вещи. На мое счастье ночью жизнь в доме останавливалась, хотя это и не вязалось с образом семейства страшных и жестоких колдунов. Они ведь предпочитают ночь для своих ритуалов... Впрочем, главный колдун этой ночью был слишком занят, чтобы творить зло.

Сердце пропустило удар, а тело снова вспомнило мучительно нежные уверенные ласки. Ненавижу его! Ненавижу мужчину, который заставил меня притворяться безвольной, с которым было одновременно хорошо и больно.

Надо выбирать. Поскорее найти одежду, деньги — и бежать!

В прачечной мне повезло: я нашла целую гору платьев и дорожных костюмов Сибиллы. Выбрав один, самый невзрачный, брючный костюм, я быстро переоделась и тут же почувствовала себя увереннее. Теперь деньги. Что придумать?

Я не стала претворять в жизнь различные рискованные планы с вылазкой в кабинет Габриэла или попыткой найти Сибиллу и снова попросить мне помочь. Просто прокралась на кухню и стащила из ящика изящный серебряный молочник и несколько вилок. В любом ломбарде в районе воидвея за столовое серебро дадут небольшую сумму и не станут задавать лишние вопросы. Я сумела сыграть одурманенную зельем девушку, неужели не сумею изобразить беднячку, закладывающую остатки родительского серебра? Тем более, что еще недавно ею и была.

Все так же тихо, стараясь держаться в тени, я выскользнула в сад и, пригнувшись, побежала к задним воротам. Было бы слишком опасно убежать через парадный вход, любой выглянувший в окно мог меня увидеть.

Но дом был совершенно темен. Не светилось ни одно окно, а в стеклах отражались луна и звезды. У ворот я в последний раз оглянулась на поместье, поежилась от накативших воспоминаний, и решительно направилась прочь.

Я знала, что с этого момента начнется моя новая жизнь.

Но даже не представляла, какой она будет.

Глава четвертая

— Леди... леди как? Здесь неразборчиво написано?

Я вымученно улыбнулась рабочему дорожки, проверявшему билеты на скоростной рельсовый воид.

— Мэрибелл. Тесса Мэрибелл. Я не леди. Я гувернантка. Еду в новую семью. Это моя первая работа... ужасно волнуюсь! Вам нравится ваша работа?

— Гм... да, полагаю, что да. Проходите, ваше место под номером семь.

Надеюсь, он не заметил, как я облегченно выдохнула и на миг прикрыла глаза. Какое ужасно долгое утро!

Я добралась до воидвея за час с небольшим, прячась в сумраке переулков и тенях домов. Постоянно оглядываясь в страхе, что Гримвеллы уже обнаружили мое отсутствие и бросились в погоню. Но город словно вымер, и лишь к утру улицы постепенно заполнились людьми. Первый рельсовый воид отправлялся в Эйнгорию в десять часов. Времени, чтобы сдать серебро и на вырученные деньги купить билет в один конец хватило.

Простите, Тесса и Мэрибелл — я использовала имена соседок по комнате в приюте, чтобы Гримвеллам было сложнее меня найти. Хотя вряд ли они будут искать меня по записи в книге регистрации билетов. Сначала пройдутся по знакомым, возможно, попробуют выпытать что-нибудь у Лотнера, но Габриэлу придется действовать тихо.

Главное успеть уехать в Эйнгорию. У меня уже был готов план: добраться на рельсовом воиде до столицы, а затем отправиться в Карлсгар — небольшой городок к северу. О нем рассказывала одна из преподавательниц. Там получится затеряться и найти какую-нибудь работу. А через год, когда по законам Эйнгории я стану их подданной, сдамся королевской страже и расскажу историю как есть. Что Гримвеллы собирались убить меня, что за мной охотится темный маг, и возвращение в Чармерд будет подобно смерти.

Мне бы только выбраться. Только пересечь границу.

Седьмое место оказалось у окна. Лучи утреннего солнца били прямо в лицо, и я жмурилась. Стоило покрасить и обрезать волосы, но

не было ни денег, ни места, где это можно было сделать. У меня оставалось несколько монет, чтобы немного поесть в дороге и доехать до Карлсгара. Наверняка придется арендовать воид или нанять возничего.

Украдкой я рассматривала соседей-пассажиров. В такой ранний час немногие собирались в Эйнгорию.

Я впервые отправлялась в такую дальнюю поездку. Мне предстояли сутки в неудобном кресле, на самом дешевом месте, но эти сутки ощущались избавлением. Если бы все прошло по плану Габриэла, то я уже стала бы пациенткой дома для душевно больных. С разрушенной зельем и магией жизнью.

Я невольно потеряла налившийся краснотой след от поцелуя на шее. Больше всего на свете я хотела в душ! Смыть с себя запах Габриэла, ощущение его касаний с кожи, кипятком выпарить воспоминания о поцелуях. Какое-то безумие! Я как будто во сне, до сих пор не верю в то, что случившееся со мной было взаправду. Совсем недавно я была гувернанткой Теаной, потом — невестой Генри Гримвелла, потом — его женой, а потом оказалась в руках его дяди, темного мага... который непременно захочет отомстить.

Я едва не разревелась, когда воид двинулся с места и с негромким скрипом покатил по рельсам прочь из столицы, а затем и Чармерда. В окне проплывали дома, площади, улицы и дворцы. Утренняя столица была удивительно красива, но мне не хотелось любоваться городскими достопримечательностями.

Убеждая себя, что нужно немного отдохнуть и поспать, я прислонилась к окну, накрылась курткой и продолжила коротать время, рассматривая других пассажиров. Из двадцати мест в вагоне воида занятыми были всего пять, включая мое: женщина и мужчина с ребенком весело болтали на эйнгорском, который я понимала от раза к разу, а старушка сосредоточенно вязала. Ни один из них не был похож на преследователя или мага. Постепенно я успокаивалась, и сердце переставало неистово стучать в груди.

Все. Все закончилось, мне удалось улизнуть. Звездоликая не оставила меня, помогла сбежать от Габриэла и незавидной участи, им уготованной. Теперь дело за малым: выдержать сутки пути, и вдохнуть чистый свободный воздух Эйнгории.

Так прошли несколько часов и, когда страх окончательно улегся, я почувствовала голод. Тележка со снедью несколько раз проезжала мимо, и ребенок с передних сидений все же уговорил родителей купить ему сладкую булочку. Я несколько раз убеждала себя терпеть и экономить деньги, но все же не выдержала. Отыскала глазами самую дешевую слойку, протянула медяк разносчице, и с наслаждением откусила кусочек.

Тесто было пресным, из грубой муки, но еще теплым, и от того вкусным. Я даже не представляла, как сильно проголодалась, но проглотила слойку за считанные минуты. А когда отряхивала крошки, в вагон воида вошли они.

Двое мужчин, от которых я сразу ощутила исходящую угрозу. Они неторопливо осматривали вагон, сверяясь с небольшой карточкой. Я бросила взгляд на стекло сбоку от того, что ее держал — и, быть может, то была лишь игра воображения, но увидела свой портрет!

Звездноликая... как люди Габриэла сумели меня найти?! А если это не они, а люди Харальда? Ищут, чтобы защитить от Гримвеллов? Нет, я не хочу проверять. Что делать? Как выкрутиться?

Они не видели меня — тележка с едой загораживала обзор, а бабулька никак не могла определиться с покупками. Разносчица начала раздражаться, а меня охватила настоящая паника! Я должна была прошмыгнуть в следующий вагон, но как?! Меня спасло бы только чудо.

И оно, к моему удивлению, случилось. Разносчица, наконец отоварив бабушку, с трудом двинулась вперед, толкая перед собой груженую тележку. И в этот же момент ребенок бросил на пол промасленную пергаментную обертку от булочки. Поскользнувшись, разносчица навалилась на тележку — и воид вдруг начал резко тормозить. Мужчины не успели среагировать, тяжеленная тележка сбила их с ног, присыпав сверху рулетами, кексами и печеньем. Истошно вопя и матеря на чем свет стоит машиниста воида, разносчица пыталась подняться. А я, не теряя ни секунды, пригнувшись юркнула в соседний вагон.

Выиграла немного времени. Но понятия не имела, что делать дальше. Вокруг был лес, рельсовый воид несся через весь Чармерд в направлении Эйнгории, и в крошечном замкнутом пространстве пяти вагонов за мной охотились люди Габриэла Гримвелла.

Мысли лихорадочно метались. Что делать? Попросить помощи? Попробовать остановить void? Вступить в борьбу с людьми Габриэла и надеяться, что другие пассажиры вступятся? Времени оставалось мало, свалка в моем вагоне не задержит их надолго.

В конце вагона обнаружился плакат с расписанием, а над дверью висели выдавшие виды бронзовые часы. От страха я с трудом воспринимала написанное, но наконец сообразила, что через полчаса будет остановка в небольшом городке. Это не то, что я планировала, и придется добираться до Эйнгории другим способом, но если мне удастся незаметно выскочить на остановке, void унесет их прочь, а я отсижусь немного — и отправлюсь дальше. Только как протянуть эти полчаса?

Это была последняя остановка перед мостом. Высадив пассажиров в городке на территории Чармерда, void унесется прочь, до самой Эйнгории. У меня только один шанс спастись, нельзя его упустить.

Чтобы не попасться людям Габриэла раньше времени я поспешно направилась в самый последний вагон. И по дороге, наткнувшись взглядом на ярко-розовый билет в руках одной женщины, едва не подпрыгнула, вдруг придумав план.

На рельсовый void продавали два типа билетов: те, что позволяли покинуть Чармерд и въехать на территорию Эйнгории, и те, что действовали только на территории королевства. Они, разумеется, были дешевле. А еще отличались цветом, так что мне не составило труда рассмотреть клочок розовой бумаги в руках одиноко сидящего у прохода мужчины и обратиться к нему.

— Извините, — я старалась говорить как можно тише, — могу я попросить вашей помощи?

— Что у вас случилось, леди?

— В вагоне, где у меня было место, какие-то мужчины начали ко мне приставать. Они устроили потасовку и даже напали на разносчицу еды. Я совсем одна, я только получила диплом и еду работать гувернанткой в свою первую семью. Через полчаса моя остановка. Не могли бы вы пропустить меня на место у окна, чтобы они подумали, будто мы с вами едем вместе? Пожалуйста, милорд.

Он явно не был лордом, и мое обращение ему польстило. Поднявшись, мужчина пропустил меня на место у окна.

— Вы дрожите... как вас зовут?

— Тесса.

— Вы замерзли, Тесса? Возьмите плащ!

Он потянулся на полку для вещей и спустил оттуда длинный темно-серый плащ, в который я с благодарностью закуталась. Не потому что замерзла, а потому что так было проще спрятаться.

— Быть может, сообщить машинисту? Он вызовет стражей.

— Нет, не нужно. Разносчица уже сообщила о беспорядках. Они пьяны, и я просто хочу не попадаться им на глаза.

— Как они выглядели?

— М-м-м... двое рыжих, низеньких и толстых мужчин, лет пятидесяти на вид.

Мой попутчик заметно успокоился: видимо, образ толстых коротышек среднего возраста не вписывался в образ пьяных громил, охвативший его беспокойством. Нельзя было его винить, порой те, кто вставал на защиту таких вот юных и неопытных девушек, как я, заканчивали жизнь с ножом в печени или за решеткой. Я сильно рисковала, причем не только своей жизнью, но страх перед Гримвеллами был сильнее доводов разума и стремления быть хорошей. Я хотела во что бы то ни стало спастись.

Он совершенно точно едет до Эйнгории, а значит, не станет проверять мою легенду и не сообщит стражам, что странная соседка скрывалась от преследования и лгала о пункте назначения.

Поэтому я прислонилась к стеклу и накрылась плащом так, чтобы из прохода не было видно лица. Улучив момент, нарочно закрыла его волосами и притворилась, что сплю. С минуты на минуту в вагон могли войти люди Габриэла, и оставалось только молиться, чтобы со стороны я смотрелась как спящая пассажирка, ни сном ни духом не ведающая, что происходит в других вагонах.

Хлопнула дверь. Сердце в ужасе сжалось, а дыхание стало частым и прерывистым. Мне понадобилось сделать над собой нечеловеческое усилие, чтобы продолжать дышать размеренно и спокойно, как и положено спящему человеку. Я понятия не имела, кто вошел в вагон, и не могла даже украдкой взглянуть. Одно неосторожное движение могло подписать мне смертный приговор.

Но каждый шаг по проходу я слышала так, словно визитер был обут в железные ботинки. Даже мерный стук колес не заглушал их.

Звездоликая, помоги мне! А если они уже были в этом вагоне и поймут, что я не сидела здесь с самого начала? Если позовут меня или спросят обо мне у мужчины? Я солгала, описав преследователей как рыжих и полных, чтобы мой невольный спаситель не нервничал и не выдал меня ненароком.

Когда шаги затихли совсем рядом, я едва не потеряла сознание от накатившей паники. Мучительно долгие секунды гнетущая тишина стояла в вагоне, а потом, все так же медленно, шаги начали удаляться. Меня замутило.

Я не решалась поднять голову и пошевелиться вплоть до остановки воида, когда мужчина осторожно потряс меня за плечо и сказал:

— Ваша станция, миледи. Все в порядке?

— Спасибо, — улыбнулась я, изображая сонный вид. — Кажется, я слегка задремала. Большое вам спасибо, милорд, вы были очень добры ко мне.

Пробравшись через мужчину, я направилась к выходу.

— Миледи, но где же ваши вещи?

— О...

По станции прокатился звуковой сигнал — воид останавливался всего на минуту. Испугавшись, что двери сейчас закроются, и мне так и придется ехать до Эйнгории в клетке с цепными псами Габриэла, я шустро выскочила на платформу.

Двери за моей спиной закрылись — и воид медленно тронулся с места, набирая скорость. Большая часть пассажиров, конечно, вышла здесь, мало кто покидал Чармерд просто так, это было не дешево. В толпе людей с чемоданами, сумками, сундуками и мешками, я не сразу рассмотрела то, от чего сердце ушло в пятки.

Мужчины, преследовавшие меня в воиде, вышли следом.

4.3

Я поспешно отвернулась, стараясь выглядеть спокойно и уверенно. Нужно затеряться в толпе, пока она не рассеялась по городу, и тогда появится шанс, что меня не заметят. Потом найду комнату, отсижусь в ней несколько дней, возьму старенький самый дешевый воид, и уже на следующей неделе буду потягивать апельсиновый сок на берегу теплого моря.

Дыши, Теана, дыши.

— Эй! — услышала я крик.

Не была уверена, что он относился ко мне, но на всякий случай ускорила шаг.

— Стой! Теана Гримвелл!

Дыхание перехватило, и самоконтроль оставил меня. Сорвавшись на бег, я попыталась прошмыгнуть к лестнице, но какое-то шумное рыжее семейство, груженое чемоданами, мешками и сундуками, перегородило проход. Стальные пальцы сомкнулись на моем плече, грозя оставить синяки. Я дернулась, но мужчина был сильнее.

— Стой! — рыкнул он, и мне в бок уперлось что-то твердое.

Нож?!

— Кто вы такие? Вы ошиблись, отпустите меня!

— Это вряд ли, леди Гримвелл. Один человек хочет передать вам привет...

Раздался грохот, рыжее семейство в полном составе вспомнило, что забыло что-то в воиде. Они дружно заголосили, бросившись в нашу сторону, а я судорожно дернулась, вложив в последнюю попытку вырваться все отчаяние и страх перед людьми Гримвелла.

— А-а-а-атпусти-и-и-и мой ша-а-арф! — провыл кто-то рядом.

Мужчина, что держал меня, раздраженно дернул плечом. Какой-то весьма нетрезвый молодой мужчина, едва стоя на ногах, дергал за веселенький красно-желтый шарф, другой конец которого зацепился за пуговицу на плаще незнакомца.

— Не держу я твой шарф. Отвали.

Он отпихнул мужчину в сторону, и тот упал навзничь, вот только из-за шарфа чуть было не задохнулся и, разъяренно взревев, бросился на обидчика. От неожиданности и ярости атаки тот выпустил меня. На несколько секунд мы с пьяным встретились глазами и, клянусь Звездолицой, в его взгляде не было ни капли алкогольного дурмана. Едва заметно подмигнув мне, он вовлек в драку обоих преследователей. Раздался свист стражи, вокруг начал собираться народ. Не медля больше, я рванула в толпу, сломя голову преодолела лестницу, едва не свернув шею, и бегом скрылась в одном из переулков.

Ни на минуту не останавливаясь, петляя и блуждая по крошечному городку, я пыталась придумать, что делать дальше. Нужно

спрятаться, на улицах я слишком заметна.

У городка не было названия, хотя местные наверняка дали какое-то имя месту, в котором живут. Близость к дороге позволяла ему держаться на плаву: здесь была работа, лес плотным кольцом обступил городскую стену, а воздух, казалось, был чище и вкуснее, чем в столице. При других обстоятельствах я непременно бы насладилась крошечными уютными улочками, старенькими, но ухоженными домами и цветущей зеленью вокруг.

Но я не могла думать ни о чем, кроме Габриэла. Он послал за мной своих шестерок! А неизвестный парень спас меня, изобразив пьяного. Интересно, зачем? Просто увидел, что я в беде? Заметил нож? Кажется, у меня начинает болеть голова.

Думать! Нужно очень быстро думать, потасовка на станции не продлится долго, рано или поздно за мной снова отправятся в погоню. И лучше бы спрятаться к этому времени.

Они будут искать, Габриэл не сдастся без боя. Обшарят все парки, таверны и ночлежки. Они не знают, сколько у меня денег, но попытаются искать и в гостевых домах. Мне нужен тот, где не выдадут одинокую девушку без багажа и с затравленным взглядом. Более того — тот, в котором меня даже не заметят.

Мне нужен большой и шумный гостевой дом, желательно с таверной на первом этаже. Тот, где всегда царит суета. И такой нашелся, в паре шагов от рынка и городской площади. Огромный дом с эркером и выцветшей надписью, внутренним двориком и внешней открытой верандой, где даже несмотря на послеобеденный час заседали шумные компании.

“Сдаются комнаты”, - прочитала я прежде, чем войти.

Только бы они стоили приемлемых денег! Я никогда не покидала пределы Чармерда, и понятия не имела, какие цены в провинциях. Но смутно догадывалась, что вряд ли они такие же высокие. Вопрос лишь в том, могу ли я себе позволить хотя бы их?

То что надо! Полный мужчина с пышными усами сновал от стойки регистрации к груде каких-то коробок в углу, не обращая внимания ни на меня, ни на окружающих.

— Извините, я хотела бы снять комнату.

— Да-да, — пробормотал он. — Вы не могли бы достать из во-о-он той коробки пресс-папье и передать мне? Да, вот это, в виде орла.

Спасибо. Что вы продаете?

— Ничего. Мне нужна комната на пару дней. Самая простая.

— Десять серебряных.

Я присвистнула. Что ж, денег хватит, но придется сесть на жесткую экономию. Никакой еды, никаких вещей. Оплатить комнату, взять воид — и очнуться уже в Эйнгории, в безопасности. За тысячи верст от Габриэла Гримвелла.

Только когда я положила на прилавок нужную сумму, мужчина обратил на меня внимание. Смерил хмурым взглядом — и сгреб монеты в огромную ладонь, а затем с грохотом положил передо мной ключи.

— Ваш номер десятый. И леди... я не лезу в дела своих постояльцев. Но должен предупредить — магия в моем доме запрещена.

— Что? — Я опешила. — Магия? С чего вы взяли, что я буду заниматься магией?

— Я уже сказал, что не лезу в дела своих постояльцев. А теперь ступайте, если только не желаете помочь мне с этими коробками, потому что видит Звездолика, я ненавижу тех, кто не подписывает коробки!

Схватив ключи, я рванула к лестнице, потому что вдруг почувствовала странный иррациональный ужас. Как будто тьма из дальнего угла дыхла ледяным пламенем. Сердце колотилось в груди так сильно, что я несколько минут не могла попасть в замочную скважину. Только оказавшись в небольшой комнатухе с крошечным узким окном, прислонившись спиной к холодной двери и отдышавшись, я поняла, что именно вывело из равновесия.

А если после ночи с Габриэлом я беременна?

4.4

— Звездолика, Теана, не носи бред! У него таких, как ты, каждую ночь — новая. Если бы все рожали Гримвеллам наследников, они покупали бы не рудники, а детские сады.

Я должна собраться и успокоиться. От этого зависит моя жизнь, добраться до Эйнгории — единственный шанс спастись. Я пережду здесь несколько дней, не выходя из комнаты, а затем возьму какой-нибудь старенький воид и по старой дороге доеду до границы... да!

Точно! Я поеду по старой дороге. После постройки моста она стала совсем безлюдной. Никто не станет искать там запуганную молоденькую девчонку. Да и путь по ней займет в разы меньше времени, на своих скудных запасах я не продержусь долго.

В гостинице был душ, правда, общий. Постояльцам не полагалось полотенце, так что мне пришлось вытереться рубашкой и, закутавшись в куртку, прошмыгнуть обратно в комнату. Развесив вещи сушиться, я сбегала в душ еще раз — набрать в графин холодной воды. У меня не было еды, деньги следовало беречь, так что каждый раз, когда желудок сводило от спазма, я пила. В последний раз я ела... Звездоликая, очень давно! Ужасно давно!

К вечеру возбуждение от всех событий последних суток спало. Я надеялась, хозяин постоялого двора верен своему слову и, даже если меня станут искать, не выдаст новую гостью. Но на всякий случай вслушивалась во все звуки в коридоре и поддерживала иллюзию необитаемой комнаты, хоть и понимала, что смысла в этом мало.

При свечах мне было бы спокойнее, но за них требовалось доплатить пару медяков, так что я решила обойтись. Залезла под одеяло и лежала, стараясь ровно и размеренно дышать. Теперь, когда я оказалась в одиночестве, меня накрыло: из глаз градом катились слезы.

— Надеюсь, ты сдохнешь в муках, Габриэлл Гримвелл! — всхлипнула я, когда в очередной раз вспомнила его губы и руки, а тело свело в болезненно-сладкой судороге.

«Будешь хорошей девочкой?», — словно мама была рядом, в голове прозвучал ее голос.

Стиснув зубы, я застонала. Я могу солгать всем. Рассказать в Эйнгории страшную сказку о том, как дядя мужа опоил меня зельем и воспользовался. И Габриэл не посмеет опровергнуть мои слова, если вдруг они до него каким-то образом дойдут. Но я-то знаю правду, себе самой не солжешь. Зелье не действовало, когда я наслаждалась впервые полученным удовольствием. Зелье не действовало, когда я обнимала его. Да, мне пришлось притворяться, чтобы спасти свою жизнь, но это не значит, что я лгала в каждом вздохе.

Измученная мыслями, воспоминаниями и страхами, я кое-как уснула. На спокойный сон без сновидений было бы глупо рассчитывать, я слишком сильно нервничала. Поэтому едва темнота гостиничной комнаты исчезла, возникла другая.

В ней метались бесформенные тени, тянулись ко мне со всех сторон. Выли, стрекотали, свистели, истошно вопили... а еще был силуэт. Я не могла рассмотреть черты человека, что стоял вдали, но почему-то подумала, что он с пугающим мрачным спокойствием смотрит, как я пытаюсь забиться в угол, чтобы не позволить теням себя коснуться.

— Что ты творишь, Теана... что с тобой?

— Мне страшно, — прошептала я.

— И все?

— Я очень хочу есть. И замерзла. Я... я не хочу быть одна.

— Ты всегда была одна. Что изменилось?

— Не знаю. Я думала, у меня появится семья.

— Но ты не дала ей шанса.

— Я никогда не дам шанса колдовству! — крикнула я.

Тени стали больше, я почувствовала ледяной холод, и отползла еще немного назад.

— Не делай этого, Теана. Не отстраняйся. Будет только хуже.

Незванный гость моего сна протянул руку.

— Доверься мне. Тебе станет тепло и хорошо. Я покормлю тебя. Доверься...

Внутри все кричало: не смей! Он предлагал подойти к нему, сквозь полчища кровожадных теней. Добровольно ступить в их холод. Стать их пищей.

— Нет!

— Теана...

— НЕТ! — крикнула я.

Проснувшись, жадно хватая ртом воздух. За окном было еще темно, луна сегодня светила намного тусклее, чем в ночи, которую я провела с Габриэлом. На секунду мне показалось, что в углу, там, куда не доставало и капли света, метнулась какая-то тень, но когда я осмотрела комнату, то не нашла ничего, кроме застарелой пыли.

Если бы я не боялась попасться кому-то из перебравших гостей на глаза или засветиться перед людьми Габриэла, я сбегала бы к умывальникам, чтобы ополоснуть лицо холодной водой. Но пришлось только прислониться лбом к холодному стеклу.

Теперь к кошмарам о родителях добавились новые. Уже мои собственные. Стоило расценивать их как этап взросления. Хотелось

бы, чтобы он был последним.

Я выберусь. На этот раз я не позволю магии нанести мне новые раны.

4.5 — повтор пролога

Что лучше: попасть в лапы жуткого мага, жаждущего мести или застрять в грозу посреди леса?

Вопрос философский. И бессмысленный, потому что я все равно застряла. Воид несколько раз угрюмо фыркнул, хрюкнул, как-то подозрительно вздрогнул и заглох. Бревно, валявшееся рядом, заросшее мхом и грибами, всем своим видом демонстрировало, что совершенно не виновато в том, что его задела краем крыла. Я, мол, тут уже лет сто лежу, все дело в тебе, это ты, Теана Морнингблум, такая криворукая.

Я даже не собиралась с этим спорить, но досада на себя едва не заставила плакать. За что?! Ведь все шло так хорошо! Я отсиделась в какой-то глуши, за копейки взяла видавший виды, но крепкий и надежный воид, и почти пересекла границу. И вот, в каких-то двух дня пути от долгожданной свободы, мне встретилось это бревно.

Паранойя внутри нашептывала привычное «А если это он? Если бревно на твоём пути — дело рук Габриэла Гримвелла?». Но я быстро отбросила такие мысли. Во-первых, потому что так недолго и сойти с ума, во-вторых, потому что бревно определенно лежит здесь давно. Если бы оно было свежим или виднелись следы того, что его тащили. Но нет. В сердцах я пнула его, и из темного нутра с писком выскочила дождевая мышь, взмахнула крылышками — и проворно забралась на ближайшее дерево.

— Прости, маленькая, — вздохнула я. — Ты, конечно, не виновата, что твой домик угробил мне воид.

За те несколько минут, что я пробыла снаружи, вымокла до нитки. С неба все лилась и лилась холодная вода, повсюду грохотало, словно гроза подошла к леску, невольно ставшему мне ловушкой, сразу со всех сторон. Вернувшись в кабину воида, я достала из кармана плаща часы. Всего лишь семь часов вечера, а темно, как будто настала ночь.

И что теперь делать? Я не могу сидеть здесь все время, нужно как-то или завести воид, или выйти к людям и найти помощи. Только вот деньги заканчиваются. Хватит ли их на ремонт?

Я устало потерла глаза. Хотелось в тепло, выпить чашку горячего чая и закрыть глаза хотя бы на пару часов. Я ехала с самого утра, без перерыва, лишь раз вышла, чтобы размяться и немного освежиться. Хотелось как можно скорее пересечь границу и забыть о Гримвеллах, как о страшном сне.

Черт... ночной лес во время грозы — не самая лучшая декорация для мыслей о Габриэле Гримвелле. Он и его семейство превратили мою жизнь в кошмар. Еще несколько недель назад я была счастливой невестой, о чьей свадьбе писали во всех столичных газетах. Меня называли не иначе как «народной принцессой» — настолько сильно прогремела история о том, как приютская выпускница стала избранницей наследника одной из богатейших в стране фамилий. Это действительно была сказка, моя удача, моя любовь. Шикарное белое платье, тысячи приглашенных гостей.

Теперь я в бегах, и если однажды еще решусь выйти замуж, то только за полного сироту! У которого нет ни одного родственника! Ни сумасшедшей сестренки, ни напыщенной мамочки, ни, будь он проклят, мрачного дяди с безграничными возможностями! Плевать на богатство, плевать на роскошный дворец, плевать на славу, мне больше не нужен принц!

— Спокойно, Теана, спокойно! — Я закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. — Надо что-то делать. Нельзя здесь сидеть.

Если гроза продлится дольше, то крыша воида может протечь, а сама я замерзну, и будет большой удачей, если не слягу с простудой. Мне никак нельзя попадать в госпиталь, я должна добраться до Эйнгории.

Я лихорадочно рылась в сумке, разыскивая карту. Вообще старая дорога была прямая и единственная, так что тоненький атлас с картой местности возле границы я почти не доставала. Но теперь он бы пригодился, вдруг неподалеку есть какая-нибудь деревушка или затерянный, забытый всеми, городок? Маловероятно, что там кто-нибудь сможет починить воид, но, может, хотя бы снять комнату получится.

Увы мне. Ближайший город обнаружился в сутках пути. Я бы рискнула и отправилась по старой дороге пешком, но не в дождь, конечно. Теперь я уже не сомневалась, что придется идти пешком, но еще надеялась хотя бы отдохнуть перед последним рывком к свободе.

И сердце вдруг забилось чаще, когда я обнаружила небольшую точку на карте.

— Поместье «Фирвуд», — прочитала едва различимые буквы.

Вот уж не думала, что здесь найдется поместье, но, в конце концов, раньше старая дорога была совсем не такой заброшенной и пугающей. По ней между Эйнгорией и Чармердом шли торговые процессии, по ней путешественники добирались до южных хребтов, она же служила единственным путем к озерному краю. И только после постройки Чармердского моста старая дорога превратилась в укрытие тех путников, кто не хотел, чтобы их нашли. Лес быстро отвоевал свои права там, откуда ушел человек, и теперь у меня нет другого выбора — только отправиться в поместье.

Я быстро переоделась в сухое, тщательно укрыла вещи в рюкзаке, и с сожалением окинула взглядом потрепанный салон воида, верой и правдой послужившего мне несколько дней. Что ни говори, но даже если он больше не сдвинется с места, я все равно почти у цели.

Поместье «Фирвуд», если верить карте, располагалось в часе ходьбы от старой дороги. Должно быть, кто-то из богачей в прошлом веке построил его здесь специально, чтобы сбегать от городской суеты поближе к природе. Здесь действительно даже воздух был прекрасен: от него немного кружилась голова. Свежесть дождя безмерно бы меня радовала, если бы я сейчас сидела дома, с чашкой горячего травяного чая, и смотрела на оживленную улицу, предвкушая свадебное торжество.

Нет... нет, нельзя думать о свадьбе. Я больше не невеста, я — беглянка, против которой восстало настоящее зло. И пусть кто-то скажет, что я сама во всем виновата, никогда не пожалею, что сдала Габриэла Гримвелла властям! У него есть деньги, чтобы откупиться даже от самой Звездноликой, но пусть знает, что далеко не все готовы склониться от одного упоминания его фамилии.

Поместье, скорее всего, заброшено, но вряд ли разрушено. В те времена строили на века. Там должно быть сухо, а еще наверняка есть какая-никакая постель и камин, который можно растопить — у меня в рюкзаке есть пара долгогорящих поленьев для обогрева. Жаль только вряд ли в старом особняке найдется еда. Но к этому я привыкла.

Упрямо шагая через лес, под проливным дождем, вздрагивая от раскатов грома и вспышек молнии, я уже не надеялась выйти к дому. Мрачные мысли то и дело ввергали в уныние. А если на карте ошибка? А если от дома остались одни руины? А если я иду не туда? Но я упрямо заставляла себя шагать, сверялась с картой, поскользывалась на размытой непогодой дороге. И, когда вдруг вывернула прямо на поместье, поначалу не поверила своим глазам.

Вдалеке от дороги, среди заросшего, но все еще великолепного сада, высился настоящий замок. Когда-то камень был светлым, но время на пару со стихией, придали замку мрачность и какую-то особую красоту. Он оказался старше, чем я предполагала: остроконечные башенки и узкие окна были в моде лет двести назад, весь центр столицы был застроен такими дворцами. Их тщательно берегли — после войны осталось мало памятников архитектуры.

Но самым главным было то, что поместье было обитаемо! На втором этаже горели сразу четыре окна, и это были не бродяги, разведшие костер, это был нормальный яркий свет, а окна были занавешены шторами! Показалось даже, в одном из окон мелькнула темная фигура!

Несколько минут я колебалась. Но холод, дождь и сбитые в кровь ноги оказались способны развеять любые опасения. Даже если там окажутся злые люди, я готова рискнуть. Остаться на ночь в сломавшемся воиде или вовсе в лесу, под открытым небом, было бы подобно смерти.

Я бегом рванула к воротам, которые, конечно, оказались закрыты. Зато обнаружился звонок. Руки слушались плохо, но я несколько раз нажала на бронзовую изящную кнопку. Спустя мучительную минуту раздался хриплый недовольный голос:

— Слушаю.

— Извините, пожалуйста... не могли бы вы разрешить мне погреться? Мой воид сломался в лесу, на старой дороге, я направлялась к границе. Я очень замерзла, здесь ужасный дождь! Прошу вас! У меня нет дурных намерений!

Ответом стала тишина. В отчаянии, вдруг испугавшись, что такая близкая надежда на тепло, превратилась в призрачную, я снова нажала на кнопку:

— Господин... милорд, я умоляю, я не причиню вам беспокойства, я... у меня есть немного денег! В округе ни одной деревушки, я не знаю, сколько будет длиться гроза, клянусь, что...

С негромким скрипом ворота медленно начали открываться, и от облегчения я едва не разрыдалась. Не стала ждать, когда ворота откроются до конца, юркнула через образовавшуюся щель и припустила по дорожке к дверям дома. Показавшийся заброшенным сад в ближайшем рассмотрении оказался довольно ухоженным и свежим. Он отличался от принятой в столице геометричности, был каким-то излишне хаотичным, но все же довольно красивым.

Перед дверью я в нерешительности остановилась, не зная, будет уместно ждать, когда мне откроют и пригласят, постучать или войти самой. Наконец я осторожно постучала — и дверь от малейшего усилия открылась.

О, Звездолика, от тепла, в которое я вошла, разлилось наслаждение! Просто невероятно, какой восторг может вызвать крыша над головой и осознание, что сверху больше не льется ледяная вода. Правда, из-за контраста температур я начала мелко дрожать. Но это были такие мелочи в сравнении с перспективой ночевки в лесу!

Открыв рот, я рассматривала огромный холл в серо-синих тонах. Уходящая вверх широкая винтовая лестница была закрыта роскошным мягким ковром. Сквозь окна с невероятной красоты витражами пробивался тусклый свет. Полумрак скрывал картины и канделябры на стенах, но и без того было совершенно ясно: дом обитаем, и его хозяин тщательно следит за роскошной обстановкой.

Интересно, кто он? Аристократ-отшельник? Приехавший в отпуск богач?

Не хотелось бесцельно шататься по чужому дому: от обуви на полу оставались безобразные влажные следы. Но никто не спешил со мной знакомиться, и стало как-то не по себе. Я сделала несколько шагов к центру холла, чтобы посмотреть наверх.

— Извините, — осторожно позвала я, — понимаю, что доставляю неудобства, но нельзя ли мне воспользоваться ванной?

— Мой дом к твоим услугам, Теана.

Нет! Нет, только не это! Голос не может принадлежать ему, это какой-то сон!

Я резко обернулась, а в следующую секунду холодный мокрый лес стал самым желанным домом на свете! Прежде, чем испуганный возглас сорвался с губ, я бросилась к двери, но та с оглушительным грохотом закрылась. Следом закрылись и окна, а канделябры на стенах сами собой вспыхнули, осветив холл жутковатым красно-оранжевым светом.

— Ты можешь воспользоваться ванной на втором этаже, рядом со своей комнатой, Теана. Все уже готово. Рекомендую хорошенько отдохнуть, потому что тебе придется задержаться.

Габриэл Гримвелл улыбнулся. Впрочем, его улыбка была обманчива: темные глаза оставались серьезными, и отблески огня в них не обещали мне ничего хорошего.

е запрещено выходить из нее без моего разрешения, Теана.

— Кто вы такой?! — Я упрямо сжала кулаки, не собираясь сдаваться, хотя внутри все сжалось от страха. — Вы не имеете права меня здесь держать!

— Я, Теана, все еще глава семьи. В которую ты тоже вошла. О правах поговоришь с господином Лотнером... если однажды представится такая возможность. А сейчас ты в моем доме и будешь жить по моим правилам. Можешь потратить всю ночь, чтобы попытаться выбраться — я уверяю, это невозможно, я учитываю свои ошибки. А можешь подняться в комнату и привести себя в порядок. Ты, кажется, очень убедительно ныла о том, как замерзла и устала. Второй этаж. Первая дверь.

С этими словами Габриэл развернулся — и скрылся за дверью, ведущей в недра дома. Словно совершенно не опасался, что я сбегу или разгромлю дом. Хотя у меня не было шансов ни на то, ни на другое.

Больше из-за отчаяния я все же подергала дверь и жалобно хныкнула. Близость свободы рождала обиду. Так глупо попасться! Если бы я переждала грозу в воиде, если бы решила дождаться теплой погоды и пойти пешком. Нет гарантии, что Габриэл не отправился бы на поиски, но у меня был бы шанс! Крошечный шанс, даже не использовав который я бы не чувствовала себя так... как бабочка, которую поймали сачком и приколотили острой иглой на картонку.

Нельзя недооценивать магов. И умных мужчин с деньгами — тоже. Наверное, несложно было догадаться, что раз я выскочила на

промежуточной станции, то попробую добраться до Эйнгории позже. А раз однажды меня уже выследили на дороге, то, разумеется, я попытаюсь сбежать обходным путем, и старая дорога для этого подходит наилучшим образом.

И вот совпадение-то, именно рядом с ней есть поместье Гримвеллов. Какая удача для Габриэла, что мой воид заглох именно рядом с Фирвудом.

— Идиотка, — чувствуя накатившие слезы, пробурчала я, — просто идиотка, которая возомнила себя умнее всех.

— Теана, — раздалось откуда-то с потолка, — хватит упрямиться. Иди в комнату, иначе я тебя заставлю.

Голос Габриэлла звучал гулко и жутко. Усиленный магией, он как будто залезал прямо в голову, управлял потаенными страхами. Я с шумом сглотнула и направилась к лестнице, ничуть не сомневаясь, что угроза реальна. Гримвелл уже демонстрировал грани своего дара, и мне не хотелось проверять во второй раз, смогу ли я освободиться от его контроля.

Осторожно, как в пещеру с диким зверем, я сунула нос в комнату и, убедившись, что там меня не поджидает окровавленный алтарь, вошла. Обычная большая комната, разделенная на две зоны большим книжным шкафом. С одной стороны постель, туалетный столик и небольшая танкетка, с другой — камин, кресло и низенький журнальный стол.

Внешняя мрачность поместья отразилась и на его внутреннем интерьере. Тяжелые ткани с крупным абстрактным узором, темное, почти черное дерево, да такое тяжелое, что мне даже не удалось сдвинуть столик с места! Насыщенный красный цвет тканей, штор и декора подходил комнате, но совершенно не подходил мне. Напоминал об отблесках красных колдовских свечей.

На окне не оказалось решетки, и в душе всколыхнулась надежда: если Габриэл отвлечется, я смогу сбежать! Хотя бы попытаться, ведь второй этаж — не так уж и высоко.

Я раздвинула шторы, распахнула створки и ахнула.

Внизу о скалы билось море. Черное, бушующее от шторма, море, которого здесь никак не могло быть! Но соленые холодные брызги долетали до окна, и я с минуту просто смотрела на кожу, где блестели крошечные капельки воды.

— Это магическое место, Теана, — снова раздался голос Габриэла. — Не пытайся сбежать, в нем легко заблудиться. Уверю, вода настоящая, очень холодная и непредсказуемая.

Я с грохотом захлопнула окно.

— В шкафу ты найдешь одежду и полотенца. Переоденься, всю свою старую одежду положи за дверями комнаты. Она тебе больше не понадобится.

— Вот еще! — рявкнула я. — Не тебе указывать, что мне понадобится!

— Если ты не будешь слушаться, не получишь еды.

— Прекрасно, заморить меня голодом — отличное решение проблемы.

— На самом деле это так, — спокойно отозвался Габриэл. — Мне ничего не стоит представить все так, будто ты сбежала из дома, поехала по старой дороге, налетела на корягу и, чтобы переждать грозу, вломилась в старое заброшенное поместье. Здесь ты упала и ударилась головой, из-за чего потеряла разум и умерла, не сумев найти помощь и еду. Я чувствую твой страх, Теана. Зачем доводить до таких ужасных последствий? Я предлагаю переодеться в сухую и чистую одежду, а затем отправиться в ванную, где есть горячая вода и все, чтобы привести себя в порядок.

— А потом что? Лечь на алтарь и подождать, пока ты придумаешь новый ритуал?

— А потом я расскажу о наших дальнейших действиях. Но мне хочется говорить с ухоженной и приятной девушкой, а не с чумазой неадекватной беглянкой, от которой к тому же еще и воняет.

— От меня не воняет!

— Будешь игнорировать ванную — начнет! — неожиданно резко ответил Габриэл и умолк.

Я удивленно заморгала. Бархатистый голос колдуна так внезапно сменился интонацией раздраженного родителя, что я даже на пару секунд забыла о страхах и прислушивалась к ощущениям.

Принять ванну и причесаться действительно хотелось.

4.7

— Но здесь же только халат и ночная рубашка! — воскликнула я, открыв шкаф.

— А ты обычно принимаешь ванну в пальто или костюме для верховой езды? — насмешливо ответил Габриэл.

Что ж, если сорочка на первый взгляд едва доходила до колен, то атласный черный халат оказался достаточно длинным. Мне не хотелось надевать его не помывшись, так что я взяла полотенце, халат — и отправилась в ванную, не найдя в комнате никакой обуви.

Соседняя дверь была приоткрыта, словно приглашала войти в наполненное паром и тонким ароматом лаванды помещение. Огромная комната, в золотисто-кремовых тонах. Роскошная ванная на изящных бронзовых ножках в центре показалась благословением Звездноликой. От нетерпения я едва не подпрыгнула.

Потом поняла, что понятия не имею, может ли Габриэл за мной наблюдать. А вдруг колдовство способно и на такое?!

Но выбора все равно не было, а еще старший Гримвелл уже видел меня без одежды.

Видел. Прикасался. И много-много больше.

Кто-то уже набрал воду и расставил на бортике с десяток небольших стеклянных флакончиков. Я сбросила одежду, опустилась в горячую воду и застонала от наслаждения.

— Со мной в постели ты стонала громче. Я преисполнен гордости.

— И наглости.

— Не без этого.

— Ты... ты можешь меня видеть?

— Могу.

Боже! Я ушла под воду по самую шею и судорожно вцепилась в бортик.

— Но не смотрю. У меня есть и другие дела. Но все же не рекомендую пытаться навредить себе... или мне. Не стоит даже думать о том, чтобы использовать предметы интерьера или столовые приборы для... м-м-м...

— Самозащиты? — подсказала я.

— Я бы назвал это неблагоприятными поступками. Тебе выгоднее со мной сотрудничать.

— И тогда ты меня отпустишь? Думаешь, я в это поверю?

Раздался тяжелый задумчивый вздох.

— Ты слишком нетерпелива. Тебе надо повзреть, Теана. Научиться терпению... и другим важным вещам. Но раз ты так упорно хочешь испортить себе водные процедуры и ужин, то я уделю тебе пару минут и расскажу, как мы будем жить в ближайшие две недели.

В ожидании приговора я замерла, рассеянно перебирая флакончики. Отвар для волос, для тела, масло для тела, соль... кто бы ни оснащал ванную, он прекрасно знал, что используют девушки. Девушки с высоким достатком, потому что о многих из этих средств я могла только мечтать. Правда, сейчас все этикетки слились в одну мешанину из ярких красок, а я напряженно вслушивалась в слабый шум воды и ждала, когда Габриэл заговорит.

— Ты останешься здесь, — неторопливо и даже слегка лениво произнес он, — на неопределенное время. У тебя будет комната, трехразовое питание. Развлечений, правда, маловато, но теми книгами, что стоят в комнате, можешь безраздельно пользоваться. Ванная к твоим услугам. По запросу, разумеется, на нагрев воды требуется время. Даже...

Он усмехнулся.

— При помощи магии.

Я подскочила, расплескав добрую половину ванны. Несмотря на разгоряченную воду, по коже прошелся мороз.

— Тебе не причинят вреда. Не станут ничем опаивать и ни к чему принуждать. Однако есть одно условие. Каждый день, после обеда, ты будешь получать одежду. А к ужину спускаться вниз в этой самой одежде. Это единственная причина, по которой тебе разрешено выходить. Ну, за исключением пожара, конечно.

— Что за одежда? Зачем спускаться к ужину?

— Разная, — уклончиво ответил Габриэл. — Затем, что ужины будешь проводить со мной. Это условие твоего спокойного существования здесь.

— Спокойного? — горько усмехнулась я. — Похищение слабо вяжется со спокойствием.

— Это лучше, чем оказаться в психушке.

— Но хуже, чем быть свободной в Эйнгории.

— Жаль, что нельзя сделать так, чтобы всем было хорошо. Поэтому придется искать компромиссы. Я вот пошел на уступки и

готов рассмотреть возможность того, чтобы отпустить тебя через две недели. В том случае, если ты, конечно, будешь хорошей девочкой.

— Ненавижу эту фразу! — сквозь зубы процедила я.

— Тогда постарайся, чтобы у меня не было нужды ее произносить. Итак, Теана, четырнадцать дней. Наряд к ужину. Несколько часов в моем обществе. И — свобода.

— Зачем тебе это? Что ты снова задумал? Думаешь, я поверю человеку, который... который?

— Который что? Хочешь обвинить, что я взял тебя силой? Боюсь, в этом случае мне придется выяснить, в какой именно момент зелье потеряло силу. И с какого моего поцелуя ты все осознавала.

— То, что у меня не было выбора, не значит, что меня ни к чему не принуждали.

— А то, что тебе было хорошо не значит, что я не злодей. Да, это суровая проза нашей жизни.

— Ненавижу тебя.

— Не сомневаюсь. Но сейчас у тебя действительно нет выбора. Точнее, он очевиден. Четырнадцать дней послушания — и свобода. Или упрямое глупое сопротивление — и я начинаю прорабатывать сценарий, который спасет мою семью от твоих показаний.

— И что будет происходить? Зачем тебе эти ужины? Что они собой представляют?

— Просто ужины. Мы будем говорить. Обсуждать твои планы. Я хочу залезть тебе в голову... в фигуральном смысле. Увидеть, к чему ты стремишься. Убедиться, что ты не опасна для моей семьи и усвоила урок. Удостовериться, что в Эйнгории твой след потеряется.

— Две недели допросов? А если мои ответы не понравятся?

— Допросы. Собеседования. Свидания. Называй, как хочешь, Теана. Но это твой шанс. От тебя требуется лишь надевать то, что я принесу, и не опаздывать.

— Тебе от самого себя не противно?

Габриэл рассмеялся. Я обняла колени и откупорила флакон с лавандовым маслом. Этот запах успокаивал.

— Звездоликая, Теана, я не собираюсь тебя трогать. По крайней мере, если ты сама не захочешь повторить попытку сопротивляться моей магии.

— Мечтай, — буркнула я.

— Приятного купания, Теана. В комнате тебя уже ждет ужин. Постарайся успокоиться и отдохнуть. Если ты подхватила простуду за время своего путешествия, придется увеличить срок твоего пребывания здесь. Считаются только... м-м-м... состоявшиеся свидания. Надеюсь, мы договорились.

Договорились? Для договоренности нужно согласие двух сторон, а моего даже не спросили. С другой стороны, я все еще была жива, а впереди забрезжила слабая надежда. Габриэл наверняка врал, что отпустит меня, но за четырнадцать дней можно что-то придумать! Огреть его канделябром и сбежать, например.

Эта мысль внушила надежду, а когда я поняла, что вода каким-то колдовским образом совершенно не остывает, поспешила вымыться и завернулась в халат. Прихватив с собой в комнату флакон с маслом, я оставила одежду в ванной и вернулась в комнату.

На столике обнаружился поднос с ужином: аппетитные картофельные ньоки, утиная ножка, пузатый чайничек с ромашковым настоем и небольшой апельсиновый кекс. В животе жалобно заурчало, но, едва я дотронулась до чашки, к горлу подступила тошнота.

Я очень хорошо помнила ощущение совершенной беспомощности, вызванной зельем. И совершенно не была уверена, что Габриэл не попробует подмешать мне что-нибудь в еду. Он несомненно учтет свои ошибки, и во второй раз зелье подействует, как нужно. Я бы не смогла съесть ни кусочка, даже если бы захотела. Желудок сжался в паническом спазме.

Подняв поднос, я выставила его за дверь.

— Глупо, — прокомментировал Габриэл и этим разрушил все заверения о том, что не наблюдает. — Я ничего туда не подмешивал.

Я предпочла промолчать.

— Ты не можешь голодать две недели. Будь последовательна, Теана, еще недавно тебя загнала в ванную только угроза лишиться тебя еды.

— Я последовательна. Однажды я уже поверила твоей семье. Это оказалось ошибкой.

— Кажется, четырнадцати дней будет мало... — пробормотал Габриэл. — Как знаешь. Ложись спать, Теана. Завтра побеседуем.

Свет в комнате погас, и я с трудом добралась до постели. Только подумав, что после всех событий этого дня я вряд ли усну, закрыла глаза и отключилась.

Глава пятая

— Доброе утро, Теана.

Вряд ли доброе утро может начаться с голоса Габриэла. Я так надеялась, на пару секунд просыпаясь ночью, что все это окажется страшным сном. Что я обнаружу себя спящей в воиде, с затекшей шеей и онемевшими от холода руками. Но раз за разом вновь проваливаясь в сон, я видела смутные очертания комнаты и чувствовала мягкость и тепло одеяла.

— Пора просыпаться. Ты проспала завтрак. Должно быть, ты сильно устала.

Устала ли я бегать от его шестерок, прятаться в провинциальной гостинице и на взятом на последние деньги воиде нестись по старой дороге к границе, чтобы попасть под дождь и искать укрытия в заброшенном поместье?

Нет, конечно, я совсем не устала.

— Я так надеялась, что ты исчезнешь.

— Тогда ты здесь погибнешь, потому что дверь заперта.

— И как же я умоюсь и приведу себя в порядок перед обедом?

— Попросишь разрешение, и я открою.

— Ты серьезно?

Зачем-то я посмотрела на потолок. Он был совершенно обычный, очень высокий, со старинной, но отлично сохранившейся лепниной и массивной бронзовой люстрой.

— Теана, я мужчина. Нам нравится чувствовать себя хозяевами положения. И нравится подчинение красивой девушки.

— Не говори за всех. Таких сволочей, как ты, не так уж много. Можно мне умыться, лорд Гримвелл?

— Сволочь бы ответила, что нет. Но да, Теана, можешь идти умыться. Цени хорошее отношение.

Я предпочла промолчать. Спустя столько дней без нормальной еды я чувствовала сильную слабость. А может, магия, которой пропиталось это место, так воздействовала на тело. Приходилось держаться за стенку, чтобы не бояться упасть из-за приступа головокружения.

На этот раз я не стала долго засиживаться в ванной, лишь наспех ополоснулась прохладной водой из ковшика, почистила зубы (с удивлением обнаружив и щетку, и специальный бальзам), а потом долго умывалась ледяной водой, приходя в себя.

Теперь можно было пораскинуть мозгами. Хотя выводы не слишком-то отличались от тех, что я сделала накануне. Я заперта в доме Гримвеллов, против силы Габриэла у меня нет оружия, и остается только делать то, что он велит... до поры до времени.

Вернувшись в комнату, я нашла поднос с едой. Странное ощущение: часть тебя буквально исходит слюной при виде аппетитно пахнущего супа в горшочке, закрытом хлебной шапкой, а вторая снова зашла в приступе тревоги. Похоже, Габриэл снова наблюдал.

— Боже, Теана, ты что, предпочитаешь умереть, но не рискнуть поесть в моем доме? Здесь ничего нет. Если я и попробую тебя опоить, то вечером.

— Вот спасибо, — пробурчала я.

— Сядь и пообедай. Иначе я клянусь, приду в комнату и накормлю тебя силой.

Но я и сама понимала, что не смогу отказываться от еды две недели. Хотя и уверенность в том, что Габриэл будет травить меня зельями, стала чуть слабее. Зачем он придумал все это?

Не став размышлять дальше, я опустила в кресло и осторожно сняла хлебную шапку с горшочка. Внутри оказался наваристый бульон с разделенным на волокна мясом и зеленью. Желудок благодарно заурчал, получив первую ложку еды, и я не смогла больше сдерживаться. К счастью, на подносе не было ничего, кроме супа, иначе ни о каком ужине не шло бы речи: после голодания накидываться на еду — не лучший выход.

— Вот и молодец, — удовлетворенно почти мурлыкнул Габриэл. — На ужин получишь что-нибудь посущественнее.

— Что будет за ужином? Зачем тебе эти встречи? Почему ты вдруг решил не убивать меня и не отправлять в больницу?

— Всему свое время, Теана. Мы успеем поговорить и об этом. Ты любишь паззлы?

— Прости?

— Паззлы, Теана. Тысячи мелких деталей, которые складываются в большую картину. Их собирают девушки из высшего общества,

чтобы убить время. Любишь?

— Мое время умирало в попытках заработать себе на жизнь. Не люблю. У меня не хватает терпения.

— Не удивлен. — Габриэл бархатисто рассмеялся. — Но придется освоить, потому что каждая наша с тобой встреча — кусочек мозаики. Ты сумеешь сложить картинку и понять, почему же я тебя не убил. По крайней мере, я надеюсь.

Последняя фраза прозвучала — мне так показалось — со скрытой угрозой. Будто Габриэл намекал, что если не пойму, то убить все же придется.

— К ужину я жду тебя внизу. Твоя одежда в коробке за дверью. Отдохни, почитай что-нибудь. Вечером побеседуем лично.

Когда он умолк, я не удержалась и откусила краешек хлебной шапки бульона, уж очень аппетитно и пышно она выглядела. Мне до дрожи хотелось выглянуть за дверь и посмотреть, что за одежду прислал Габриэл, но, во-первых, я боялась увидеть там нечто непристойное, а во-вторых, не хотелось давать понять, что ему удалось меня запугать и подчинить. Поэтому я старательно делала вид, что мне совершенно безразлично, что он там собирается на меня надеть.

Я долго смотрела в окно, вдыхая соленый морской воздух, и впервые в жизни испугалась того, что магия не вызвала отвращения. Да, обрыв, мокрые камни, тучи брызг, поднятые волнами — все это были детища магии. Но мощь стихии завораживала. Я никогда не бывала на большой воде, и теперь с плохо скрываемым восторгом смотрела вдаль, на линию горизонта, где темное небо сливалось с беспокойной водой.

Затем я отправилась к книжным полкам, и там-то меня ждал огромный сюрприз.

— Это книги о магии! — воскликнула я.

— И что? — не преминул ответить Габриэл.

— Я не стану их читать!

— Твое право, Теана. Занимайся в свободное время чем хочешь.

— Ты можешь найти мне нормальные книги? Художественные?

— Это художественные. Просто написаны они магами для магов. Теана, ты в моем поместье, я — маг, и весь мой род занимался колдовством. Здесь нет других книг, поэтому для развлечения могу

предложить... не знаю, ты не пробовала смотреть в окно? Чудесный вид.

— Очень смешно.

Я легла на постель и закрыла глаза.

— Как Генри? — вдруг вырвалось.

— Тебя это правда интересует? Ты любишь его?

— Он мне дорог.

— Но не любишь?

— Я не знаю! — в отчаянии воскликнула я. — Думала, что люблю, но...

— Но оказалась не готова жить с его секретом. А он — не готов за это бороться.

— Да, наверное.

— Так бывает. Я предупреждал.

— Ты так надолго покинул Чармерд. Разве дела рода это позволяют?

Мне показалось, Габриэл не сразу нашелся, что ответить, а когда наконец заговорил, то его голос звучал совсем иначе. Напряженно и холодно? Я не поняла, что это может значить, но где-то внутри шевельнулась слабая догадка. И тотчас исчезла, оставив после себя противное ощущение ускользнувшей мысли.

— Не беспокойся о моих делах. Они в полном порядке. Возьми коробку с одеждой. Ужин скоро, тебе стоит начать собираться.

Но Габриэл лукавил: до ужина оставалось приличное количество времени. Я полежала еще немного, размышляя над странностями судьбы, которая привела меня в этот дом и заперла наедине с магом. Какая же у Габриэла цель? Если не убить меня или заставить замолчать иным способом, то что? Поиграть, как сытый кот играет с напуганной мышкой?

Нет, здесь что-то другое. Габриэл не разменивается по мелочам. Он предполагал, даже знал, что свадьба не увенчается успехом, но все же влил в нее кучу денег, чтобы не ссориться с Генри и на опыте доказать ему свою правоту.

И что хочет доказать Габриэл мне?

Делать было нечего, пришлось подняться и забрать коробку. Путь от двери до постели занимал всего десяток шагов, но показался

бесконечным. Что в коробке? Вариантов было много: от нарисованных воображением жутких ритуальных облачений до самого развратного наряда, который только может придумать неискушенная девушка с опытом супружеской жизни в... сутки?

Но когда я увидела тонкую, красивого молочного цвета ткань, то почему-то сразу поняла, что это не ритуальный саван. Это было платье. Удивительной красоты и нежности — с расшитым стеклярусом лифом и открытой спиной, тонкими чуть поблескивающими нитями, вплетенными в подол.

Даже не думала, что Габриэл способен выбирать такие вещи. Скучные знания, почерпнутые из прессы, выдавали образы мужчины рядом с шикарными красотками в роскошных и дерзких нарядах.

— Что это за игра? — не удержалась я. — Зачем?

— Одевайся и спускайся, — последовал лаконичный ответ.

Словно иллюстрируя слова Габриэла, замок на двери щелкнул — и та приоткрылась. Я вздрогнула, проявления магии, даже несмотря на разбушевавшуюся за окном наколдованную стихию, все еще пугали.

Когда я увидела себя в платье, то испытала очень постыдную эмоцию: пожалела, что негде сделать прическу и макияж. А еще у меня не было обуви, но это скрывал длинный подол, хотя и его было жаль: казалось, волочась по полу он непременно за что-то зацепится и порвется, настолько нежной была ткань.

— Теана! — раздалось нетерпеливое.

Только уже не как обычно, откуда-то сверху, а из холла. Усилием воли подавив дрожь, я вышла. Ступать по холодному полу было неприятно, и к страху перед загадочным ужином добавилась ледяная дрожь в теле.

Габриэл ждал внизу. Он выглядел так, словно мы встречались не в его старом, запертом ото всех, магическом особняке, а где-то в Чармерде, на неформальном обеде. И держался соответствующе — небрежно, едва заметно улыбался, скорее даже глазами.

— Похоже, я не ошибся в выборе. Платье как будтошили на тебя.

— Чувствуется богатый опыт.

Он протянул мне руку.

— Идем. Нас ждет ужин в столовой.

— Это обязательно? — спросила я, имея в виду, конечно, руку.

И хоть Габриэл это прекрасно понял, он не был бы собой, если бы отступил.

— Да. Тебе нужно поесть.

Его пальцы сомкнулись вокруг моей ладони. Я вдруг показалась себе крошечной и очень слабой. Я всерьез надеюсь двинуть ему чем-нибудь по темечку и сбежать? Да он даже вдохнуть не позволит без разрешения!

— Многие интерьеры здесь — дело рук моей матери. У нее был отменный вкус.

— И отвратительный сын. Который обвинил ее в колдовстве и отправил на казнь?

Габриэл тяжело вздохнул. Я ждала, что он отмахнется от обвинений или как-то еще попытается солгать о невинности. Звездоликая... кажется, я даже ХОТЕЛА, чтобы он солгал.

— Ты права. Я отправил ее на казнь. Но столовая все равно великолепна. Тебе понравится.

И мне понравилось. Никогда бы не подумала, что черный может быть ведущим цветом в интерьере и при этом не смотреться траурно. Что черный с серебром так хорош. И что за окном могут быть... горы?! Заснеженные пики гор, таких высоких, каких от роду не было в Чармерде?

Я не скрыла изумление и даже вытянула шею, чтобы рассмотреть подробнее.

— Здесь много таких пейзажей.

— Где это? Это... иллюзия? Картинка?

— Нет. Это портал.

Дальше предпочла не спрашивать. Отчасти потому что, несмотря на любопытство, совсем не желала вникать в нюансы магии, отчасти потому что внимание привлек небольшой круглый стол. Окрашенный матовой черной краской, состаренный серебром, он был, безусловно, хорош, но вот что странно: помимо нескольких блюд и бутылки вина, на нем стояли лишь одна тарелка с комплектом приборов, бокал и салфетка.

— Что это значит? — Я повернулась к Габриэлу. — Ты уходишь?

— Нет. — Он усмехнулся.

— Тогда я не останусь?

— Останешься. Не понимаю...

— Научись задавать вопросы, Теана. Что тебя смущает?

Сделав глубокий вдох, я выпалила:

— Комплект приборов всего один. Почему?

Медленно, смакуя и наслаждаясь, Габриэл прошел к столу и принялся открывать бутылку.

— Видишь ли, совсем недавно ты едва не заморила себя голодом, потому что боялась, что я подмешаю что-то тебе в еду или питье. Ты знаешь о королевских дегустаторах?

— Тех, кто пробует еду короля, чтобы исключить отравление?

— Именно. Поиграем сегодня в королеву.

Он сказал это таким тоном, что я стиснула зубы от внезапного прилива бессильной злости.

— И дегустатора. Чтобы ты не боялась, что я подмешаю какую-нибудь магическую гадость. Я сам тебя покормлю.

— Как будто тебе что-то помешает подмешать зелье, которое не действует на тебя. Или выпить противоядие.

— Теана, с тобой очень сложно.

— Со мной было бы просто, не открой ты на меня охоту.

— Не я отправился к законникам прямо со свадебной вечеринки, — парировал Габриэл.

— Да, потому что мой муж так напился, что оставаться с ним в комнате было попросту страшно, а больше в вашей семье никого не интересовало, что я могу случайно увидеть и какие у этого будут последствия.

— С этим сложно поспорить. Садись.

Я совершила ужасную тактическую ошибку: села на самый краешек небольшого двухместного диванчика, тем самым дав достаточно места для Габриэла. Он не преминул воспользоваться этой оплошностью и, хоть напротив и было кресло, сел рядом. Я ощутила тонкий запах его парфюма, очень знакомого, травяного. Иланг-иланг? К нему примешивался запах хорошего дорогого табака, а меж тем пространство над столом наполнил тонкий пряный аромат красного вина.

— Я не буду, — поспешно ответила я.

— Брось, тебе надо расслабиться. Ты мыслями еще на той дороге.

Я прикусила язык, чтобы не ляпнуть, что мыслями я в спальне в его доме. И если в ближайшие минуты Габриэл не отсядет, то я снова

начну дрожать. Или не смогу съесть ни кусочка, потому что сердце бьется так часто, что накатывают волны тошноты.

Он сделал глоток из бокала, а перед этим с наслаждением вдохнул аромат.

— Из отцовских запасов. Он собирал их по всему Чармерду, ездил в Эйнгорию. Редкие, коллекционные вина. Многих виноделен уже не существует. Вот это вино из крошечной винодельни вблизи Линерберга. Семейное дело, не пережившее строительство дороги. Когда по всему Чармерду расползлись рельсовые воиды, хозяева винодельни не смогли конкурировать с огромными заводами и богатейшими винными домами. Очень жаль, потому что у них был исключительный виноматериал. Попробуй... видишь, со мной ничего не случилось.

Он поднес к моим губам бокал, и мне ничего не оставалось делать, как глотнуть. Терпкое и мягкое вино мгновенно вскружило голову. Повеяло запахом вяленых слив и почему-то шоколада.

— Хозяева винодельни были магами. Они использовали свой дар во время приготовления вина.

Габриэл усмехнулся, когда я поперхнулась и закашлялась.

— Ты специально?! Издеваешься?! Тебе нравится меня мучить?

— Мучить? Скажи, что тебе не понравилось вино?

— Не скажу. — Я упрямо вздернула нос. — Но это не значит, что я одобряю колдовство. Миранда Харсперин тоже отдавала деньги на благотворительность, но это не делает ее святой. И не заставляет меня отрицать, что ее деньги многим помогли.

— Как и деньги моей семьи. Ты ведь тоже получала стипендию, до меня дошла такая информация. Как-то жестоко ты отплатила тем, кто помогал бедной сиротке.

Я залилась краской и открыла было рот, чтобы сказать, что мой донос был лишь о нем. Но потом подумалось, что во-первых, злить его намеренно не стоит — для этого будет еще много более веских поводов. А во-вторых глупо отрицать, что если бы Габриэла казнили, это никак не отразилось бы на остальной семье.

— Как тебе удалось уйти от ответственности? — спросила я.

Габриэл сосредоточенно разрезал утиную грудку.

— Об этом я обязательно расскажу в одну из наших будущих встреч. А сегодня...

Щедро полив кусочки мяса брусничным соусом, он отправил кусочек в рот и с довольным видом прожевал.

— Утка божественна. Невероятное сочетание мяса и кислого пряного соуса. Вот, попробуй.

Я все же не удержалась от укоризненного взгляда, когда он протянул мне на вилке небольшой кусочек. Протянула руку, чтобы самой взять прибор, но Габриэл настойчиво, хоть и мягко, ее отстранил.

Сегодня играем по его правилам.

И всегда, пока я в его доме.

Звездноликая... это и вправду невероятно вкусно. Настолько, что я с легкой ревностью смотрела, как Габриэл неторопливо накладывает в тарелку салат и пробует сочащиеся соком помидоры с зелеными листьями базилика.

Я уже не пыталась возражать, когда он отправил мне в рот вторую порцию мяса.

— Вот и умница, — губ коснулась торжествующая улыбка, — как твой желудок? После стольких дней голодания нужно быть осторожной.

— С чего ты взял, что я голодала несколько дней?

— Это очевидно. У тебя не могло быть много денег. Ты пыталась убежать по дороге, потратила все деньги на билет. И сняла воид, а значит, вряд ли заказывала ужин в комнатуху гостиницы, где пряталась от моего человека. Салатик?

— Да. Хорошо, я вижу, что в еде нет зелья или яда. Можно я поем сама?

— Нет.

— Почему?!

— Потому что я тоже голоден. Открой ротик.

Хотелось верить, что в хрусте овощей было слышно мое недовольство.

Так, незаметно, мы съели почти всю порцию утки. Мысленно (я бы скорее отрезала себе язык, чем призналась вслух) пришлось согласиться с Габриэлом в том, что желудок тяжело воспринял первый за много дней полноценный ужин. А уж вино — и того хлеще. Я выпила всего полбокала, стараясь делать крошечные глотки и

смаковать вкус, а не опьянение, но все равно чувствовала странную сонливость, заторможенность и легкость.

Это совсем не те ощущения, которые следовало испытывать рядом с Габриэлом, но тревога по этому поводу ощущалась весьма смутно.

Когда со стола вдруг по щелчку пальцев Габриэла исчезли тарелки, я вздрогнула.

— И что теперь?

Почему-то казалось, что ужин — только начало игры, что он задумал.

— А теперь я расскажу тебе одну небольшую сказку, угощу десертом и отправлю спать.

Снова щелчок — и на столе появилась тарелка с небольшим тартом, буквально усыпанным угодами, и чашкой ароматного мятно-вишневого чая. Я невольно залюбовалась медленно раскрывающимися чайнками.

— Будь добра, Теана, подожди несколько минут. — Габриэл поднялся. — Я скоро вернусь.

Мне ничего другого и не оставалось. К десерту не дали приборов, а крема и ягод было столько, что есть это руками все равно бы не вышло. Нет смысла скрывать: я очень хотела попробовать десерт! До безумия. Но не стала опускаться до банальной неряшливости, а вот чашку все же взяла и сделала небольшой глоток.

И в ней вполне могло оказаться зелье. Ничто не помешало бы Габриэлу подмешать его туда, а затем уйти, зная, что я не удержусь. Но я устала подозревать его во всех грехах и каждую секунду бояться нового удара. Вино расслабило меня, усыпило бдительность и растворило в себе страх. Даже если в чае и есть зелье — плевать. Я ужасно устала. И хочу хоть немного тепла, но все, что есть — это обжигающе горячая чашка чая.

— Теана-Теана, — протянул Габриэл, когда вернулся и застал меня за чаепитием. — Ты как подросток, который все время бунтует.

— Я хотела пить, — равнодушно ответила я. — И не обязана спрашивать дозволения.

Габриэл на это лишь усмехнулся. Достал в буквальном смысле из воздуха длинную десертную ложку и протянул мне.

— Ого. Вот это доверие, я могу поесть сама?

— Теперь твоя очередь, Теана.

Я застыла с чашкой в руках. Пальцы покраснели от жара, но я не могла пошевелиться и просто огромными глазами смотрела на Габриэла. Ему пришлось буквально силой отобрать у меня чашку, иначе появились бы волдыри.

— Я... что?

— У нас один на двоих десерт и одна ложка. Я угостил тебя горячим, а десертом угостишь меня ты.

— Ты издеваешься?

— Я? — у Габриэла был такой невинный вид, который бывал у нашкодивших детей в саду, где я работала. — Меня не было почти десять минут. А если ты подмешала что-то в десерт?

— Откуда?! Я же заперта у тебя в доме! Ты забрал все мои вещи!

— Ни ты, ни я, не уйдем отсюда, пока не съедим этот замечательный свежайший тарт с сырным кремом и свежими ягодами. Поверь, повар вложил в него всю свою влюбленность в... м-м-м... кулинарию и магию. И он смертельно обидится, если мы оставим хоть крошку. Поэтому лучше сделай, что я прошу. Попробуй тарт, а затем дай попробовать мне.

Я стиснула зубы, в очередной раз подавив желание наброситься на Габриэла с кулаками или зубами вцепиться ему прямо в шею. Никогда не замечала за собой таких порывов.

— О чем ты сейчас подумала? — вдруг спросил он.

— Какая разница?

— У тебя глаза красиво сверкнули. О чем?

Смутившись, я осторожно отломил кусочек десерта.

— О том, что на работе ни один ребенок, даже самый капризный, даже тот, который стащил всю мою зарплату и изрисовал купюры яркими карандашами, не выводил меня из себя так, как это делаешь ты.

— И что случилось с зарплатой? Тебе ее заменили?

— Нет. — Я пожала плечами. — Месяц сидела без денег.

— На месте родителей я компенсировал бы ущерб, нанесенный ребенком.

Тема оказалась неприятной и, чтобы Габриэл наконец заткнулся, я сунула ему под нос огромный кусок пирожного. Клянусь, он был

просто ужасно большим, и чтобы взять его, Габриэлу пришлось сообразить, с какой стороны подступиться.

— Не все могут просто взять и вытащить из кармана месячное жалованье гувернантки. Не все люди богаты, лорд Гримвелл.

— А я-то думал, — фыркнул он, прожевав наконец кусок. — Что ж, тарт неплох, верно? Ну же, Теана, скажи хоть пару добрых слов повару, ему будет приятно.

— Все было вкусно. Передай, что он придал этому месту чуточку уюта. В отличие от тебя.

Габриэл от души рассмеялся, хотя я, вроде бы, не сказала ничего смешного.

— Обязательно передам. Ему будет приятно. Итак, Теана, хочешь расскажу тебе одну легенду?

— Что за легенда?

— Угости меня, пожалуйста, чаем.

Спрашивать, издевается ли он, было бесполезно, поэтому я просто взяла чуть остывшую чашку и поднесла к губам Габриэла. Соблазн наклонить чашку чуть сильнее, чем требовалось, был огромным! Я почти наяву увидела, как горячая жидкость разливается по серой рубашке, оставляя безобразные мокрые пятна.

Но не сделала этого. Постаралась убедить себя в том, что не из-за любопытства, но на самом деле я очень хотела услышать, что за легенду решил рассказать Габриэл.

И еще в том, чтобы сидеть так близко к нему и есть десерт с одной ложки было что-то...

Неправильное. И волнующее.

— Что с тобой? — Габриэл не мог не заметить, как я помрачнела.

— Просто подумала, что жестоко поступаю с Генри.

— Ты ничего не делаешь. Я заставляю тебя.

— Ты знаешь, о чем я.

— О том, что мы провели ночь вместе? Генри отказался от тебя.

Неужели ты еще не поняла?

Я поморщилась от разлившейся внутри неприятной горечи.

— Дело не в нем. Во мне. Я не хотела от него отказываться.

— Тогда считай, что и тогда я тебя заставил. Ты ведь об этом говорила мне с того момента, как оказалась здесь.

— Ты не понимаешь...

— У тебя будет время объяснить. А сейчас доедай пирожное, допивай чай, а я расскажу тебе свою любимую легенду.

— Ты не будешь?

На тарелке еще оставалась добрая половина тарта. Габриэл улыбнулся. Неожиданно по-доброму, без тени иронии или насмешки.

— Я не любитель сладкого. А тебе нужно восстановить силы. Ешь.

Я должна была испытать облегчение, пододвигая к себе тарелку с десертом, но почему-то ощутила легкую досаду. Как будто игру, в правила которой я только-только вникла, вдруг резко свернули. Мелькнула догадка, что я задела Габриэла за живое. То ли напомнив о Генри, то ли о ночи, проведенной вместе. Он будто посерьезнел и больше не пытался вывести меня из равновесия. А еще будто нарочно говорил мягким бархатистым голосом, который хотелось слушать и слушать. Габриэл умел говорить. И совершенно неважно, что именно он рассказывал: планы на твою собственную жизнь или красивую легенду.

— Когда-то давно Звездоликая богиня спустилась из своей обители в облачных мирах, чтобы посмотреть на жизнь обычных людей. Тогда еще не существовало ни Чармерда, ни Эйнгории. Только одно большое королевство Старвелл, разделенное на пять провинций. Богиня путешествовала по провинциям очень долго. Видела и добро, и зло, столкнулась с человеческим пороком и благодетелью. Ощутила любовь и ненависть, жестокость и сострадание. И когда она поняла, что мир смертных слишком труден для жизни, что в существовании, которое состоит лишь из тяжелой работы и выживания, слишком мало счастья, она стала действовать.

В каждой из провинций Звездоликая выбрала двух братьев. Очень близких братьев: верных друзей, кровных родных, юношей, между которыми была особая связь. Одному брату Звездоликая подарила удивительную способность создавать. Видеть законы природы и применять их. Придумывать огромные машины, мощные строения, целые системы, делающие жизнь комфортной.

А второму брату богиня подарила способность творить. Кажется, это очень похожие слова, верно? Создавать и творить. Но на самом деле между ними огромная разница. Второй брат получил умение использовать свои эмоции, превращать их в нечто осязаемое. Только от

него зависело, во что превратятся его злость, страх, любовь и забота. Иными словами, богиня подарила ему магию.

Так в каждой из провинций появились два дара. Магия и Технология.

— Напекаешь, что магия не так плоха, как мы считаем? — хмыкнула я. — Возможно. Однако если так и было в древних легендах, то сейчас все изменилось.

— Дослушай до конца, Теана. Это короткая легенда. Итак, братья в каждой из провинций получили по дару и бросились их развивать, разумеется. Они практически сразу совершили роковую ошибку: стали соперничать. Братья, которым досталась технология, стали одержимы идеями путешествий, огромных домов. А братья, получившие магию столкнулись с самым жутким ее проявлением.

Габриэл задумчиво провел рукой над чашкой с остывшим чаем — и от нее пошел легкий пар.

— Оказалось, что в человеке очень много соблазнов и пороков. Сначала, разумеется, и они использовали свой дар чтобы облегчить жизнь смертных. Они исцеляли, придавали настойкам особые свойства, придумывали ритуалы, исполняющие желания. И вскоре выяснили, что чем сильнее эмоция, тем ярче проявляется магия. А самые сильные эмоции, Теана, очень темные.

Каждые из пар братьев вскоре перестали друг с другом общаться.

А затем все они обнаружили возможность научить своему дару других. Хранители технологии — так они себя называли — организовали школы и гильдии ремесленников. Они изобретали то, что мы называем водами: машины, способные преодолевать огромные расстояния. Они непрерывно работали и работают над покорением неба. Спустя много сотен лет ученики хранителей изобретают уже не только машины, но и лекарства, предметы обихода — все, что мы используем в жизни. Ими построены дома, мосты, спроектированы целые города. Они сделали жизни миллионов людей лучше. Что же произошло с хранителями магии? Как думаешь? Попробуй угадать.

— Ну... — Я задумалась. — Наверное, они тоже стали учить своему умению. Создали... не знаю, ковены?

— Ковены, ордены, секты, — кивнул Габриэл.

— И поддались эмоциям? Порокам?

— Верно. Для того, чтобы освоить дар технологии, нужен особый талант. Не каждый обладает им и не каждый пройдет отбор в гильдию даже сейчас. Но вот чтобы освоить магию... достаточно было просто чувствовать. Сильно, страстно, отдавая эмоции всего себя. На такое были способны самые разные люди, и вскоре магия стала служить лишь одной цели: удовлетворению внутренних демонов. Так появились кровавые ритуалы, способные дать магу невозможное. Исполнить его желания, сделать его неуязвимым... в обмен на жертву, разумеется.

Очередное доказательство, что я все сделала правильно? И что Габриэл — яркий представитель потомков хранителей магии?

— Хранители технологии не сразу поняли, что стало с их братьями, во что они превратились. Они были слишком сильно увлечены изобретениями. К тому времени, как кто-то заподозрил неладное, магов было слишком много. Насквозь порочных, поддавшихся искушениям и внутренним демонам, магов.

Габриэл поднялся. Я доела десерт как раз вовремя, вряд ли он полез бы в горло от такой мрачной истории. Эти легенды не преподавались в школах и не рассказывались детям на ночь. Откуда Габриэл знал их?

— Идем, провожу до комнаты и расскажу конец по дороге. Он короткий и грустный. Маги во главе с хранителями, разумеется, захотели власти. Это один из самых сильных смертных пороков. Давнее соперничество переросло в настоящую войну и... маги победили. Технологии пришлось нелегко: большая часть гильдий и школ была уничтожена, чертежи сожжены, а хранители казнены. И тогда Звездноликая, увидев, как смертные распорядились ее подарком, спустилась в мир смертных, чтобы забрать свои дары обратно. Но маги отказались склониться перед богиней и вернуть ей колдовство, и тогда Звездноликая жестоко их наказала. Каждый ритуал приближал их к безумию, корежил душу и калечил тело. Маги, исполнявшие свои желания, становились монстрами. Они стремились к могуществу, жаждали силы, но, получив ее, становились безумными животными, не осознающими ни себя, ни мир вокруг. Божественная ирония: в твоих руках власть над одной из двух самых мощных сил, а ты пускаешь слюни на воротник и питаешься тухловатым мясом, утробно рыча.

— Они сами в этом виноваты.

Я чувствовала приятную сытость и усталость, но, когда Габриэл говорил, к ним примешивался легкий страх. Благодаря хорошему воображению я словно наблюдала за соперничеством магии и технологии с близкого расстояния, буквально стоя рядом с таинственными хранителями, навлекшими на себя гнев Звездоликой богини.

— Верно, Теана. Они виноваты в этом сами. И довольно скоро маги поняли это. Тогда технология смогла вырваться вперед, а чтобы не терять больше родных, хранители технологии объявили магию запретной. Пользовавшиеся проклятым даром изгонялись в специальную резервацию, где царил настоящий хаос.

Мы остановились перед дверью моей комнаты. Привычным (как быстро я перестала вздрагивать от проявлений магии!) жестом Габриэл из воздуха достал красивую черную розу.

В другое время я бы непременно испугалась такого подарка, но сейчас невольно залюбовалась необычным черным, с фиолетовыми оттенками и переливами, цветом. Пушистый цветок умопомрачительно пах: летом, вечерним садом и розовым вином.

— Их ссылали в место, которое сейчас называется Эйнгорией, — закончил Габриэл. — Туда ты и направлялась.

Я не могла оторвать глаз от розы, и хотела было спросить, зачем он делает это: кормит ужином, дарит цветок. Но не смогла произнести ни слова, замороженная колдовским взглядом серых глаз.

— Поставь ее на тумбочку возле кровати. Наутро она напомнит о прошедшем вечере... и о будущем. Спокойной ночи, Теана.

— Спокойной ночи.

Я повернулась к двери и взялась за ручку, но не повернула ее. Посмотрела в спину удаляющемуся Габриэлу и решила спросить:

— В детстве у меня была книжка с легендами. Там всегда давались несколько трактовок преданий. У этой легенды есть другой взгляд?

Обернувшись, мужчина улыбнулся:

— Возможно, стоит посмотреть в книге? У тебя их, кажется, было много.

Глава шестая

Наутро я обнаружила, что цветок на тумбочке стал белым. Его аромат распространялся на всю комнату, а из приоткрытого окна раздавался шум воды, бьющейся о скалы. Наверное, в такой атмосфере было бы преступлением плохо спать. И я спала хорошо, на удивление без кошмаров.

Платье, в котором я ходила на ужин, исчезло. Вместо него кто-то (не видела и не слышала здесь никого из прислуги) положил новый атласный халат. На небольшом столике под полукруглой железной крышкой обнаружился завтрак: пышные оладьи с шоколадным соусом, пузатая вазочка со свежими ягодами, ароматный крепкий кофе и сэндвич с овощами и сыром. Желудок радостно заурчал при виде гастрономического великолепия, и лишь нечеловеческим усилием я заставила себя сначала принять утреннюю ванну и лишь почувствовав себя свежей и отдохнувшей сесть за стол.

— Приятного аппетита, Теана, — раздался голос Габриэла.

А ведь я почти привыкла к повсеместным проявлениям магии. И хотя все еще вздрагивала, когда он начинал говорить, на морской пейзаж за окном смотрела с нескрываемым любопытством. Интересно, туда можно отправиться на прогулку, например? Или это лишь умело созданная магическая иллюзия?

— И что будет сегодня? — спросила я.

— Прости?

— Каков твой план на сегодня? Снова пришьешь платье и расскажешь новую легенду?

— Возможно. Все это будет вечером, сейчас я слишком занят, чтобы это обсуждать.

— Но я сойду здесь с ума! Что мне делать?!

— Я предлагал тебе читать.

— Магические книги?!

— Они не магические. Они написаны магами, это другое.

— Разве? Я могу выйти на прогулку?

— Нет.

— Но почему?!

— Это очевидно, я не доверяю тебе. И не уверен, что ты отказалась от идеи сбежать. Как завтрак?

— Можешь передать повару, что все чудесно. Кстати, кто еще живет в поместье? Я не видела прислугу.

— Это ведь признак ее высокого профессионализма. Хозяева и не должны видеть.

— И все же, здесь много слуг? Кто они? Знают ли на кого работают?

— Как я уже сказал, этим утром я немного занят. Поэтому обсудим все твои вопросы за ужином. После обеда я пришлю одежду. Тебе понравится то, чем мы займемся.

Я только вздохнула. Сидеть взаперти без развлечений было скучно. Страх давно утих, сменился обреченностью. Меня все равно не выпустят, пока Габриэл не получит то, чего хочет. Правда, я понятия не имею, что это. Но пока меня не трогали и не обижали, если не считать вынужденного заключения, так что был смысл ждать.

Созерцание пейзажа в окне успокаивало, но тоже быстро наскучило. И я сдалась. Подошла к полке с книгами и принялась читать названия.

— «Кровь и тени», «проклятые огни», «сумеречники», «книга шторма».

Названия ровным счетом ничего мне не говорили, и я, осмелев, принялась рассматривать обложки. О, они были идеальны: казалось, что над каждой художник работал годами, тщательно выписывая элементы, отрисовывая кусочки паззла, собиравшиеся в единую картину. Были внутри и иллюстрации, я невольно засмотрелась на сцены из жизни магов и людей. Некоторые иллюстрации были совершенно обычные, некоторые изображали магические битвы или колдунов за ритуалами. Некоторые откровенно пугающие и мерзкие.

А еще когда я листала «Книгу шторма», из нее выпал небольшой листок, припрятанный между плотных страниц. Он мягко спланировал на ковер и, прежде чем ветер из открытого окна подхватил листок и закружил в воздухе, я наклонилась и схватила его.

Письмо. Внутри оказалось чье-то письмо.

«Мирабелла, я рад сообщить, что у нас все хорошо, и мы с нетерпением ждем, когда ты вернешься. Ты была права, любовь моя: дети оказались совершенно не готовы провести столько времени с

отцом. Но я не унываю, и мы постепенно сближаемся. Дебра отправилась в гости к подруге с ночевкой. Это ее первая ночь в чужом доме, и я слегка волнуюсь. Чтобы не сойти с ума от беспокойства, мне пришлось взять Габриэла к реке. Мы упражнялись в магии, любовались закатом и готовили рыбу, которую сами же поймали.

Думаю, из него получится отличный маг. И достойный рода Гримвеллов юноша.

Я безумно скучаю, любовь моя. И жду с нетерпением, когда ты вернешься. Надеюсь, твоей мамушке стало легче. Будь осторожна и помни, что мы будем вместе, что бы ни случилось.

Бесконечно люблю тебя и обнимаю. Твой Гарвер.

P.S. Габриэл передает тебе огромный привет».

— Нехорошо читать чужие письма.

Я подскочила, выронив листок и сбросив на пол книги.

— Прости... я не хотела, случайно увидела его в книге.

— Мне следовало проверить их прежде, чем оставлять в твоей комнате.

— Это твои родители?

— Да.

— Они любили друг друга, похоже.

— Обожали. До самого последнего вздоха они были вместе. И умерли, держась за руки, как бы пафосно это не звучало.

Я закусила губу, чтобы не позволить вырваться бестактному и даже опасному вопросу. Но все же не удержалась.

— Сибилла сказала...

— Что? — в голосе Габриэла появилась усмешка. — Что я подставил родителей, обвинив их в колдовстве? Это правда. Я пришел к законникам точно так же, как и ты, дал показания — и их казнили.

— Я не хочу знать, — глухо проговорила я.

Села в кресло и закрыла глаза.

— Ничего не изменить, Теана. Я дал показания против родителей, ты — против меня. Время нельзя повернуть вспять. Такова жизнь.

— Они любили тебя. Это видно из письма. Я бы многое отдала за такие моменты с родителями.

Габриэл долго молчал.

— Да. Я и отдал очень многое за них.

Письмо начисто отбило охоту читать. Убрав книги на место, я подошла к окну и полной грудью вдохнула свежий морской воздух. Где-то вдаль, там, где вдоль линии горизонта над водой стелился серый туман, виднелись всполохи молний. Но гром не долетал до замка. По воле магии или из-за расстояния, я не знала.

— Я расстроил тебя.

Это был не вопрос, скорее утверждение. Показалось даже, будто Габриэл сожалеет. И поначалу я не хотела отвечать, но, подумав, все же сказала:

— Пожалуй. Я не могу понять и смириться. У меня нет родителей, я не могу поговорить с ними или обнять, потому что их забрали. А...

Я замялась, не сумев произнести «ты».

— Кто-то сам отдал их в руки смерти.

— Так бывает. Иногда у хороших людей вырастают ужасные дети, которые их подводят и предают.

— Я думала, ты найдешь объяснение.

— Его нет, Теана. Не ищи во мне хорошее, это опасный путь для пленницы. Нельзя влюбляться в злодеев, для них не предусмотрен счастливый конец.

— Ни в кого я не влюбляюсь! — пожалуй, слишком резко ответила я.

— Это прекрасно. Скажи, почему ты все еще мучаешься смертью родителей? Ведь ту колдунью поймали и казнили. Виновник наказан, обычно этого хватает, чтобы успокоиться.

— Это ведь родители. Я скучаю. Жалею, что не было шанса запомнить их лучше.

Обрывки воспоминаний, смутные образы... с каждым годом облик мамы с папой становится все расплывчатее, и единственное, что остается четким — их крики и хрипы, стоящие в ушах.

— Да, но в твоих слова не светлая грусть, которая появляется с годами. Ты не смирилась с их гибелью, яростно ненавидишь магию. Почему? Ты боишься. Чего? Что сказала та колдунья?

— Не хочу о ней говорить.

— Теана, этот огонек в тебе куда хуже магии. Он убьет тебя быстрее.

— Я сказала, что мы закрыли эту тему. Не говори о моих родителях. Не тебе ворошить мое прошлое.

Чтобы продемонстрировать крайнюю степень нежелания общаться, я забралась под одеяло, где попыталась дать волю слезам. Попыталась, потому что в последнее время их уже почти не осталось. С некоторых пор вместо рыданий наваливалась глухая безнадежная тоска. Которая, впрочем, быстро проходила, когда я думала о Генри и грядущей свадьбе.

Теперь и о них я старалась не думать, поэтому уцепилась за единственную возможную радость — ужин.

Он был ценен не встречей с Габриэлом и не ужином, как таковым, а возможностью выйти, размяться, поговорить с живым человеком и глотнуть немного свободы. Или вина... порой не сразу понятно, есть ли между этими вещами разница.

Незаметно, за какие-то сутки, вся жизнь сосредоточилась на вечере. Я уже не смогла выдержать благородную паузу, и сразу же после обеда высунула нос за дверь, чтобы забрать коробку с нарядом и посмотреть, что там такое.

Я ожидала платье, очередной шедевр дизайнерского искусства, но к собственному удивлению нашла в коробке простые черные брюки и белоснежную, явно большую мне, рубашку.

— В чем смысл? — спросила почему-то у люстры.

— Увидишь, — ответила та голосом Габриэла. — Собирайся. Спустишься пораньше, перед ужином кое-чем займемся.

Я поперхнулась воздухом.

— Боже, Теана, я не имел в виду ничего такого. Клянусь, у меня ощущение, что я запер в комнате пугливую девственницу. Неужели все было так плохо, что ты боишься даже подумать о близости со мной?

— А зачем ты заперл меня в комнате? Тут любая испугается.

Кажется, Габриэл не нашелся, что ответить. Этот факт неожиданно порадовал, я тихонько хихикнула и отправилась принимать ванну. Лишь напоследок мне в спину бросили задумчивое:

— Знаешь, мне кажется, ванна понадобится тебе ПОСЛЕ ужина, а не до.

Я все же нервничала, спускаясь. Не понимаю Габриэла и его мотивов. Это действительно похоже на свидания: особая одежда, ужин, цветы в конце. Только кто устраивает свидания с пленницей? И зачем? И хоть я понятия не имею о его целях, вынуждена признать, что испытываю целую гамму самых разных эмоций. От приятных — когда он делает что-то милое или романтическое, до болезненных — когда я вспоминаю о погоне в рельсовом воиде или зелье, сковывающем волю.

Не понимаю Габриэла и от того одновременно злюсь, боюсь и ужасно нервничаю в ожидании очередного вечера. Всего лишь второго, хотя кажется, будто наше противостояние длится всю жизнь.

В холле было пусто, в гостиной и столовой — тоже. Я недоуменно обходила комнаты, босыми ногами ступая по каменному полу. Наконец не выдержала:

— Габриэл! Куда мне идти?!

— Поднимись на чердак.

— На чердак?!

Я с сомнением посмотрела вверх. В поместье, разумеется, был чердак, но я понятия не имела, что там находится. И не была уверена, что хочу выяснять, хотя червячок любопытства все же сидел внутри и настойчиво требовал подняться и посмотреть.

Ожидая чего угодно — котла с бурлящим зельем, алтаря для ритуала, россыпи кроваво-красных свечей — я поднялась на самый верх. И поначалу не поверила своим глазам.

— Что это такое? Что ты...

Когда-нибудь я сойду с ума! Направляясь по дождливому темному лесу к дому я не успела хорошенько его рассмотреть, но клянусь, если бы там было огромное панорамное окно, я увидела бы его! Чердак был совершенно пуст, за исключением высокого мягкого стула, небольшого столика с вином и закусками и... мольберта.

На нем был настоящий холст, я осторожно коснулась матовой белоснежной поверхности пальцем. Сбоку от мольберта оказались прикреплены краски и палитра, а кисточки лежали сверху. В окне виднелся умопомрачительный закат со всеми оттенками красного. И я не видела его из окна своей комнаты или из окон поместья! Снова магия?

— Ты что, собираешься рисовать? — спросила, рассматривая Габриэла.

Он оделся очень похоже: в светлую рубашку, темные свободные брюки. Как и я, остался босым. А еще слегка улыбался, забавляясь моим удивлением.

— Нет, Теана. Ты будешь рисовать.

— Но я не умею.

— Я тебе покажу. Закат очень просто рисовать маслом, краски интересно смешиваются и ложатся на холст.

— Итак, ты — колдун, умеешь варить зелья, глава богатейшей семьи Чармерда, убежденный холостяк, да еще и умеешь рисовать?

— Я не умею рисовать. Просто знаю, как это делается. Любил смотреть, как Сибилла рисует. Хочу посмотреть, как рисуешь ты. Вот, возьми вина и сыра, перекуси немного. Ужин подадут в конце вечера.

— Зачем?! Я ничего не понимаю!

— Ты торопишься. Все поймешь. А пока... пусть будет так: я скучаю, вынужденный сидеть взаперти с женой моего племянника, которая парой слов может уничтожить все, что мне дорого. Поэтому я скрашиваю серые будни, как могу: ужинами с тобой. Разными, но неизменно интересными, ужинами. Подойдет тебе такое объяснение?

Я сделала несколько больших глотков холодного сладкого вина и с ужасом уставилась на мольберт. Я же никогда не рисовала, Звездолика! Если не считать занятий с детьми на работе, но это совершенно не то же самое, что рисовать маслом, на настоящем холсте.

Да еще и под взглядом Габриэла, ему на потеху.

— И еще, — совершенно серьезно добавил он, — я совсем не убежденный холостяк.

После этого я отчетливо ощутила, что щеки залил румянец. Чтобы скрыть смущение я поспешно потянулась к тарелке с сыром, неловко задела мольберт и, охнув, едва не упала на пол. Вино выплеснулось из бокала и оставило на рубашке Габриэла безобразные пятна. К его чести, лорд Гримвелл отнесся к этому совершенно спокойно и успел подхватить меня под локоть.

— О, Звездолика... извини!

— Когда ты нервничаешь, ты очаровательно неуклюжая. Тот букет, что ты забыла перед церемонией...

— Ты видел?! — ахнула я.

— Да, разумеется.

— И то, что я говорила с Харальдом Лотнером?

— И это тоже, Теана.

— Но почему ты не пресек? Он ведь не случайно оказался там, он охотится...

— Я не хочу говорить сейчас о Лотнере, — немного резко отрезал Габриэл, и я стушевалась.

Правда, после того, как он усадил меня на стул, его голос чуть смягчился:

— Сейчас не время говорить о нем. Не хочу портить вечер.

— Я испортила тебе рубашку. Начало положено.

— Рубашку? — как-то странно усмехнулся Габриэл. — Это всего лишь вещь.

А затем легко, будто его совсем ничего не смущало (а так оно, наверное, и было) сбросил рубашку и швырнул ее в дальний угол. Он явно наслаждался моим замешательством, игнорировал страх и с любопытством следил за реакцией, потягивая вино.

И, Звездоликая, он был действительно хорош! В одних свободных штанах, со слегка растрепавшимися темными волосами. Расслабленный, уверенный в себе, спокойный.

— Хочешь, чтобы я нарисовала тебя?

— Ты умеешь?

— Нет, поэтому и предлагаю. Мы с детьми иногда практикуем терапию красками. Когда они рисуют свои страхи или желания. Поэтому я могу нарисовать тебя в виде огромной кракозябры с кучей лапок и длинными зубами.

— Только зубами?

Я снова поспешила спрятаться в вине, но Габриэл вдруг в пару шагов преодолел расстояние между нами и забрал бокал.

— Не так быстро, Теана. Вино быстро бьет в голову, а впереди у нас еще ужин. Я совсем не хочу, чтобы ты напилась и уснула раньше времени. Это было тяжелый день, и мне очень нужен отдых.

— И чем же ты занимаешься здесь, вдали от города?

— Так... дела. Возьми кисточку, краски, и попробуй нарисовать закат. Это самое простое.

Я поняла, что бесполезно звать к жалости этого колдуна и просить объяснить, зачем все это нужно. Очутившись здесь, я воображала ужасные кровавые ритуалы, пугающие заклинания,

опасные зелья. А получила нечто не поддающееся никакой логике. Ужин, рисование, вино и сыр, почти обнаженный Габриэл Гримвелл, который сидит прямо на полу, пока я несмело набираю алую краску и провожу по холсту.

Что ж, в том, как масляные краски ложатся друг на друга, есть определенное очарование. Если не спешить, мягко и плавно, используя разные кисти, писать небо с его переходами от алого к нежно-розовому, штрихами обозначать контуры горизонта и лесной гряды вдалеке. Это довольно увлекательно, особенно для той, что несколько дней просидела взаперти практически без развлечений.

Только взгляд Габриэла не давал покоя. С него словно слетела маска цинизма, насмешки. В глазах появилась странная задумчивая грусть. Каждый раз, когда я на него смотрела, мне казалось, что он где-то не здесь. И впервые — по крайней мере так остро и ярко — мне захотелось узнать, о чем он думает.

Но я не решилась спросить. Даже когда он сам заметил мои взгляды:

— Что? О чем ты думаешь, Теана?

Я солгала:

— Что ты придумаешь в следующий раз. Ужин, рисование... как еще лорд желает развлечься в компании пленницы?

— Я люблю сюрпризы, — со смешком ответил Габриэл.

Подумав, добавил:

— Делать. Получать — как-то не очень. Разрешишь тебе помочь?

— Что? — Я подняла голову.

— Порисовать. Никогда не держал в руках кисть.

— Я могу отказаться?

— Да. Но если не откажешь, то я разрешу выбрать вопрос и честно на него отвечу.

— Любой?

— Не любой. Тот, на который захочу ответить. Но и это неплохо в нашей ситуации, так?

— А если ты захочешь ответить на какой-нибудь дурацкий вопрос?

— Давай поступим так. У меня есть три возможности отказаться отвечать, и на четвертый я отвечаю честно и без отговорок в любом

случае. Повторять вопросы нельзя, но, думаю, ты и так найдешь, что спросить.

С минуту помолчав, я вздохнула.

— Ну, хорошо. Но сначала ответ, а потом — рисование!

— И откуда в тебе порой берется эта дерзость? И не скажешь, что юная наивная гувернантка мечтала о свадьбе с принцем.

Я смерила его холодным взглядом, и Габриэл поднял руки, мол, сдаюсь! Неужели обязательно напоминать мне о Генри и свадьбе? Я до сих пор испытываю чувство стыда за то, что бросила его. Сначала думаю о том, что поступила с мужем слишком жестоко, молча сбежав, а потом вспоминаю все его слова на свадьбе, то, как он пришел в комнату пьяный, как я испугалась. И думаю, что, возможно Габриэл в чем-то прав, и нам с Генри было рано жениться.

— Вопрос, Теана. Я жду.

— Хорошо. Отвечай честно, как обещал. Зачем ты запер меня здесь?

— Следующий вопрос.

— Что случилось с теми девушками? Ты убил их?

— Следующий вопрос.

Я закусила губу. Если он сейчас не ответит, то на четвертый будет обязан, и тогда я спрошу, что он сделает, когда мое время здесь истечет. Только надо, чтобы он отказался отвечать и на этот раз. Если Габриэл не хочет говорить о прошлых жертвах, то, возможно...

— Что случилось с женихом Сибиллы?

Он вздохнул.

— А что она тебе сказала?

— Ты обещал ответить!

— Он сбежал.

— Сбежал? И это — честный ответ?

— Мы рассказали ему, что в нашей семье есть маги, и если он хочет жениться на Сибилле, то ему придется с этим мириться. Он не захотел мириться, они с Генри сцепились — тот вступился за сестру. Мне пришлось вмешаться и... м-м-м... нейтрализовать его при помощи колдовства. Когда Дэниел пришел в себя, я предложил ему крупную сумму за то, что он исчезнет из жизни Сибиллы. Очень крупную, Теана, такую, какая может обеспечить безбедную жизнь даже его детям. И он уехал.

— Но... — Я пыталась распознать в его словах ложь. — Сибилла сказала, что ты убил его. Что ей пришлось его хоронить, она даже место указала!

— Сибилла ненавидит меня. Она считает, что ей не дали шанса объяснить все самой, не дали поговорить с женихом. Она очень его любила, а он выбрал деньги. Поэтому она и наврала тебе о его смерти.

— Я...

— Не веришь мне? Думаешь, я убил жениха племянницы, закопал его в саду и заставил ее каждый день из окна смотреть на его могилу?

— Мне кажется, нечто подобное ты собирался сделать со мной.

— Но я сделал нечто иное, так? Это правда, Теана, мне незачем врать, ты и так знаешь обо мне достаточно, чтобы уничтожить. Но подумай вот о чем: в своих показаниях Харальду Лотнеру ты указала место захоронения Дэниела, так? Было бы глупо думать, что в моем доме в столице не прошли обыски. И, раз я все еще здесь, возможно ли, что Лотнер ничего не нашел? Или даже... нашел живого и невредимого Дэниела, который покрутил пальцем у виска в ответ на идею о том, что его закопали в саду, и получил за это хорошее вознаграждение?

Я закусила губу. Габриэл поднялся.

— Теперь я хочу порисовать с тобой. Ну-ка, покажи, что ты делаешь.

Я закрасила лишь половину неба, но на удивление была довольна результатом. Плавного перехода не получилось, но мазки ложились так фактурно, что хоть рисунок на холсте и отличался от заката в реальности, приобрел свое собственное очарование.

Кто-то скажет, что очарование детского рисунка, а мне было просто радостно заниматься чем-то приятным. Ненавязчивый тонкий запах красок мешался с запахом вина, сыра и фруктов. Медленно угасающий свет заката лился в огромное окно и... мне было плевать, создан пейзаж магией или это окно в какой-то иной мир. Глаз отдыхал на бескрайних просторах неба.

Габриэл взял чистую кисть и внимательно, даже слишком, принялся повторять все мои движения. С двух сторон мы рисовали закат у горизонта, там, где солнце было почти белым.

И кисти вдруг встретились.

Две краски — белая и желтая — смешались, оставили на солнце пятна.

Никто не хотел уступать холст другому, и мы пихались кисточками до тех пор, пока Габриэл не мазнул случайно мне по руке. Прикосновение теплой краски отозвалось приятной дрожью. Не оставшись в долгу, я оставила несколько мазков и на его руке, а Габриэл, хмыкнув, испачкал мне щеку и мазнул кистью по шее.

— Рубашку запачкаешь! — воскликнула я, уворачиваясь.

Но у него не было рубашки, и рельефный торс с идеально горячей кожей оказался лучшим холстом. Не скупясь на краску я оставила несколько масляных клякс на животе мужчины и вдруг поняла, что смеюсь. А еще что его ладонь скользит по моей спине, вдоль позвоночника и замирает там, где бьется сердце.

Это вино так бьет в голову или для меня уже его прикосновения — как зелье, лишаящее воли?

А потом случилось то, что я, наверное, не смогу забыть до конца жизни.

Когда часть тебя ждет соприкосновения губ, а другая одновременно с этим боится, что поцелуй и впрямь произойдет, обжигающее тепло, исходящее от его руки, проникающее внутрь — последнее, к чему ты готова.

Хрупкое душевное равновесие в одночасье рассыпалось на миллион острых осколков. Из легких будто выбили весь воздух, сердце и легкие обожгло, а по груди разлился страх. Не имеющий ничего общего со страхом перед Габриэлом, он словно не подчинялся мне.

На глаза навернулись слезы, и я отшатнулась. Мольберт, не устояв, опрокинулся навзничь, кисти и краски рассыпались по полу. Несколько красных капель попали мне на рубашку, напомнив кровь.

— Что ты сделал?! — Я даже не смогла справиться с голосом, сначала судорожно вдохнула, и только потом смогла хрипло произнести несколько слов.

Габриэл, кажется, и сам не ожидал такой реакции.

— Ничего плохого. Теана, послушай...

Но прикосновение магии вновь разбудило то, о чем я старалась не думать. Загнанные глубоко в подсознание воспоминания и страхи. Магия действовала на меня как гипноз, мгновенно возвращала в

темную потайную комнатку, в которую проникали лишь жуткие звуки ритуала.

Я не контролировала ни этот страх, ни пламя, что все еще жгло и сердце, и душу. И не контролировала себя. Бросаясь к лестнице, я думала лишь об одном: спрятаться, сбежать от силы, с которой невозможно бороться! Оказаться как можно дальше от человека, сделавшего что-то страшное и болезненное.

Из-за которого так больно дышать.

Запертая дверь давала лишь иллюзию безопасности, очень слабую. Габриэл мог играючи отшвырнуть ее в сторону, но...

... почему-то не стал.

Тяжело дыша, я прислонилась к двери и заплакала, впрочем, понятия не имея, почему. Сама не замечая, оставила несколько неглубоких царапин, сорвав пуговицы с рубашки. Огонь внутри жег нестерпимо, и от него нельзя было спрятаться, потому что он горел внутри.

Габриэл постучал.

— Теана, — сквозь пелену боли я услышала его голос, — послушай меня. Я не сделал тебе ничего плохого. Ты боишься меня, но ведь я обещал... позволь мне войти.

— Уходи, — с трудом сказала я. — Оставь меня, мне больно!

— Я могу успокоить боль. Она пройдет через несколько часов сама, но я могу сделать так, чтобы было легче... Теана, позволь мне тебе помочь.

— Помочь?! Что ты сделал?! Что со мной?

— Я не могу тебе сейчас сказать.

— Тогда убирайся! — крикнула я, вложив в голос последние силы. — Уходи, Габриэл, пожалуйста!

— Хорошо. Теана... не бойся ничего. В этом доме тебе не причинят вреда... хотя некоторые вещи могут сделать больно.

Его шаги стихли в недрах замка, а я, с трудом раздевшись, легла в постель. Хотелось скулить, но уже не от боли — она постепенно затихала, сменяясь адской усталостью. Теперь меня мучила обида. Как будто тот, кому я бесконечно доверяла, больно ударил в самый неожиданный момент.

Вот только я ведь не доверяла Габриэлу. Не доверяла, правда?

Глава седьмая

Боль утихла окончательно к утру, тогда же я и забылась. Поэтому неудивительно, что проспала до самого обеда. И проспала бы дольше — за окном стеной шел дождь. Его звук успокаивал и нашептывал «поспи еще немного... несколько минут... закрой глаза хоть ненадолго». Но я увидела на тумбочке цветы и проснулась — настолько не ожидала вдруг понять, что кто-то (кто же, интересно?) был в моей комнате.

Огромные пушистые красно-оранжевые пионы напоминали о вчерашнем закате.

— Как спалось? — раздалось сверху.

— Ты следишь за мной?

— Сегодня — да. Как ты себя чувствуешь?

Боль утихла, лишь едва ощутимая слабость напоминала о том, что случилось накануне. Хотя я понятия не имела, что там случилось. И не стала делиться впечатлениями с Габриэлом, вновь вспомнив иррациональный страх и ощущение, будто в грудь натолкали тлеющих углей.

— Зависит от того, что ты сделал.

— Принес тебе цветы и завтрак в надежде, что ты меня простишь.

— Я даже не знаю, за что я должна прощать тебя. Что случилось вчера?

— Не могу сказать, — вздохнул Габриэл.

Мне показалось, это получилось у него слегка виновато.

— Значит, я не голодна, а еще от пионов я чихаю.

— Правда?

— Нет.

Я была очень голодна, я съела бы сразу и завтрак, и обед, и вчерашний пропущенный ужин! От голода даже тошнило, и мне пришлось подняться. Чтобы дойти до ванной пришлось собрать все силы, и в кресло возле подноса с едой я опустилась едва живая.

— Я бы предложил тебе зелье своего авторства, но боюсь быть посланным в интересные места.

— Правильно. Я не прикоснусь ни к чему магическому.

Покосившись на окно, я добавила:

— По своей воле.

— Я действительно не сделал тебе ничего плохого.

— Тогда почему не можешь рассказать, что это было? Почему мне было больно и почему я так поганю чувствую себя сейчас?!

Габриэл долго молчал. Я с наслаждением уплетала овсяную кашу, запивала ее приятным чернично-травяным чаем и чувствовала, как с каждым глотком возвращаются силы.

— Расскажу чуть позже. Знаешь, Теана, я бы хотел...

— Что в чае?! — резко оборвала его я.

— Теана?

— Что в чае?! Так не бывает! Я чувствую, как уходит слабость, что ты мне подмешал?!

— Это всего лишь травяной сбор для восстановления.

— Ты лжешь. Я принимала травяные сборы, и они действуют не так.

— Хорошо, возможно, это наш семейный рецепт сбора...

— Габриэл!

В сердцах я бросила вилку, и она с грохотом покатилась по полу.

— И ты еще сожалеешь, что Сибилла ненавидит тебя?! Ты ведь не оставляешь никому выбора! Ты... ты знал о моем отношении к магии, клялся, что ничего не подсыпаешь мне в еду!

— Я клялся в этом позавчера. О сегодняшнем утре речи не было.

— Рада, что не ошиблась в тебе, — холодно произнесла я.

Аппетит пропал, хотя еще пару минут назад я предвкушала пышные оладьи с целой горой ягод, которые так и манили с подноса. А сейчас злилась. Габриэл меня обманул и, самое мерзкое: я не могу сказать, что его обман мне навредил. Хотя и странно было думать о магии в таком ключе.

— Вот что, — вдруг раздалось сверху, — мне это надоело. Одевайся!

— Прости?!

— Одевайся, я сказал.

— Во что?! Ты забрал мою одежду!

— Сейчас получишь одежду. Даю тебе две минуты, будь готова.

— К чему?

— Увидишь. Это не обсуждается, Теана. Одевайся, я жду тебя внизу.

Оставалось только удивляться тому, на что способна магия: я не слышала шагов или шороха, да и принести к моей двери одежду у Габриэла банально не хватило бы времени. Но когда я открыла дверь, то увидела уже знакомую коробку.

Внутри нашлись довольно скромные льняные рубашка и сарафан черного цвета. И — вот это да! — впервые прилагалась обувь. Аккуратные, неизменно черные, туфли-лодочки. Очень мягкие и удобные. Вот уж не думала, что таким наслаждением станет банальная прогулка в обуви!

Снедаемая одновременно и страхом и любопытством, я спустилась вниз, где обнаружила мрачного и недовольного Габриэла. Он явно не планировал встречу: рукава рубашки были небрежно закатаны, на одном виднелась неосторожная чернильная клякса. Обычно уложенные темные волосы слегка растрепались, а еще на руке виднелся свежий порез.

— Нож для бумаги, — зачем-то пояснил мужчина. — Я не устраивал кровопролитных ритуалов.

— Я не спрашивала.

— У тебя все написано на лице.

— Я боюсь магии, это преступление? Все боятся! Не просто ведь так... Габриэл! Куда ты меня тащишь?!

Он стальной хваткой вцепился в мое запястье и тащила куда-то в недра дома, через ту самую дверь в холле, за которой он скрылся в нашу первую встречу здесь. В нос первым делом ударил странный травяной запах, к нему примешивались приятные ягодные нотки и легкий оттенок табака. Вспыхнул камин, следом за ним и свечи. Открыв рот, я смотрела на...

На магическую лабораторию?

Весь центр большого зала занимал стол. Он был размером с четыре стандартных обеденных, и весь оказался заставлен банками, флаконами, шкатулками, мешочками и свертками. Несколько видавших виды котлов на железных подставках высились рядом со столом. В дальнем конце зала располагался алтарь, на который я старалась не смотреть. К счастью, здесь не было потеков крови или кроваво-

красных ритуальных свечей, поэтому подступившее было к горлу удушье постепенно отпустило.

— И зачем я здесь?

— Вставай.

Габриэл подтолкнул меня к котлу.

— Сейчас ты сварешь отвар по моему семейному рецепту. Сама. И будешь пить его.

— Я не...

— Теана, я не предлагаю, а приказываю. Ты будешь сама, своими очаровательными пальчиками, бросать в котел травы и специи из рецепта, следить за кипением и паром. И только посмей после этого сказать, что я травлю тебя. Все.

Он бросил на стол передо мной толстую книгу. Это получилось так громко и резко, что я вздрогнула. Габриэл сегодня был не в настроении и, кажется, всерьез на меня разозлился. Сильнее, чем за то, что я сдала их Лотнеру? Где логика?

— Приступай, Теана. Ты знаешь, как выглядит курчавая мята?

— Знаю, но...

— Да. Ты ненавидишь магию, тебе претит мысль о том, чтобы прикоснуться к чему-то магическому, ты презираешь колдунов и считаешь, что мы достойны виселицы, а еще тебе физически плохо, когда ты думаешь о том, чтобы выпить магическое зелье. Я все это уже слышал. Да, я ужасный злодей, который заставляет тебя варить настой, и я с этим соглашаюсь. Колдовство по принуждению, как и секс, не считается, поэтому приступай и начинай страдать, Теана.

Он с невозмутимым видом сделал незамысловатый пасс рукой — и на столе появилась миска с ягодами, к которым я так и не притронулась за завтраком. Каша уже переварилась, и я сглотнула слюну при виде спелой, налитой соком, клубники.

Габриэл мой взгляд заметил.

— Размечталась. Ты сама отказалась от завтрака, поэтому я все съем сам.

Он так аппетитно жевал, закидывая в рот целые огромные ягоды, что я чувствовала себя растерянной. Смеяться или пугаться? Габриэл чувствовал себя в магической лаборатории как дома, этим он

занимался всю жизнь. А я так давно ненавидела магию... что ощущала ненависть к самой себе за разыгравшееся любопытство.

Поняв, что Габриэл совсем не шутил, я взяла со стола рецепт и вчиталась. К собственному удивлению не нашла ровным счетом ничего жуткого: среди ингредиентов не было ни крови девственниц, ни сушеных жаб, а над котлом не требовалось произносить никаких заклинаний. Все странности заключались только в строгом соблюдении температуры (для чего рядом лежал небольшой спиртовой термометр), последовательности действий и... особых инструментах.

— Серебряный нож? Он какой-то особый?

— Серебро имеет множество полезных свойств, — туманно отозвался Габриэл, не без труда проглотив целую горсть ягод.

Берясь за пучок мяты, я с тоской подумала, что мне совсем ничего не достанется.

И все же в какой-то мере это оказалось успокаивающим занятием. Небольшим серебряным ножичком я мелко нарезала мяту, аромат которой разносился по комнате, тщательно взвешивала смородиновые листья. Разгоняя рукой густой пар, идущий от котла, сверялась с рецептом, задумчиво кусала губу, разбирая неровный витиеватый почерк. Так увлеклась, что не заметила, как Габриэл зашел мне за спину и вдруг коснулся пальцами макушки.

Моя рука замерла над котлом, а дыхание сбилось. Габриэл стоял так близко, что почти касался грудью моей спины. Его руки мягко, но уверенно, скользнули по волосам, помассировали кожу головы и... принялись заплетать мои волосы в тугую косу.

— Нельзя варить зелье с распущенными волосами, — он объяснял правила составления зелий, но делал это таким чарующим и бархатистым голосом, что я с трудом улавливала смысл слов, — это очень опасно, Теана. Ты можешь ненароком поджечь свои милые кудри. Или искупать их в каком-нибудь зелье. И ладно, если ты варишь лишь восстанавливающий отвар, но что если ты решишь приготовить что-то серьезнее?

Голос меня не слушался, звучал как-то слишком испуганно и тихо.

— Я не собираюсь варить что-то серьезное.

— Правда? Жаль, я надеялся, тебя это увлечет.

Кончик косы Габриэл обвязал небольшой красной лентой от мешочка с ромашкой.

— Нежнее. Ты должна сохранить в стеблях сок. Не дави на нож...

Его горячие ладони прошли по моим рукам от локтя до запястья, обхватили кисти и несильно сжали, перехватывая контроль. Невесомыми возвратно-поступательными движениями, которые ни с того ни с сего вдруг показались мне очень неприличными, он водил ножом по стеблю — и толстая кожица подалась.

— Видишь? Это просто. Добавь немного черники. Она придаст вкус.

Звездноликая... он всего лишь, продолжая вести мою руку своей, запустил пальцы в бочонок со спелой лесной черникой. Не боясь испачкаться или раздавить ягоды. Ладонь вошла в мягкие истекающие соком ягоды, зачерпнула целую пригоршню, а когда мы вытащили руки — с них стекали тоненькие струйки, очень похожие на кровь.

Не знаю, почему сердце так бухало в груди. Когда Габриэл отпустил мою руку, я судорожно разжала пальцы над котлом и взвизгнула — с громким хлопком зелье взметнулось вверх, оставляя на потолке, столе, полу и мне безобразные зелено-синие ошметки.

— Что... как...

Габриэл расхохотался.

— Теана, я ведь просил тебя читать рецепт! Что написано там?!

Пришлось очистить листок от растекшейся каши.

— Следует быть предельно осторожным: стебли гремучной калины не совместимы с любыми ягодными вытяжками, плодами, соком. Габриэл!

Он продолжал смеяться!

— Зачем ты испортил мое зелье?!

— О, так это уже зелье. Быстро вы, леди Гримвелл, переобушаетесь. Я бы даже сказал — в полете.

— Не уходи от разговора! Зачем?!

— Просто было интересно, насколько ты внимательна.

— Ты сказал, что черника добавит вкуса.

— О, и она добавила. Вкус веселья и твоего праведного гнева. Ты ужасно невнимательна, а еще тебя легко отвлечь.

Я густо покраснела, стерла со щеки брызги неудавшегося зелья, и испытала разочарование. От котла исходил потрясающий аромат — до того, как он окатил нас содержимым, естественно — и мне, пожалуй, хотелось бы выяснить, что получится в итоге. Я чувствовала такую

досаду, что не выдержала и бросила в Габриэла ошметок каши из трав и черники. Он, кажется, даже опешил, а я воспользовалась моментом и бросилась к выходу из лаборатории.

Да он ее даже не запер!

Только куда бежать в доме темного мага? К себе в комнату уже сбегала, это скучно. А вот сад... я бы все отдала, чтобы оказаться под чистым небом и вдохнуть свежий запах дождя!

И, к моему удивлению, входные двери так же легко открылись. В лицо ударил прохладный ветер, деревья гнулись от резких и сильных порывов. Дорожка, ведущая к дому, была залита водой. Из окна комнаты я не видела настоящую погоду в реальном мире, но сказала бы, что дождь шел уже несколько дней. Боже, мне ужасно повезло, что я не застала его в воиде, посреди старой дороги.

Хотя почему повезло? Габриэл явно не верил в удачу, он создавал свой мир сам.

Я удобно устроилась под козырьком, сев прямо на крыльцо. Задумчиво посмотрела на темно-зеленую листву, серое небо, блестящие от воды камни дорожки.

— Я думал, ты уже давно в лесу, несешься навстречу свободе, — раздалось из-за спины.

Не сразу. О, нет, Габриэл выждал добрых десять минут прежде, чем появиться на крыльце.

— Кто в здравом уме попытается сбежать в такую погоду? — Я пожала плечами.

Хотя на самом деле подумала «сбежать от тебя».

— Хотела подышать воздухом. Соскучилась.

— В твоей комнате всегда открыто окно. Ты можешь дышать воздухом в любое время.

— Это не то. Я хотела постоять на земле, почувствовать ветер, дождь. К тому же там совсем не реальный мир. Магия, колдовство. А здесь все иначе...

— Иначе, — как-то странно хмыкнул Габриэл. — Вот как. Ладно, идем.

— Габриэл, еще пять минут... пожалуйста!

— Идем, Теана. Ты погуляешь. Я обещаю. Надо только переодеться.

А вот теперь я заинтригована. Погуляю? В такой дождь? Неужели Габриэл найдет для меня дождевик и разрешит побродить по саду? Звездноликая, я готова простить все его прегрешения за короткую прогулку!

Но Габриэл, конечно, задумал нечто совершенно иное. И короткая прогулка стала самым ярким впечатлением моей жизни в поместье Фирвуд. А может и в жизни вообще.

* * *

— Даже не знаю, заинтригована я или напугана.

Габриэл крепче сжал мою руку.

— Я когда-нибудь причинял тебе вред?

— Да.

— Хорошо, согласен, неудачный вопрос. Но ты не можешь не признать, что за время пребывания здесь я... м-м-м... повел себя недолжным образом лишь однажды.

— Правда? — Я хмыкнула.

Мы спускались куда-то в подвал, по узким ступеням, выдолбленным прямо в камне. Спускались долго и глубоко, с каждой минутой страх во мне усиливался. То был иррациональный глубинный страх перед подземельями. Поместье было просто огромным, невероятно большим! И скрывало под собой, кажется, в два раза больше. Во всяком случае я строила разные догадки относительно того, куда ведет меня Габриэл, но понимала, что вряд ли даже приблизилась к ответу.

— Хочешь сказать, я был жесток или груб?

— Дай подумать. Ты устроил мне аварию в лесу — а ведь я могла пострадать или погибнуть, затем очень грубо запер в своем доме, угрожал оставить без еды, сделал что-то... непонятно-магическое, из-за чего мне было очень плохо, наврал о зелье в еде и, в конце концов, испортил мое зелье! Есть основания опасаться.

— Пожалуй, — не смог не согласиться Габриэл. — Но давай будем рассуждать логично. Осторожно, здесь сколота ступенька. Так вот, давай рассуждать логично: раз я испортил зелье, то должен

реабилитироваться. Довольно сложно реабилитироваться чем-то плохим.

— Это не логика, — я против воли улыбнулась. — Это манипуляция.

— Не стану спорить. Все, остановись вот здесь и жди меня.

В абсолютной темноте, чувствуя сырость и запах земли, я занервничала. Старые страхи всегда особенно обострялись в темноте. Отпускать руку Габриэла было ужасно страшно, я вцепилась в нее мертвой хваткой.

— Теана?

— Извини. Я боюсь темноты.

— Потерпи всего минуту. Мне нужно отпереть замок.

В совершенной тишине — если в мире и есть нечто совершенное, то эта тишина — вдруг прорезались странные будто бы знакомые звуки. Шорох или шелест... листьев? Нет. Может, ветра?

Глаза постепенно привыкали к темноте, хотя я различила только темные стены и решетку, отделяющую нас от... чего-то.

— Поместье такое большое. Я даже не знала, что под землей столько помещений.

— Оно принадлежало моей семье много веков. Предки позаботились, чтобы, в случае чего, было где спрятаться и как уйти.

Я подумала, что больше всего на свете хочу услышать историю его родителей, но в то же время понимала, что Габриэл вряд ли расскажет. Этот стопор на общей теме нас даже роднил. Только мои родители трагически погибли, а его? Что за история унесла жизни лорда и леди Гримвелл?

Раздался противный скрип. Ворота давно не открывали, а может, сырость и прохлада сделали свое дело. За массивной кованой решеткой обнаружилась дверь, и для нее у Габриэла уже были припасены ключи.

— Не ударься, — предупредил он. — Иди сюда.

Щелкнул замок, и дверь подалась усилию мужчины. Сначала я не поняла, где мы очутились, а потом ахнула, потому что дверь привела нас в большую пещеру, у края которой плескалась темная вода.

— Это...

— Море, которое видно из окна твоей спальни. Точнее, выход к нему из дома.

— Но как...

— Магия, Теана, всемогуща. Хотел бы я сказать, что создал это место сам. Но я, увы, лишь поддерживаю то, что досталось мне по наследству.

Ошеломленно я рассматривала высокий свод пещеры, плещущуюся у камней темную воду и свинцовые тучи над морем. Потрясающий и пугающий пейзаж! Несколько раз, не веря в то, что это происходит со мной, я оглянулась на дверцу в скале, но она никуда не делась.

— Ты сказала, что это место не реально. Все еще так думаешь? Чувствуешь брызги? Ветер? Неужели это все — иллюзия?

— Я... не знаю, что сказать.

— Зато я знаю.

Габриэл принялся быстро раздеваться. Я поспешно отвернулась, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Что ты делаешь?

— Не люблю купаться в одежде. Но ты можешь не раздеваться, если стесняешься. Хотя стесняться тебе нечего.

— Я не буду купаться!

— До чего ты капризна, Теана. Не буду есть, не буду варить зелье, не буду купаться. Неужели тебе не хочется окунуться? Сегодня здесь теплый денек.

Пришлось признаться:

— Я боюсь воды. И отвратительно, просто ужасно плаваю.

— А еще не доверяешь мне, да?

— Возможно. Не знаю.

Тяжело вздохнув, я села на камни.

— Дело не совсем в доверии. Доверять не значит сломя голову бросаться в самое пекло.

Вместо ответа он... нырнул. Просто взял и нырнул, подняв тучу брызг, а потом постепенно вода успокоилась. Даже рябь стихла, и воцарилась гнетущая тишина.

— Габриэл? — осторожно позвала я.

Никто не отозвался. Сколько ни вглядывалась в темную воду, не смогла увидеть ни силуэта, ни тени, ни единого движения.

— Габриэл! — в голосе прорезались панические нотки. — Габриэл!

Прошли еще несколько мучительно долгих минут прежде, чем он выплыл на поверхность. Смахнул с лица налипшие мокрые волосы и протянул руку.

— Давай. Здесь совсем не пекло. Очень свежая и чистая водичка.

Я покачала головой. Стало стыдно за страх, который появился, едва я подумала, что он не выплывет. Какая мне разница? Не выплывет — буду свободна! Дверь-то он оставил открытой.

— Ну же, Теана!

Я даже отступила на пару шагов, для верности. На мне была лишь длинная хлопковая рубашка, едва доходящая до колен. И я не собиралась ее снимать.

А Габриэл не собирался мне уступать, он лишь поманил рукой — и неведомая сила толкнула ему навстречу, в воду, показавшуюся ледяной в первое мгновение.

На секунду, самую страшную секунду, я с головой ушла под воду, а потом сильные руки вытащили меня на поверхность. Отплевываясь и фыркая, я от души рассмешила Габриэла.

— Ты ужасный человек!

— Согласен.

— Злодей!

— Даже не собираюсь спорить.

— Не смей смеяться, когда я в бешенстве! Зачем ты это сделал?

— Честно? Хотел посмотреть, как намокнет рубашка и начнет просвечивать грудь.

Захотелось зубами впиться в его плечо, и только здоровый инстинкт самосохранения не дал сделать это. Габриэл крепко держал меня, обхватив за талию. Не давал погрузиться в воду и умудрялся при этом как-то плыть. Мы стремительно отдалялись от пещеры. Сердце бешено стучало, и вряд ли лорд Гримвелл был настолько глух к моим эмоциям, что не ощущал этого. Ему просто нравилось меня пугать.

— Смотри, — он показал наверх, — дом. Отсюда он выглядит интереснее.

Но «интереснее» — не то слово. Он выглядел... как замок. Сказочный замок, которому не хватало дракона в небе и прекрасной принцессы на балконе. Словно сошедшее со страниц красочной книги, поместье Фирвуд произвело неизгладимое впечатление.

Бескрайнее море с низко нависшими тучами, готовыми вот-вот пролиться дождем — тоже.

— А если ты не сможешь вернуться на берег? И нас унесет в море?

— Тогда мы будем дрейфовать, собирая дождевую воду, пока не наткнемся на крошечный необитаемый островок. Я построю для нас шалаш и научусь ловить рыбу при помощи копья, потому что ты вряд ли станешь есть еду, добытую при помощи магии. Мы обустроим быт, нарожаем кучу детишек и будем рассказывать им легенды о большой земле, где по железным рельсам носятся большие машины, а за фокусы, которые не одобряет мама, но очень любит показывать папа, могут даже казнить.

— Да ты романтик. Мне показалось, тебе даже понравилась эта мысль.

— Возможно. — Габриэл пожал плечами. — Я рано стал старшим братом и отцом в одном флаконе. Не имел ни малейшего понятия, как заботиться о Дебре и воспитывать Генри с Сибиллой. Пожалуй, из-за страха я был с ними слишком строг, а еще пропустил кучу памятных моментов. Хотел быть строгим дядей.

— У тебя, кажется, получилось. Генри очень нервничал, представляя меня. Для него было важно, чтобы я понравилась тебе.

— Похоже, на такое «понравилась» он не рассчитывал, да? — усмехнувшись, Габриэл окинул меня взглядом, от которого в холодной воде стало жарко. — Ты и права и нет. Мне нравится мысль о том, чтобы исправить ошибки на собственных детях. Но пока с ними как-то не складывается, и в этом есть твоя неправота. Я не романтик. Поужинаем?

— Еще день.

— Это ты так думаешь. Здесь... не совсем линейное течение времени. Скоро зайдет солнце, будут видны звезды. А повар приготовил нам пирог и глинтвейн, чтобы согреться после купания. Давай, Теана, поужинаем и сыграем в нашу любимую игру с вопросами и ответами. Вдруг тебе повезет, и я выболтаю что-нибудь лишнее?

Он спрашивал только для вида, потому что я не могла выбрать иное и не плыть, например, к берегу. Меньше всего на свете мне

хотелось остаться одной в воде, да и желудок припоминал пропущенный завтрак.

— Надень мою рубашку, — бросил Габриэл.

— Но ты...

— Я часто плаваю. Привык. А тебе нужно сухое.

— А почему повар не положил и рубашку?

— Потому что повар — не модист. Одевайся, Теана. Я даже отвернусь.

Он и впрямь отвернулся к скале, давая мне чуточку свободы на переодевание. Удивительная галантность, я даже заподозрила где-то там зеркало. Но с наслаждением застегнула сухую рубашку и почувствовала приятное тепло. Словно Габриэл снял ее совсем недавно.

— Ты познакомишь меня с поваром?

— Зачем? — Он удивленно поднял голову.

В тени небольшого камня притаилась корзина для пикника, в которой нашлась фляга с глинтвейном и еще горячие кусочки сдобного пирога с курицей и сыром, от запаха которого у меня свело живот. Я жадно откусила сразу половину небольшого куска и стала самой себе напоминать хомяка, дорвавшегося до орехов.

— Хочу поблагодарить за чудесные блюда, скрашивающие мое заточение.

— Я передам. Ему будет приятно.

— Но я хотела бы сказать лично.

— Теана, хватит о прислуге.

Я рассмеялась и сделала большой глоток красного сладкого вина со специями и апельсином.

— Признайся, что здесь никого нет.

— С чего ты взяла?

Габриэл забрал у меня фляжку, чтобы глотнуть самому.

— Я не такая дурочка, какой кажусь. Если бы в доме была прислуга, я бы ее услышала или увидела. Все вещи у меня появляются по воле колдовства, а еще ты варишь зелья. И так легко управляешься с котлом, что мне подумалось — это ты готовишь ужины.

— Возможно. — Габриэл хмыкнул. — Хотя слышала бы тебя Сибилла — подняла бы на смех. Я — и готовлю!

— Ты обещал ответ на вопрос! — потребовала я, на этот раз твердо намеренная загнать его в угол.

— Хорошо. Спрашивай.

Зашла с козырей, зная, что Габриэл и не подумает ответить:

— Для чего я здесь?

Но, к моему удивлению, он задумчиво посмотрел вдаль, на горизонт, сделал еще один глоток и внимательно на меня посмотрел. Серые глаза казались продолжением одновременно и моря и неба. Как будто он сам был частью этого мира.

— А ты не поняла?

— Габриэл! Ты обещал ответить честно, а не вопросом.

Хотя уж лучше бы он пропустил этот раунд.

— Ты никогда не думала, что можешь быть беременна?

Я поежилась, вспомнив ощущение совершенной растерянности, охватившее меня в отеле. Почему-то Габриэл, заметив мурашки у меня на коже, помрачнел.

— Думала. Но не знала, что делать с этим и просто сделала вид, будто такое невозможно.

— Возможно, Теана. Еще как возможно. Через две недели я смогу определить точно.

— И что тогда?

Он смерил меня оценивающим взглядом, будто для себя решал, есть смысл ответить на вопрос или стоит напомнить, что договоренность была лишь на один ответ.

— Если ты не беременна, то сможешь уйти.

— А если беременна?

— Придется задержаться. Наследник Гримвеллов должен расти в семье. А затем ты также сможешь уйти.

— Что?! — Я вскочила. — Ты серьезно?! Бросить ребенка, просто взять и отдать его тебе?!

— Не просто. А за хорошие отступные.

— Габриэл, ты вообще себя слышишь?!

— А что тебя возмущает, Теана?

Он смотрел снизу вверх, и не думая вставать. Во мне кипела ярость от того, что он вот так запросто распорядился моим телом. И ребенком... которого, вероятно, вообще нет, но если есть — он же не игрушка!

— Мой ребенок будет обладать магической силой, которую ты ненавидишь. Ты не упускаешь случая мне об этом напомнить. Зачем он тебе? Чтобы отправить на виселицу, как я отправил родителей?

— Детей не казнят... — с трудом пробормотала я.

— Возможно. Но дети растут. Ты думаешь, магия испарится? Затянется, как пустяковая царапина? Хочешь ненавидеть ребенка за его сущность и наследственность? Жить в вечном аду, смотря на живое напоминание об опасной, жуткой, отвратительной тебе магии? Я думал, ты будешь рад, что я избавлю тебя от проблемы. В случае, если она возникнет. Что не так, Теана? Разве не ты говорила, что любой, кто обладает способностями к колдовству, должен быть казнен?

Я закусила губу. В следующий раз буду говорить поменьше, оказывается, это иногда полезно.

— Возможно. А что делают женщины, когда у них рождается ребенок с магической силой?

— А что они могут делать? — Габриэл пожал плечами. — Магическая сила — это не родинка и не клеймо, ее не видно сразу. Она может проявиться в любом возрасте. Садись, поешь еще, ты пропустила и завтрак и обед.

Я медленно села обратно и взяла предложенный кусок пирога с некоторым... недоверием. По большей части к себе самой, потому что вдруг поняла, что Габриэла интересно слушать. Он умел рассказывать, и даже несмотря на тему, которая все еще, даже спустя столько времени наедине с колдуном, вызывала дрожь, я ловила каждое слово.

Пытаясь убедить себя, что мне совсем не нравится общество Габриэла Гримвелла.

— Крайне редко сила проявляется у детей. В основном у тех, чьи родители знают о даре и целенаправленно его развивают. Моя сила проявилась, когда мне было восемь. А Генри опоздал и порадовал нас в одиннадцать. Чтобы пробудить силу существуют определенные... м-м-м...

— Ритуалы? — подсказала я.

— Я бы назвал их скорее упражнениями. Магия завязана на внутреннем мире человека. Чтобы ею пользоваться, нужно его раскрыть. Ну а у тех, кто не подозревает о спящей внутри силе магия просыпается в период полового созревания. Это очень сильные эмоции, мощный толчок в организме. Впрочем, бывает иначе...

Он сделал еще глоток и протянул фляжку мне. Я с удовольствием приняла, наслаждаясь и запахом и вкусом.

— Иногда, как правило из-за какого-то потрясения или травмы магия закрывается и не спешит проявляться. Если такому человеку не помочь, он очень быстро умрет в мучениях. Это все равно что не вскрыть нарыв. Заражение крови — и привет, зеленая травка на кладбище. Еще реже бывает, когда магия проявляется, а затем пропадает. Я знал одну девушку, у которой начисто пропала магия после изнасилования. Мы работали с ней очень долго.

— Ты ей помогал?

— Да. Вокруг нас и так слишком много желающих затянуть узел на шее. А тех, кто может помочь, мало.

Поняв, что наелась и больше в меня не влезет ни кусочка этого божественного пирога, я улеглась на камни.

Вокруг стремительно темнело. Должно быть, Габриэл был прав, когда говорил, что время здесь течет иначе. Темнота подкралась незаметно, вдруг за несколько минут погрузив все во мрак. И, к моему восторгу, тучи рассеялись, обнажив усыпанное звездами небо.

— Так красиво, — улыбнулась я.

— Да. Мое любимое время.

— Ладно. Допустим — только допустим — я рассмотрю вариант, что бывают хорошие колдуны. Но почему тогда о них никто не знает? Почему нет деления на светлую и темную магию?

— Потому что его нет. Смотри. Представь, что ты видишь на дороге маленького котенка. Он замерз, голодный, плачет и все такое. В общем, котенок привлек твое внимание. И ты можешь свернуть ему шею, а можешь отнести к звериному целителю и забрать домой. Что ты выберешь?

— Что за глупости? Я не убийца. Тем более безвинных котят. Ты взял этот пример из книжки «тысяча абсурдных аналогий»?

— Нет.

Габриэл улегся рядом.

— Просто это очень наглядно. У тебя есть руки и голова, Теана. И ты можешь решить: сомкнуть их на шее живого существа или протянуть ему еды. Или деньги, давай поговорим о деньгах. Представь, что у тебя много денег! Огромное количество. На что бы ты их потратила? Пофантазируй.

— Ну... — Я задумалась. — Купила бы себе небольшой домик с садом. Обновила гардероб, накупила красивых платьев. Собрала бы огромную библиотеку. А насколько много у меня денег?

— Ну, положим, как у меня.

— Тогда отремонтировала бы приют, в котором выросла и, возможно, учредила стипендию для талантливых ребят.

— И пожертвовала на борьбу с колдовством, — фыркнул Габриэл.

— Не издевайся. Наверное, я бы пожертвовала в какой-нибудь фонд помощи жертвам колдовства. Говорят, их очень много.

— Но ты никогда не получала от них помощи. В отличие от моей семьи.

— Да. Ты прав.

— Так вот, Теана, магия — те же деньги. И только от тебя зависит, как ты используешь ее. Будешь спасать котят и жертвовать в фонды, или превратишься в чудовище. Так же, как и деньги, магия развращает. Тебе доступны запредельные удовольствия. Власть, секс, измененное сознание. И некоторые... многие, на самом деле, сходят с ума.

— А ты почему не сошел?

— А кто сказал, что я не безумен?

Я только махнула рукой. Не хотелось сейчас играть в его игры. Над головой раскинулось усыпанное звездами-бриллиантами небо. Светлая туманность словно делила его на две части, два мира, внешне очень похожих, но все же разных. Хотя и одинаково реальных. Все вокруг: прохладные камни, брызги соленой воды, звезды, ветер, замок — все было настоящим. Удивительное ощущение!

— Почему ты отступил от плана? — спросила я. — И вместо того, чтобы просто отправить меня в лечебницу...

Хорошо, что мой румянец скрыла ночь. Габриэл пожал плечами.

— Я отвечу на твой вопрос, хоть и время для нового раунда нашей игры еще не подошло. Но кое-что попрошу взамен.

— И что же?

— Ты разрешишь себя поцеловать. Здесь. Сейчас.

Возможно, мне лишь показалось, но море с удвоенной силой принялось разбивать свои волны о скалы. Как будто ловило мои эмоции и подстраивалось под них. Или не мои: вполне возможно, и сердце Габриэла было не на месте.

— Извини. Если у меня есть выбор, я скажут «нет».

— Конечно. У тебя есть выбор.

Он не стал требовать объяснений, но я поняла, что должна что-то сказать.

— Я ведь замужем за Генри!

Получилась почти мольба, и мне стало стыдно. Одновременно и от жалобного голоса, и от мысли, что это чертовски несправедливо: хотеть поцеловать не того мужчину, которому сказала «да» у алтаря.

— Ты еще надеешься к нему вернуться?

— Нет. Это невозможно, я полагаю.

— Тогда почему это мешает тебе? Неужели формальная запись в метрической книге такое уж непреодолимое препятствие.

— Генри знает, что было между нами?

— Разумеется, нет.

— Тогда к чему эти вопросы? Мы оба знаем, что причиним Генри боль. Пусть он и отказался от меня, узнать, что его родной дядя спит с его женой... к тому же на его месте я испытывала бы злость. Ты заставил его выбирать между семьей и мной, а сам таким выбором не тяготишься.

На этот раз Габриэл долго молчал. Затем поднялся — море штормило с каждой минутой все сильнее. Я уже ежилась от холодных соленых брызг, поэтому с радостью поднялась.

— Идем, тебе надо поспать.

Мы вновь очутились в темноте подземелий замка. Здесь не стало ни на йоту уютнее, а еще где-то вдалеке словно капала вода. Кап-кап... странный звук, пробудивший внутри дрожь. Что с ним не так? Почему кажется, будто нечто подобное я уже слышала раньше?

Вернувшись в дом я поняла, что вылазка к морю дала мне сил. И одновременно их забрала — хотелось растянуться на постели и отрубиться. У дверей ванной, куда я направлялась, чтобы освежиться перед сном, Габриэл остановился.

— Спокойной ночи, Теана. Завтра все как обычно. Пришлю одежду, а вечером ужин — мой.

— А цветок? — вырвалось у меня.

Он рассмеялся.

— Какой ты хочешь?

— У тебя что, оранжерея?

— У меня магия.

— Хорошо.

Я задумалась. Что бы такое загадать?

— Лаванда! Хочу лаванду!

В руке Габриэла появилась небольшая корзина с охапкой свежей благоухающей лаванды. На крошечных цветочках еще блестели капельки росы. Я удивленно моргнула.

— Вот это да.

— Я заслужил твое одобрение?

— Подумаю, — хихикнула я. — Спокойной ночи, Габриэл.

Еще несколько неловких минут мы стояли, молча друг на друга смотря. А потом я очнулась — и спряталась за дверь ванной. Лаванда благоухала на все помещение, придавала горячему пару сказочность и летние оттенки. Я пристроила корзинку на тумбочке возле постели, рядом с другими цветами и, засыпая, подумала, что они совсем не вянут.

Это тоже магия?

Я уснула, едва голова коснулась подушки. Предвкушая крепкий и дарящий отдых сон. Но вместо этого оказалась в одном из тех кошмаров, которые только отнимают последние жизненные силы.

Поразительно, насколько сильной может быть иллюзия. Казалось, совсем недавно ты засыпала в мягкой прохладной постели, и вот уже вокруг темнота, а ты снова прячешься в потайной камерке за шкафом. И снова слышишь душераздирающие крики и певучие заклинания. И хоть разум понимает, что больше ты не маленькая беспомощная девушка, что стоит только захотеть — и твой кошмар обернется страшным сном для другого, эмоции все равно шкалят.

Чтобы не поддаться панике, я считаю секунды. Они неумолимо медленно утекают сквозь пальцы и растворяются в душной темноте.

Крики то стихают, то становятся нестерпимо громкими. Я стараюсь вести себя тихо, даже дышу через раз, но все равно слышу рядом со своим убежищем шаги. Что-то щелкает, скрипит, а потом в мою камерку льется кроваво-красный свет.

— Не-е-ет! — слышу я отчаянный голос мамы. — Теана! Теана-а-а!

Чьи-то морщинистые, неприятно пахнущие и ужасно ледяные руки вытаскивают меня на свет. Пахнет кровью и чадящими свечами.

От внезапного изменения в освещенности я жмурюсь, и слезы катятся из глаз не то от страха, не то с непривычки.

Последнее, что я помню — алтарь. Черный от запекшейся застарелой крови.

Потом снова наступила темнота. И лишь на крошечный мир сменилась картинкой.

«Кап. Кап-кап-кап».

С моей руки стекает кровь прямо в стеклянный сосуд. Не могу пошевелиться, картинка перед глазами плывет.

«Кап-кап». Пугающий звук надвигающейся смерти. Раньше я думала, что она придет романтично: с грозой, разверзнувшимися небесами и улыбающейся из своего небесного убежища Звездноликой.

А оказалось, смерть приходит с противным «кап-кап».

— Теана! Проснись!

Я почувствовала, как кто-то прижал к моим губам холодный стакан с водой, вцепилась в него до побелевших костяшек пальцев и сделала несколько жадных глотков.

— Это просто сон. Тебе приснился кошмар.

Дышать и говорить одновременно пока еще не получалось, так что я только беспомощно качала головой.

Это был не кошмар. Это было *воспоминание*.

- Она что-то сделала. Она меня нашла! А я все забыла... почему?

Я посмотрела на Габриэла. В темноте черты его лица казались мягче.

— Если бы она нашла тебя, ты бы сейчас здесь не сидела, — мягко ответил он. — Сны — это зелья из воспоминаний, страхов и фантазий. Те события отпечатались в твоём сознании.

— Этот был другой. Другой, понимаешь?! Я умею отличать сны с воспоминаниями от бреда.

— Хорошо. Что именно ты видела? Она тебя нашла?

— Да, вытасила из каморки, в которой я пряталась. Я увидела ее алтарь.

— Ты видела его своих... м-м-м... старых воспоминаниях? Он выглядел так же?

— Нет, — стушевалась я.

— То есть колдунья, убившая твоих родителей, сделала что-то с тобой, затем вернула в потайную комнатку и сменила алтарь?

— Да, это звучит как бред. Но Габриэл, я уверена, что это воспоминание! Клянусь!

— Я верю, Теана. Но ты должна понимать, что воспоминания во снах могут быть перемешаны. И если колдунья тебя нашла и ты видела ее алтарь, то чей алтарь тогда нашли законники?

— Не знаю. Может, она была не одна? Может... может, с алтарем что-то случилось?

— Теана, алтарь — это просто камень с начертанными символами магии. Что с ним может случиться? Это не воид, за малейшую царапину на котором некоторые готовы убить.

— Тогда не знаю.

— Но ты уверена, что в доме было два алтаря?

— Я ни в чем не уверена!

Чувствуя себя загнанной в ловушку, я сползла с подушки и накрылась одеялом.

— Еще я видела кровь, которая стекает во флакон. Может, колдунья использовала для чего-то мою кровь?

— На тебе были раны, когда тебя нашли?

— Нет.

— Злая колдунья-целительница? Да тебе не нужны книги, ты и сама можешь их писать.

— Не издевайся, — хныкнула я.

— Прости. Просто обдумай все еще раз. С холодной головой.

Мне почудился и в его голосе, и в словах какой-то намек. Неуловимый, почти прозрачный, но за который я уцепилась со всей хваткой, на которую была способна.

— Если тебе есть, что сказать, то говори! Габриэл, это не тот случай, когда можно играть в воспитание и обучение. Я сойду с ума, если снова буду вспоминать все в мельчайших деталях! У меня ушли годы, чтобы похоронить большую их часть.

— Хорошо. Возможно, это был алтарь твоих родителей.

— Что?! — Я мгновенно взвилась с места.

Села на постели, не заметив, что волосы растрепались, а рубашка задралась, слишком обнажив ноги.

— Теана, тише. Если ты права, и это воспоминания, то алтарь, который нашли законники, принадлежал твоим родителям.

— Нет!

— Подумай сама. Почему колдунья вдруг напала на обычную семью?!

— Потому что им нужны жертвы для кровавых ритуалов...

— Да, но такие? С риском попасться? В доме, где кто-то может услышать? Теана, твои родители спрятали тебя. Застигнутые врасплох умирают семьями там, где за секунду до вторжения колдуна мирно обедали. Они не успевают спрятать ребенка в загодя заготовленную комнату.

Он говорил быстро, четко проговаривая слова, словно боялся не успеть. И правильно: я чувствовала подступающую истерику. Обжигающую ярость граничащую с желанием причинить боль человеку, который обвинял моих родителей в колдовстве.

— Чаще всего такие убийства — результат разборок магов за сферы влияния, за какие-то артефакты или магические зелья. Подумай, я тебя прошу! В вашем доме чудом оказалась комната для ребенка, родители спрятали тебя, ты помнишь два алтаря! Твои родители были магами.

— Замолчи! — рявкнула я. — Ты не смеешь обвинять их!

— Я не обвиняю, Теана! Ты ведь уже видела магию, которая не причиняет вреда. Скажи мне, я похож на злодея?! А Генри?! Сибилла? Мы все такие же, как и ты, только обладающие одним талантом больше. Такие же, как были твои родители.

— Уходи.

— Теана...

— Уходи, дай мне подумать одной!

— Не делай глупостей.

— Я не собираюсь убегать от тебя вплавь. У меня болит голова.

— Принести зелье?

— Нет.

— Прости. Я хотел, чтобы ты дошла до этой мысли сама. Возможно, мои попытки подтолкнуть тебя к ней навели сны...

— Габриэл, пожалуйста, уйди! — глухо простонала я.

Дверь за ним закрылась. В темной комнате было неудобно, темно и тихо. Я потеряла глаза, смахнула с ресниц слезы и подошла к зеркалу.

Правда была в том, что я почти ничего не помнила из счастливой жизни с родителями. Уверенность в их безгрешности и доброте была

уверенностью безоговорочно любящего и бесконечно оплакивающего их ребенка. Но если Габриэл был прав?

Я часто думала, что каморка за шкафом оказалась чудесным путем к спасению, но никогда не задавалась вопросом, откуда она там появилась. Было удобно думать, что там хранили зимнюю обувь или какие-то еще редко пригождающиеся вещи. Но если мама и папа были магами и знали, что за ними могут прийти?

А если они обладали магией, то могу обладать и я?

За последние дни привычный мир несколько раз переворачивался и, кажется, от этих переворотов у меня закружилась голова. Габриэл не мог быть прав, не мог парой фраз разрушить остовы моего мировоззрения, но червячок сомнения настойчиво точил изнутри. Сколько я ни вглядывалась в собственное отражение, из зеркала смотрела все та же Теана. Не превращалась в монстра, не чувствовала внутри зов кровавых ритуалов.

— Мама-мама, — вздохнула я. — Чего еще я не знаю о вас с папой?

Поняв, что больше не могу, голова раскалывается еще сильнее, я вернулась в постель. Но не уснула. Вряд ли я вообще смогу уснуть в ближайшие сутки. Закрывать глаза, сделать вид, что я перестала думать о родителях и том, что сказал Габриэл — тысячу раз пожалуйста, но отдохнуть по-настоящему получится нескоро.

Неужели это и есть цель моего пребывания здесь? Габриэл заподозрил, что родители были магами и решил, что получится убедить меня не свидетельствовать против Гримвеллов?

Что ж, у него получилось. Я не собираюсь больше помогать законникам их поймать, я вообще понятия не имею, что буду делать и как дальше жить.

В абсолютной темной тишине вдруг раздался какой-то звук. Я вздрогнула, ощутив неприятный страх. Показалось, словно кто-то... или что-то совсем рядом поскреблось по металлической решетке. Но звук не повторился, и я легко убедила себя, что мне послышалось.

И уже когда все же начала проваливаться в поверхностный тревожный сон, снова его услышала. Только отчетливее. Звук не стих, когда я открыла глаза, а к скрежету добавилось еще кое-что.

Хриплое тяжелое дыхание.

Я резко села на постели. Наверху, из едва заметной вентиляционной решетки, лезло нечто. С огромными желтыми глазами, полными кровавой жажды, оно вытянуло неестественно длинные руки, уцепившись ими за стены, и с трудом, но лезло наружу. В мою комнату!

Я завизжала. С этим порывом сложно было справиться, инстинктивная реакция от накатившего ужаса.

— Габриэл!

Он не отзывался. Впервые за много дней Габриэл молчал, и я вдруг подумала: а если ЭТО — он? Если какой-нибудь ритуал дал неожиданный результат или Габриэл ошибался в своей теории про безопасную хорошую магию, и за силу нужно платить вот так — сущностью, душой, человечностью?!

У существа был ужасающий взгляд. Желтые глаза с вертикальными зрачками смотрели осмысленно, разумно. Оно прекрасно понимало, куда стремится. Не сводило с меня взгляда, как хищник не сводит взгляд с жертвы, чтобы та не успела сбежать.

— Габриэл! — снова позвала я.

Тварь подняла голову и хищно ощерилась. Сердце зашло в истерику.

А потом то, что так отчаянно лезло ко мне в комнату, сделало последний рывок. Мощный прыжок через всю комнату. Оно издавало противный жуткий стрекот, словно огромное плотоядное насекомое. Отшатнувшись, я инстинктивно закрыла голову руками и почувствовала тепло, окутавшее тело.

Звуки стихли. Ничего не происходило.

Осторожно выглянув, я не увидела ровным счетом ничего — только плотную густую тьму, наполненную крошечными тепло-золотыми огоньками. Они в хаотичном порядке, неспешно и размеренно, плавали в пространстве вокруг меня. Когда я протянула руку и, не до конца понимая, что делаю, коснулась указательным пальцем одного из огоньков, тьма рассеялась.

И я с высоты грохнулась прямо на... котел?!

С каким грохотом он покатился по полу! Чудом не зашиб меня, раздавил кучу склянок и флакончиков, оставил на каменном полу безобразные вмятины, укатился куда-то к алтарю и врезался в него, чудом не сломав.

Я лежала, приходя в себя.

— Теана?!

Дверь резко открылась, явив Габриэла. Хм... голого Габриэла. Сначала я во все глаза на него уставилась, потом покраснела и поспешно отвернулась. Что за привычка спать голым?!

— Я не спал. — Он словно прочел мои мысли. — Отправился поплавать и услышал грохот. Что ты здесь делаешь?

— Я... я...

А и правда, хороший вопрос.

— Я не знаю. Я... упала.

— Это я вижу.

Он подал мне руку и помог подняться. Я все еще старалась не смотреть никуда ниже лица, как будто в сложившейся ситуации это имело значение!

— Откуда ты упала и, главное, как ты туда залезла?

— Не знаю! В моей комнате была какая-то тварь. Очень жуткая, лезла из вентиляции. Она прыгнула на меня, я испугалась и оказалась здесь. Я уронила твой котел и кучу флаконов. Извини.

Габриэл быстро осмотрел разрушения. От разноцветных луж там, куда попадали баночки, уже распространялся дымок, и мужчина поспешно взял меня за руку.

— Идем отсюда, пока ты не надышалась чем-нибудь. Ты хочешь сказать, что просто испугалась и оказалась здесь?

— Да, — с обреченным вздохом ответила я. — Как по...

— По колдовству?

— Возможно. Я не утверждаю, что это сделала я, просто...

— Теана, — перебил Габриэл, — давай разберемся с тем, чего ты испугалась. Как он выглядел?

Я в подробностях — хотелось, чтобы и Габриэл проникся ужасом ситуации — описала тварь, что лезла из вентиляции в комнату.

— Странно, — нахмурился он.

— Ты знаешь, кто это?

— Я... догадываюсь.

У него сделалось такое выражение лица, что мне снова стало дурно. Или это потому что я неведомо как очутилась в лаборатории?

— Ну?! — не выдержала я, когда молчание уже стало затягиваться.

— Если я расскажу, ты снова испугаешься и перестанешь мне верить.

— А так я, конечно, не испугаюсь и сделаю вид, будто ничего не произошло! Габриэл!

— Ну, хорошо. Не все маги из моего рода были... гм... безобидными. Некоторые действительно практиковали ужасные ритуалы, чтобы обрести могущество. Когда ты встаешь на этот путь, путь кровавой магии, ты начинаешь нуждаться в поддержке извне. В чужой жизненной силе, потому что твоя медленно утекает сквозь пальцы. И многие богатые маги держали в своих поместьях людей, медленно выкачивая из них энергию. Люди превращались в таких монстров, как ты описала. Но мой дед всех уничтожил, едва получил наследство. И заложил залы, в которых держали жертв. Значит, один уцелел... Теана, не смотри так на меня!

— То есть по дому все это время ползал какой-то монстр, который пару сотен лет назад был человеком?! Я спала, ты плавал, отлучался — а он ползал по вентиляции?! Смотрел на меня, пока я сплю?! Подбирался ближе?

Габриэл вдруг осторожно меня обнял, явно предчувствуя надвигающуюся истерику.

— Мне повезло, что твой дар проявился именно сейчас и именно так. Ты могла погибнуть.

— Мы не знаем, что это мой дар.

— Монстры не обладают такой магией. Ты перенеслась, потому что сильно испугалась. Твой дар тебя защитил.

— Ты не можешь утверждать!

Но он покачал головой.

— Могу, Теана. Твоя сила приняла интересную форму. Знаешь, я всегда мечтал перемещаться по щелчку пальцев. Столько бы встреч удалось начать вовремя! Я бы, наверное, даже успел жениться...

— Ты опоздал на свадьбу?

— Да, у Генри как раз проявилась сила, и я не успел к алтарю. Впрочем, оно и к лучшему. Главное, что ты, наконец, приблизилась к пониманию себя.

Нет, я приблизилась к головной боли и ощущению нереальности происходящего. Это как если бы человек всю жизнь считал белое белым, а ему вдруг сказали, что оно черное. Я, ненавидящая магию

всей душой, настучавшая на Гримвеллов законникам, обладаю даром?! Мне что, теперь настучать и на себя?

Я живо представила лицо Харальда Лотнера, если вдруг приду и скажу «Знаете, я очень испугалась, когда на меня прыгнула столетняя тварь, и переместилась из спальни колдуна, который меня похитил, в его лабораторию. И даже уронила котел. Вот».

Да меня упекут в психушку! И будут совершенно правы, потому что это безумие.

— Монстра надо поймать и уничтожить, — вздохнул Габриэл. — Сейчас я отведу тебя к себе, только там пока безопасно. Затем отправлюсь обследовать дом. Еще раз вскрою все забитые ходы и комнаты, чтобы убедиться, что мы не пропустили ничего враждебного.

— Стой! — потребовала я.

Для верности топнула ногой. Но босой это получилось не так уж впечатляюще.

— Во-первых, я не останусь одна в комнате, я пойду с тобой!

— Теана, они опасны.

— Я справлюсь. Возьму какое-нибудь оружие. Во-вторых, ответь мне на вопрос! Тогда, на чердаке, что ты сделал? Что-то магическое. Это из-за тебя я смогла переместиться? Ты наделил меня какой-то способностью?

Терпеливо, как маленькому ребенку, в сотый раз спрашивающему одно и то же, Габриэл пояснил:

— Нет, Теана. Нельзя наделить магией человека, в крови которого нет силы. Это в тебе, в твоей природе. А я лишь помог силе пробудиться. Стой! Прежде, чем ты дашь мне пощечину и снова убежишь к себе, дай объяснить. Когда твоих родных убили, что-то в тебе надломилось, и магия закрылась. Запертая в теле человека сила может натворить немало бед. Помнишь свечи, которые вдруг погасли за ужином в нашу первую встречу? Так я понял, что в тебе есть скрытый дар. Мне пришлось намеком напомнить присутствующим, чтобы никто не зажег свечи магией. Я подумал: а что, если ты тоже колдунья? Только из-за травмы в прошлом потерявшая силу? Как видишь, я оказался прав.

Я осторожно высвободилась из объятий, намекая, что не стану психовать и вырываться, но и больше не могу находиться к нему так

близко. Габриэл ведь голый! Он же не пойдет на охоту на тварь без одежды?

— Магия могла убить тебя. Она кипела внутри, жаждала вырваться на свободу, но ты ей не позволяла, слишком сильно боялась. И тогда я немного помог... это как вскрыть нарыв. Очень больно в момент первой надсечки, а потом — облегчение и долгие дни выздоровления. Кажется, сегодня ты выздоровела окончательно.

Он улыбнулся и взял мою руку. Немного театральный и чересчур торжественный жест.

— Добро пожаловать в мир магии, Теана Гримвелл.

В темноте за его спиной зажглись огромные желтые глаза.

Я отреагировала привычным образом: заорала так, что у самой заложило уши. Получилось даже комично: в первые секунды Габриэл было решил, что это моя реакция на обнаружившийся дар. Потом, правда, быстро сообразил, на ЧТО я могу смотреть за его спиной, оттолкнул меня за кресло и повернулся к изготовившейся прыгать твари.

Я впервые видела мага, использующего силу для борьбы. Зрелище впечатляло. Даже не знаю, что больше: голый Габриэл, в несколько движений уложивший тварь, или сгустки ярко-зеленого пламени, срывавшиеся с его рук. Они охватили тело монстра, осветили гостиную зеленоватым светом и взорвались, вместе с собой развеяв и тварь. В воздухе пахло дымом и почему-то вербеной — должно быть, просочились запахи из лаборатории.

Мы осмотрели весь дом. Методично, раз за разом, все комнаты, даже самые крошечные и запертые.

— Зал для танцев не отреставрировали, — пояснил Габриэл, когда я поразилась запустению красивого зала с потертым, местами провалившимся, паркетом и большими окнами. — Мы давно уже не ездим в Фирвуд. Оно остается в семье как память.

Габриэл, к слову, уже оделся. Да и я сменила ночную рубашку на любезно выданный хозяином дорожный костюм. Во избежание других спонтанных перемещений я старалась не пугаться и максимально сдержанно реагировать на все звуки, что издавал старый колдовской дом.

Но когда мы спустились в подвалы, решимость быть хладнокровной куда-то резко испарилась.

— Боишься? — улыбнулся Габриэл.

— Не могу сказать, что здесь очень уютно.

— Дай руку, — попросил он.

Я подумала, что это для того, чтобы двигаться во тьме, но, едва пальцы Габриэла переплелись с моими, я почувствовала странное тепло в районе солнечного сплетения. Очень похожее на испытанное во время вечера с рисованием, но не такое пугающее и болезненное. Пожалуй, даже приятное.

От наших соединенных рук зародился крошечный теплый огонек. Неторопливо, с каждой секундой набирая яркость, он взмыл в воздух, осветив длинные коридоры. Пролетел под потолком, спустился в самые темные углы.

— Это ты, — сказал Габриэл. — Твоя магия. Теперь она свободна, и я могу направлять ее. Могу показать, чему ты можешь научиться.

Я поежилась. От обилия новой информации кружилась голова.

— Мне надо обдумать все это. Не знаю, что сказать.

— Зато я знаю. Ведь в твоём воспоминании ведьма схватила тебя. Как тогда ты очутилась в камерке, где тебя нашли законники?

— Габриэл... пожалуйста, не сегодня. Я ужасно устала.

Мы возвращались из подвала, не найдя там ровным счетом ничего. Похоже, он был прав, и тварей в доме не осталось, но что-то никак не давало мне покоя. Все было слишком просто. Проблема исчезла, а вопросы остались. Почему тварь ждала так долго? Почему ее так легко оказалось убить? Я не стала задавать эти вопросы, боясь, что мне не понравится ответ, но наказала себе непременно поговорить с ним утром.

— Сегодня ты ляжешь в моей спальне, — сказал Габриэл. — На всякий случай. В ней такая сильная остаточная магия, что не сунется ни одна нечисть. А я переночую у тебя. Понаблюдаю, так сказать.

С любопытством я осматривала его комнату. Хотя Гримвеллы ведь не жили здесь, поэтому спальня Габриэла осталась почти такой же необжитой, как и другие. Разница была лишь в том, что стол здесь оказался завален бумагами, книгами и письмами. А шкаф был полон рубашек.

— Возьми, — он протянул мне одну из них. — Ложись. Постарайся поспать, обо всем подумаешь завтра.

Легко сказать! Пальцы все еще покалывали от прикосновения магии. Будто не давали забыть о том, что мир вдруг стал совершенно не таким, каким я его представляла. Что Я стала совершенно другой.

— Зачем эти свидания? — спросила я. — Что в них особенного?

— Я ведь говорил, — Габриэл улыбнулся.

Полумрак делал его черты мягче. Я невольно залюбовалась им. Но поспешила отвернуться, чтобы переодеться.

— Магия завязана на внутреннем мире человека. Чтобы его раскрыть, нужны эмоции, какие-то занятия. Вкусный ужин, искусство, природа — подойдет все, что раскрывает те или иные стороны человека.

— Значит, теперь все закончится?

Звездноликая! Клянусь, я не хотела говорить это с разочарованием в голосе, но... но я действительно чувствовала сожаление, что больше не придется нервничать перед тем, как открыть коробку с очередным нарядом и гадать, чем мы займемся в этот раз.

— Размечталась, — усмехнулся Габриэл. — Магия ведь не дубина. Чтобы не навредить себе и другим, ты должна научиться ею управлять. Да и лишать себя удовольствия не в моих правилах. Завтра мы вновь встретимся за ужином.

Он дождался, пока я заберусь в кровать, и направился к выходу.

— Не уходи, — вырвалось у меня.

При мысли о том, чтобы остаться одной в темной комнате, прямо напротив зияющей чернотой вентиляционной решетки, меня бросало в дрожь.

Впрочем, при мысли, что Габриэл останется — тоже. Но это была совсем, совсем другая дрожь, должна я сказать.

Глава восьмая

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Мне страшно оставаться одной. Ты можешь подождать, пока я усну?

Его взгляд смягчился, и уже через несколько секунд кровать прогнулась под весом Габриэла, а я ощутила приятное тепло. Почти касаясь носом его плеча, я неподвижно лежала и никак не могла уснуть. Зачем я попросила его остаться лишь до того момента, как усну? Теперь мне не давала покоя мысль, что, едва Габриэл уйдет, какая-нибудь тварь снова проникнет в комнату.

— А те девушки тоже были... обладали магией?

— Да.

— Что с ними стало? Они умерли?

— Некоторые.

— А остальные?

— Уехали в Эйнгорию. Магию удалось пробудить, и они отправились в безопасное место. Относительно безопасное, конечно.

Мне хотелось спросить, ожидает ли та же участь меня, но я не решилась, отчасти боясь самой себе признаться в том, что ответ принесет разочарование. Вместо этого я задала еще более неловкий вопрос:

— Ты с ними спал?

Так вот какова на вкус ревность. Раньше я думала, что ревновала Генри, ведь вокруг него всегда крутились шикарные девушки из высших кругов. Но те слабые всполохи эмоций не шли ни в какое сравнение с той горечью, что я почувствовала сейчас.

— Только с теми, кто этого хотел.

— Тогда почему о вас писали в этом ключе? Ты появлялся с ними перед прессой.

— Во многих случаях не так-то просто войти в доверие к молодой девушке. Многие из них ненавидели магию яростнее тебя. Приходилось их очаровывать. Поверь, тех, кто с готовностью откликнулся на предложение о помощи без всяких брачных игр, было куда больше.

— Я многого не понимаю, да?

Габриэл рассмеялся. Не издевательски, скорее как-то даже счастливо.

— Да, Теана. Ты многого не понимаешь.

— Ты мне объяснишь?

— Со временем. Поспи.

— Не могу, — призналась я. — Сказала тебе уйти, как усну, и теперь боюсь засыпать, хотя от усталости уже чувствую тошноту.

Габриэл повернулся на бок, ко мне лицом. Поднял медленно руку и запустил пальцы в мои волосы, мягкими движениями поглаживая кожу. На миг оторопев от неожиданной ласки, я невольно придвинулась ближе, чувствуя, как кровь в венах закипает.

— Я уйду только когда рассветет. Темные твари боятся солнечного света. Ты можешь смело спать.

— А если я проверю, а тебя в комнате не будет?

— Тогда я буду должен тебе желание.

— Заманчиво, — я улыбнулась.

— И что ты загадаешь?

— Не знаю. Мороженое. Или еще один вечер под звездами у моря. Или... не знаю. Не могу придумать желание, достойное такого предательства. Габриэл...

— Да? — бархатистым голосом спросил он.

— Прекрати это делать.

— Что?

Пальцы прошли по шее.

— Я так не усну.

— Это тебе кажется.

Я и впрямь чувствовала, как глаза закрываются. Изо всех сил старалась удержаться на поверхности сознания, но проваливалась в густую тьму.

— А вот я совершенно точно не усну, — последнее, что я услышала.

Открыв глаза, я поняла две вещи. Первая — мне не посчастливилось получить свое желание, Габриэл не ушел ночью и даже первые лучи рассвета пропустил, уснув в постели со мной. Вторая — я лежала у него на плече, по-хозяйски обняв ногой.

Его рука лежала у меня на талии. Теплая и тяжелая. В окно лился свет, шум волн здесь слышался чуть отдаленнее, чем в моей комнате, но зато в это утро над морем разносились крики чаек.

Губы пересохли, жажда стала нестерпимой, и я решилась высвободиться. Едва дыша сняла руку Габриэла, выскользнула из постели и бесшумно подошла к столу. Я не хотела всматриваться в его бумаги, бросила лишь один взгляд, но зацепилась за собственное имя и не удержалась. Он писал обо мне? Что? Письмо? Оно было для меня или обо мне?

Несколько секунд я колебалась. Габриэл определенно разозлится, если узнает, что я рылась в его бумагах. И я не стану их читать. Лишь выясню, что это за текст с моим именем, а потом вернусь в постель и просплю еще несколько часов.

— Теана?

Я подскочила, едва не расплескав воду.

— Что ты там делаешь?

— Ничего. Хотела пить. Принести тебе воды?

— Буду благодарен. Как спалось?

— Хорошо, спасибо.

— Ты выспалась и готова учиться?

— Чему учиться?

— Магии, Теана. Магии. Мы ведь, кажется, определились с дальнейшим курсом. Честно говоря, я надеюсь, что мне больше нет нужды запираить тебя, потому что на все это тратится столько времени и энергии. Которую можно пустить в другое русло.

— Мне стоит извиниться, да? За то, что я сделала. Я натравила на вас Лотнера. Вы могли пострадать, я просто...

— Думала, что я — серийный убийца девушек, — с улыбкой закончил Габриэл. — Приму твои извинения в виде завтрака, который ты приготовишь, пока я принимаю душ и осматриваю дом еще раз.

— Завтрак?

— Завтрак, — совершенно серьезно подтвердил этот... маг.

Маг. Странно, что меня этот факт больше не пугает.

— И что ты хочешь на завтрак? — спросила я.

Показалось, Габриэл ответит «тебя», на секунду я даже поверила, будто уже услышала ответ и залилась краской. Но потом реальность снова отвоевала свои права.

— Я бы убил за бекон и омлет без корочек.

Кто бы мог подумать, что Габриэл может быть таким. Он пришел в кухню, когда я только осмотрелась и нашла нужные продукты. Это оказалось не таким уж простым делом: казалось, здесь была тысяча ящичков, шкафчиков и коробок! Настоящий рай для гурмана, большинство продуктов я не то что не пробовала, даже не видела в скромной гувернантской жизни.

— Что это ты так улыбаешься? — спросил Габриэл, усаживаясь за стол.

Серая рубашка на нем была небрежно распахнута, а волосы блестели от влаги. Удивительно домашний и оттого слегка пугающий облик.

— Окончательно убедилась в том, что ты наврал про чувствительного к комплиентам повара.

— Ничего я не наврал, — он сделал вид, что обиделся. — Повар есть? Есть. Комплименты любит? Любит. Я не называл его имени.

— Выкрутился, — хмыкнула я.

— А еще он очень любит кофе.

— Это намек?

— Пожалуй. Ты ведь решила извиняться. Мне нравится такое извинение. Люблю, когда мне готовят завтрак.

— Можно подумать, дома ты был кухаркой!

— Нет, но прислуга — это не то. К тому же у нее омлет с корочками.

Я скептически на него посмотрела. Из кофейника по кухне разносился умопомрачительный аромат. Я налила кофе в две чашки и в свою добавила немного сливок, а вот Габриэл пил чистый черный. Разумеется. Я вообще думала, он в него еще и коньяк добавляет.

— Ты любишь омлет без корочек и твоя прислуга не умеет его готовить?

— Она старается. И Элла — хорошая кухарка. Но она каждый раз переводит по десятку яиц, а потом очень переживает, так что я почти не заказываю омлет. И готовлю его сам. Скажи, что ты умеешь делать его без корочек!

— Пусть будет сюрприз.

Аппетитно зашкворчал бекон, подрумянились ломтики хлеба. Я сосредоточенно мешала взбитые с молоком яйца. Проклятые корочки

стали навязчивой идеей, и я очень понимала кухарку, которая впадала в расстройство, если что-то не получалось. Зато не понимала себя. Почему-то очень важно было приготовить этот завтрак не хуже, чем Габриэл готовил ужины.

— И какие еще таланты у тебя есть? Ты любишь готовить, отлично плаваешь, разбираешься в магии, в истории, спасаешь несчастных талантливых девушек, управляешь семейными деньгами.

— Хорош в постели.

— С чужими женами?

Я прикусила язык, испугавшись, что ляпнула лишнего, но Габриэл только рассмеялся.

— Следи за омлетом, Теана.

Я разложила омлет в две миски. Для Габриэла целую гору и пару ложек для себя. Придирчиво осмотрела светло-желтые горячие комочки, но не нашла ни единой корочки. Омлет получился рассыпчатым, нежным, без капли масла, с крошечными кусочками тертого сыра.

— Великолепно!

Он или придуривался, или и вправду это было его любимое блюдо, потому что Габриэл даже жевал с закрытыми от удовольствия глазами. Что ж, запасной повар в этом поместье тоже оказался падок на комплименты.

— Так что мы будем сегодня делать?

— Пойдем в лес и будем практиковаться в твоей магии. Надо выяснить, какие у тебя есть способности.

— Они бывают разные?

Габриэл кивнул.

— Есть некий общий дар, который наделяет твои зелья и заклинания силой. Но есть и более узкие таланты. Ты переместилась в пространстве, когда испугалась. Я думаю, что точно так же ты спаслась от ведьмы — переместилась в безопасное место, свою каморку.

— Но почему она не нашла меня снова?

— Вот поэтому я и хочу выяснить, какой у тебя дар.

— Думаешь, я могла ей навредить? — Омлет комом встал в горле. — И обладаю какой-то опасной силой?

— Теана. — со вздохом сказал Габриэл, — вот этой крошечной серебряной вилкой ты можешь как отправить кусочек омлета в свой очаровательный ротик, так и воткнуть ее мне в глаз. Но, хочется верить, тебе больше нравится омлет. Понимаешь, о чем я?

— Да. Что магия — инструмент, которым можно пользоваться по-разному.

— Вот видишь, ты умная девочка. Сложно винить тебя за опасный дар, если ты использовала его для защиты. Не бойся, мы с ним разберемся.

— Хорошо.

Некоторое время мы молча ели. Казалось преступлением отрывать Габриэла от омлета. Он словно неделю голодал! Доел все, что оставалось в сковородке, выпил сразу три чашки крепкого кофе и выглядел абсолютно довольным жизнью.

— Раз уж мы... м-м-м... достигли определенного компромисса, могу я задавать вопросы без твоей игры?

— А мне нравилось играть.

Похоже, утолив голод, Габриэл Гримвелл обратил внимание на другие инстинкты.

— О чем ты хочешь спросить?

— О Харальде Лотнере. Он расследует пропажу девушек, я знаю, уверен, что ты их убил или что-то такое, но... он сказал, что по твоей вине погибла его жена и пропала дочь. Почему он так думает?

Атмосфера уютного романтического утра пропала. И, словно по заказу, солнце зашло за тучи — в кухне стало темно. Я поежилась, показалось, будто в дом ворвался холодный ветер.

— Вероятно, потому что это отчасти правда.

Габриэл замолчал, а я ждала, уже догадываясь, что его правда разительно отличается от той, что могу выдумать я.

— Харальд Лотнер — маг. Был им... я пытался ему помочь. Пятнадцать лет назад он отчасти напоминал тебя. Идеальный, ненавидящий магию. И она дремала внутри него, грозясь убить. Я пытался наладить с ним общение, но Харальд подозревал мою семью еще когда был курсантом. И отказался даже говорить со мной. Тогда я пошел к его жене.

Габриэл вздохнул.

— Колдуну очень опасно быть рядом с чармердской стражей. Мало кто знает, что корона иногда использует магов, чтобы отслеживать нас. И Харальд мог лишиться всего. Его жена оказалась умнее, она любила мужа. И я был уверен, что она его убедит. Мы условились на один вечер, к этому моменту она обещала поговорить с Харальдом.

— Но ничего не вышло?

— Да. Он разозлился, а я немного опоздал. Магия Лотнера вышла из-под контроля и убила его жену. Он настолько сильно не хотел верить в то, что сделал это сам, что обвинил меня. Решил, что это моя сила убила Хелену. А потом я ушел. У него не осталось доказательств, я могу купить любое алиби. Он возненавидел меня и с тех пор ищет способ отправить на виселицу.

— А его дочь?

Габриэл покачал головой.

— Я не знаю, Теана. Не знаю, что с ней стало. Она была совсем малышкой. Возможно, его магия убила и ее, возможно, он не хочет верить в то, что дочь мертва. Не знаю, прости. Это одна из моих величайших ошибок. Разрушенная семья и колдун, принесший много смертей.

— Ты поэтому спасаешь девушек?

Мне хотелось взять его за руку, в голосе Габриэла впервые появилась несвойственная ему глухая тоска.

— Отчасти. И потому что они не заслужили смерти. Ты не заслужила. По крайней мере, теперь.

Я не решилась его коснуться и, чтобы скрыть потрясение, которое испытала от его рассказа, начала убирать со стола.

Хоть что-то из того, что я знаю, правда? Каждый факт, который я не подвергала сомнению, Габриэл вывернул наизнанку.

Станный день. Станный вечер. И не менее странная ночь.

После завтрака Габриэл отправился работать — так он сказал. Я принимала ванну, то и дело опасливо косясь на вентиляционные решетки, потом долго укладывала волосы и размышляла. Об открывшейся магии, истории Харальда и родителях. Если Габриэл был прав, я спаслась от колдуньи при помощи своей силы. Выходит, что той ночью в доме вообще не было обычных людей! Я всегда считала

случившееся зверством магии, а на самом деле это были всего лишь колдовские разборки.

Потом был обед в одиночестве, и на этот раз я подавила неприятие магических книг и открыла одну из тех, что были в моей комнате. Кажется, Габриэла это удивило. По крайней мере, он как-то странно хмыкнул, зайдя ко мне ближе к вечеру.

— Идем? — Я поднялась из кресла, помня, что мы должны были пойти в лес и потренироваться.

Габриэл, к моему удивлению, покачал головой.

— Давай отложим на завтра, хорошо? Тебе нужно отдохнуть.

— Все в порядке?

Мне показалось, он словно был не здесь. Погружен в невеселые мысли или поглощен делами.

— Все в порядке. Отступим от традиционных свиданий. Поспи, а завтра попробуем придумать что-то с твоей магией.

Нет, не все было в порядке, потому что такой резкий переход от утра с омлетом без корочек к абсолютному равнодушию и перенесенным планам не может быть ни с того, ни с сего. Интересно, это как-то связано с документами, которые я увидела на его столе? Там ведь было мое имя. Я знала, что Габриэл не прекращает работать даже находясь в изоляции со мной, но что же, Звездоликая его порази, там было обо мне?

Я еще немного почитала, а потом поняла, что действительно хочу спать. Ночь выдалась нелегкая, удалось поспать всего несколько часов. С наслаждением, не забыв подышать свежим морским воздухом, я переоделась в сорочку и забралась под одеяло. Удивительно, как незаметно каждый день, словно по колдовству (а так оно и было) менялось белье. Это особое наслаждение: каждый вечер ложиться на хрустящие от чистоты белоснежные простыни.

Поймав себя на мысли, что некоторые проявления магии мне очень даже нравятся, тяжело вздохнула. Рушить мировоззрение непросто. Когда годами ненавидишь что-то так сильно, как только способна, вдруг осознать, что ненависть была ложной, непросто. Я то и дело прислушивалась к ощущениям внутри себя. Как проявляется магия? Что во мне изменилось?

Вдруг подумалось, что не хватает рядом Габриэла. Спать рядом с ним было сладко и спокойно. Я нахмурилась: мысль была насквозь

порочной. Нельзя, нельзя думать о нем в таком ключе! Это предательство... впрочем, нет. За предательство я давно ответила, а Генри предал меня первым. И хоть это совсем не означает, что я имею право бросаться в постель его дяди, мне стоит поменьше ругать себя за неправильные мысли. В конце концов жизнь слишком коротка, чтобы долго раздумывать о том, как прожить ее правильно.

На этой оптимистичной мысли я уснула.

Проснулась от противного едкого запаха дыма.

Я резко села в постели, перепугавшись до полусмерти! Совершенно некстати в памяти всплыли слова Габриэла о том, что я могу покинуть комнату только в случае пожара. Он уже не запер дверь, но я все равно испугалась, я видела, сколько бед может натворить огонь.

Но потом, когда флер сонливости растворился в ночной темноте, я поняла, что ощущаю не совсем дым. Скорее... табак? Сигарету? Да, это определенно был табак. Терпкий, горький, тяжелый — такие сигары курили некоторые отцы детей в саду, где я работала. Иногда сигареты были баснословно дорогие, иногда преступно дешевые, но противный запах въелся в память и даже вытащил из сна.

— Габриэл? — позвала я.

Никто не откликнулся, и я выскользнула из постели. Что-то произошло, что-то изменило его планы, а теперь еще и этот запах... Он становился сильнее у лестницы, вел меня вниз, на первый этаж. В холле никого не было, дверь казалась надежно запертой, и я заглянула в коридор, что вел к лаборатории. На самом деле я не ждала увидеть там Габриэла, поэтому вздрогнула и оцепенела.

Он не видел меня, сидел на полу у стены и курил. Я впервые видела его таким. Почти физически ощутила тоску, заполнившую все пространство темного коридора. Мне показалось в темноте, что его рука с зажатой сигарой слегка дрожит. Едва заметный отблеск факела где-то под потолком чертил на красивом лице мужчины черные тени. А взгляд... Габриэл не смотрел на меня, но даже то, что удавалось заметить, поражало. Он смотрел так, словно только что пережил нечто страшное. Мое сердце испуганно забилося. Что-то с Генри? С Сибиллой? Кем-то из Гримвеллов? Только опасность для семьи может выбить из колеи такого, как Габриэл.

Мне бы уйти. Оставить его наедине с внутренними демонами и болью, бесшумно проскользнуть в свою комнату и остаться там до утра, сделав вид, будто жизнь течет своим чередом. Но она не текла. Она изменилась — окончательно и безвозвратно. Поэтому, собравшись с духом, я негромко позвала:

— Габриэл?

Он поднял голову. Из легких словно выбили весь воздух. На секунду показалось, будто на его ресницах блеснули слезы. Но, сделав шаг вперед, я поняла, что это была лишь игра воображения.

— Ты в порядке?

— Почему ты не спишь?

— Меня разбудил запах табака.

Он посмотрел на сигару так, словно впервые ее видел.

— Прости. Тебе не нравится запах? Я не думал, что почувствуешь.

— Что происходит? Ты весь день сам не свой. Это связано со мной? Я сделала что-то не так?

— Нет, Теана, — голос звучал ровно, хрипло и устало, — находясь здесь, я потерял счет времени. И забыл, что значит сегодняшняя дата. А сейчас понял, и накрыло. Прости, я уберу сигару, открой окно, запах быстро уйдет.

— А какая сегодня дата?

Он молчал так долго, что я почти уверилась: не ответит. Не захочет пускать меня так близко, и будет совершенно прав, ведь я чуть не упекла его за решетку.

— Годовщина смерти родителей. Их казнили сегодня, больше двадцати лет назад. На городской площади.

Меньше всего я ожидала такой ответ. С Габриэлом, невозмутимым, уверенным в себе, циничным и жестким, никак не ассоциировалась глухая тоска по близким. Мне казалось, он вообще не испытывает боль, просто не умеет. Несгибаемый и холодный, заперший все чувства под замок, если они вообще были.

А сейчас передо мной сидел уставший мальчишка. Пусть давно выросший, превратившийся в главу магического рода и завидного холостяка, но в душе все еще парень, оставшийся сиротой с младшими братьями и сестрами на руках.

Я все же коснулась его руки, не удержалась. Несколько секунд Габриэл смотрел на переплетенные пальцы с легким удивлением, будто не ожидал такого жеста. Потом чуть сжал.

— Расскажешь, что произошло? — тихо спросила я.

— Ты ведь знаешь. Я написал донос. Их казнили.

— Все, что я знала и в чем была уверена, ты перевернул с ног на голову. Харальд Лотнер оказался не спасителем и благодетелем, а одержимым мстью колдуном, родители — не невинными жертвами, а магами, а сама магия не абсолютным злом, а противоречивым и многогранным даром. Мне кажется, в истории твоих родителей тоже все не так просто.

Но даже если бы он ничего не рассказал, я бы все равно не ушла. Пусть он тысячу раз злодей, я почему-то не могу сопротивляться притяжению. Как только я делаю шаг назад, неведомая сила толкает все ближе и ближе.

— Их застали за колдовством. Один человек... он бы сдал их, это был вопрос времени.

Каждое слово давалось ему будто с трудом. Мне казалось, сейчас я услышу то, что сделала из Габриэла Гримвелла того, кем он является, как нападение колдуньи сделало из меня ярую противницу магии.

— Началось бы расследование. И тогда казнили бы и меня, как взрослого члена семьи, а младших отправили в приют до получения документов и одна Звездноликая знает, какая судьба бы их ждала. Поэтому отец придумал план.

Я уже догадалась, что это был за план, и перестала дышать.

— Я должен был пойти к законникам и сдать родителей. Изобразить готовность сотрудничать, сказать, что мы ужасно их боимся и попросить защитить меня и детей. Тогда нас бы взяли под опеку как жертв колдовства, а не как пособников. И я пошел и написал донос.

— Они заставили тебя смотреть?

— Да, подобных Харальду Лотнеру среди законников много. Не все поверили в страх и почтение к правосудию во мне. Пытались вывести на эмоции, поймать на лжи, внимательно следили за каждым шагом. Поэтому я был на казни.

Что бы я ни сказала, это бы прозвучало глупо и наиграно, поэтому я молча смотрела в серую стену. Долгое время я лелеяла свою

трагедию, заботливо обвешивала ее кружавчиками, считая, что нет существа несчастнее меня на всем свете. Но правда в том, что потерять родителей от рук убийцы это совсем не то, что толкнуть их на эшафот самому. И после столько лет с этим жить. Мучился ли Габриэл вопросом «можно ли как-то было их спасти?».

— Почему они не уехали? Не сбежали? Ты мог сдать их, а они могли скрыться...

Я закусила губу, запоздало поняв, что прошлась по больной мозоли.

— Считали, что так надежнее. Нас могли использовать, чтобы выманить их, поэтому проще было...

Он не закончил, с шумом сглотнул и снова затянулся сигарой. Потом будто вспомнил, что я рядом и дым мне не по душе, затушил ее о пол — и выбросил куда-то в темноту, не заботясь о порядке.

— Ты многим пожертвовал ради близких. Я бы многое отдала, чтобы меня кто-то любил так же сильно.

— Теперь ты понимаешь, почему тебя нельзя было оставить в покое?

Набрав в грудь воздуха, на едином выдохе, я выпалила:

— Я не хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Глава девятая

Прошла долгая минута прежде, чем Габриэл оторвал взгляд от соединенных рук и хрипло ответил:

— Ты не знаешь, на что себя обрекаешь.

— Думаешь? Я, жена твоего племянника? Не знаю, на что себя обрекаю, сидя с тобой в замкнутом помещении?

Габриэл расхохотался, и у меня внутри словно разжались тиски. Я понятия не имела, что нужно говорить и делать, когда человека рядом с тобой мучают такие воспоминания. Я всю жизнь ждала понимания и сочувствия от других, но совершенно не знала, как их испытывать самой.

— Иди сюда, — вдруг резко перестав смеяться, произнес он.

Испугавшись взгляда потемневших глаз, я облизнула пересохшие губы. Низ живота скрутило в болезненном, но почему-то приятном, спазме. И губы мужчины вдруг оказались очень близко, опалили дыханием мои.

— Секс тоже отлично пробуждает магию, — пробормотал Габриэл, подушечками пальцев будто изучая мое лицо.

— Не боишься, что испугавшись, я исчезну куда-нибудь...

— Давай проверим, смогу ли я тебя удержать?

Губы встретились, и я оказалась в его руках. Снова. Все с тем же непередаваемым трепетом, не работающей головой и растекающимся по венам жаром. Только сейчас не было зелья, на которое все можно свалить. Не было никакой магии, срывающей с моих губ короткие стоны, когда поцелуи перешли на шею и ключицу, обжигая чувствительную кожу.

Никакой магии, кроме той, что была с Габриэлом всегда. Я чувствовала ее с нашей самой первой встречи, только сначала приняла за страх, а теперь... даже не знаю, что я чувствую к этому магу. Точно не то, что должна.

— Габриэл... — выдохнула я, когда он увлек меня за собой, прямо на пол, не отрываясь от дурманящих ласк. — Не здесь же!

— Этой мой дом! — глухо рыкнул он. — Где хочу, там и лежу!

— Мне больно! — прибегла к последнему аргументу.

Хотя я и уперлась коленками в каменный пол, было не так уж и больно, но не хотелось заниматься любовью в темном коридоре. Еще сильны были воспоминания о твари с желтыми глазами.

— Пожалуйста... — тихо попросила я, склонившись к уху мужчины.

Потом поддалась порыву и осторожно лизнула его шею.

Руки у меня на талии напряглись, сжали сильнее.

— У тебя в комнате безопасно.

— Со мной везде безопасно. Единственный кто может навредить тебе — это я сам, Теана.

— Пока же не навредил.

Ответом мне стал тяжелый вздох, и снова появилось чувство, что до полной откровенности нам еще далеко. Я тут же отругала себя: ну зачем, зачем думать об откровенности сейчас, когда сердце бьется с такой силой, что уже готово выпрыгнуть из груди?

У меня не хватило бы сил снова спорить, но Габриэл, к счастью, поднялся. Плохо помню, как мы дошли до комнаты, сознание будто включилось когда обнаженной спины коснулось прохладное покрывало постели. И дверь с негромким щелчком отрезала нас от реальности со всеми ее монстрами, магами и трагедиями.

* * *

— Мы сильно плохо поступили, да?

— Теана, у тебя закрываются глаза. Почему ты не спишь?

Потому что у меня слишком много мыслей, потому что я до сих пор не могу поверить в то, что лежу в постели Габриэла и никуда не собираюсь сбегать. Потому что в теле приятная усталость, а на щеках румянец. Я не готова к тому, что произошло, не готова к тому, что Габриэл хочет и умеет. Но все дело в том, что он не спрашивал, а я не захотела останавливаться.

— Почему мы поступили плохо?

— Генри. Я его жена.

Он долго молчал, я даже подумала, что разговор на этом окончен, потому что о чем здесь можно говорить? Мы поступили плохо. Точка. Я изменила человеку, которого поклялась любить, а Габриэл увел жену

у племянника. Если отбросить в сторону историю с колдовством, то все именно так. Но можно ли ее отбросить?

— Развод — дело пары часов, — наконец сказал он. — С моими ресурсами он не отнимет много сил. А Генри совершил ошибку. И, кажется, не собирался за тебя сражаться.

— Наверное, я слишком много об этом думаю.

Со вздохом я повернулась на другой бок. Спина немного ныла, а за окном уже занимался рассвет. Звездоликая, вся ночь пролетела так незаметно!

— Дело не в разводе. Просто... если бы я узнала то, что узнала здесь, чуть раньше, то расставания с Генри ведь не случилось бы. И мне страшно подумать, что...

— Что? — Габриэл усмехнулся. — Что нас бы друг к другу тянуло? И мы мучились, живя в одном доме, а потом непременно бы переспали, предали Генри и оказались отвергнуты обществом? Уехали на необитаемый остров и...

— Да, да, я помню, выращивали бананы и детей. Да, о чем-то таком я и думала.

— А поехали, — вдруг сказал Габриэл.

Я даже подняла голову, чтобы заглянуть ему в лицо и понять, серьезно он это, или продолжает шутить.

— Сбежим куда-нибудь. Возьмем новые имена, придумаем легенду. В Эйнгории с колдовством все проще, там нам, конечно, придется скрываться, но хотя бы можно будет не бояться, что нас казнят, если поймают. Смертная казнь назначается лишь тем, кто практикует кровавые ритуалы.

— Тогда почему ты не перевезешь туда всю семью?

— Это их решение. В Чармерде мы — богатейшая семья, а там будем мигрантами без подданства, к тому же придется отдать больше половины состояния в качестве налога. Дебра и остальные члены семьи не хотят лишаться достатка из-за пары-тройки колдунов.

— Это эгоистично. Вы ведь рискуете и их жизнями тоже!

— Вот поэтому и предлагаю сбежать. Пусть сами разбираются, в конце концов, Генри уже большой мальчик, достойный встать во главе Гримвеллов.

Я скептически хмыкнула — вспомнила, как большой мальчик напился в вечер свадьбы и пришел в комнату едва стоя на ногах.

— Мы не можем.

— Назови минимум три причины, почему.

Вряд ли Габриэл действительно не понимал, почему мы не можем все бросить, сменить имена и уехать на край света. На секунду меня даже захватила эта мысль: я очень живо представила небольшой магический особняк, на заднем дворе которого настоящий тропический пляж, а в башенке уютная крошечная библиотека.

— Хорошо. Три причины, первая из которых: семью не создают с первой встречной девушкой.

— Ты уверена, что у меня первая? Да ты самоуверенная барышня, Теана Гримвелл.

Я не удержалась и царапнула его по животу.

— Ты понимаешь, о чем я. Мы провели вместе две ночи.

— И больше недели свиданий. Не совсем добровольных, но...

— Но это не то, что должно стать фундаментом семьи.

— Хорошо, принимается. Вторая причина?

— Лотнер. Ты не можешь бросить семью ему на растерзание. Генри неопытен, Сибилла полыхает от ненависти и обиды. Они могут пострадать, а Харальд терпеливо ждет, когда ты перестанешь их защищать.

— Возможно, ты права. Нельзя бросать их. Ну а третья причина?

С легкой неохотой я призналась:

— Не придумала. Надеюсь, ты согласишься с первыми двумя.

— Ты абсолютно бездарно блефуешь. Надо будет запомнить и не подпускать тебя к азартным играм.

Невольно я задумалась: а что будет, когда отведенные недели истекнут? Теперь, когда я знаю чуть больше, чем хотела в самом начале. Вот так просто соберу чемоданы и уеду в Эйнгорию?

— Теана, — позвал Габриэл, — о чем ты думаешь?

— Обо всем сразу. Ты перевернул мои представления о мире.

— А знаешь, что еще я переверну?

— М-м-м?

Одним движением (и когда он только успевал тренироваться и поддерживать форму?) Габриэл поднял меня на постели, усадив к себе на колени, спиной. И медленно, дразнящими, но в то же время уверенными движениями принялся массировать позвоночник.

— Тебя. Чтобы провести остаток ночи с пользой.

Получилось захватить еще и утро, первые тусклые лучи дневного света. Тогда мысли о будущем начисто выветрились из головы. Да и вообще любые мысли, потому что мир замкнулся на Габриэле. Это было неправильно, ночи с ним — последнее, чем стоило наслаждаться. Но впервые за много лет я получала удовольствие даже от того, что меня кто-то касался. Много и чувственно касался каждого сантиметра пылающей кожи.

Возможно, это оказалось слишком для девушки, чей опыт сводился к неловким ласкам в ожидании волшебной жизни после свадьбы. Потому что мне так и не удалось уснуть. Я долго смотрела на Габриэла, любуясь чертами лица, расслабленного во сне. Как и в первую нашу ночь, смотрела на него, стараясь даже не дышать, чтобы не потревожить. Только сейчас не собиралась сбегать.

Когда солнце окрасило небо в розовые оттенки, я осторожно высвободилась из объятий и подошла к столу, где в пузатом графине была чистая вода. После доброй сотни поцелуев губы пересохли. С наслаждением, глядя в окно, где сад казался просто сказочным, я не спеша потягивала воду. А когда уже поставила было стакан обратно на поднос, заметила небольшую красную папку.

Она была самой обычной, одной из тех, в которых хранятся документы: важные и не очень. Мне бы и в голову не пришло заглянуть в нее, но... я вспомнила украдкой прочитанное собственное имя и рассмотрела на торчащем кусочке “..нн Гримвелл”.

В семье Габриэла не было никого с именем, оканчивающемся на “нн”. Только я?

Не давая себе шанса передумать и разозлиться на саму себя за наглое вторжение в чужие документы, я открыла папку и вчиталась. Поначалу буквы хоть и складывались в знакомые слова, никак не хотели обретать смысл. Я просто не верила в то, что читаю, и уже не думала о приличиях и порядочности. Даже если бы к моему горлу прижали меч, я бы не сумела остановиться.

“Завещание.

Я, Габриэл Джеймс Гримвелл, подданный королевства Чармерд, в случае моей смерти по естественным или насильственным причинам, а также в случае ареста сроком до десяти лет и дольше, настоящим завещаю:

— Шестьдесят процентов состояния, имения Харренс-холл, Дайн-холл, Гримвелл-холл и Ликвуд-холл, фамильные драгоценности, а также обязанности опеки, управления и сохранения семейного достояния моему племяннику, подданному королевства Чармерд, Генри Клайду Гримвеллу.

— Пять процентов состояния, резиденцию в Шеривелле, именные драгоценности принцессы Рианы, а также обязанности по курированию благотворительного фонда “Хайхарт”, моей племяннице Сибилле Николь Гримвелл”.

Дальше шли Дебра, получившая примерно такой же, как и Сибилла, набор. Несколько двоюродных братьев Габриэла, троюродный племянник. Затем осязательные суммы (я и не подозревала, насколько Гримвеллы богаты) оказались завещаны многочисленным дальним родственникам, а потом родная кровь закончилась и в самом конце страницы я прочла свое имя.

— Десять процентов состояния, поместье Фирвуд, именные драгоценности княгини Кэрриган, а также частную антикварную библиотеку Чармерда леди Теане Энн Гримвелл, бывшей супруге моего племянника”.

— Антикварная библиотека — это моя лаборатория. О ней не знает Генри, она только моя, — услышала я голос Габриэла.

Ужас, накотивший после прочтения завещания, после самого факта осознания того, к чему Габриэл готовился, смешался со стыдом за то, что я влезла в бумаги Габриэла.

— Это твоя работа? Завещание? Зачем?!

— У каждого богатого человека есть завещание, Теана.

— Но в нем есть я.

— Верно. С некоторых пор там есть ты.

— С каких пор?

— С тех, когда ты появилась здесь. Я рассчитывал, что сумею достучаться до тебя, изменить образ твоих мыслей. И затем дать тебе ресурсы для того, чтобы выкарабкаться.

— Ты что, смертельно болен и умираешь? — вырвалось у меня.

На секунду показалось, что Габриэл сейчас рассмеется, но он остался серьезен. А еще со вздохом поднялся, натянул штаны и подошел к столу. Мягко забрал у меня завещание, небрежно бросил его на стол и запустил пальцы в мои волосы.

— Нет, Теана, я не болен. И не умираю. Не собираюсь кончать с собой. Но я маг, а это, увы, опасный дар. Меня может убить какой-нибудь поехавший колдун, меня могут арестовать и казнить. Всякое случается, и я хочу, чтобы все получили то, чего достойны. Разумеется, даже без завещания Генри получит свое и не обидит мать или сестру, но многие упомянутые в завещании люди не кровные родственники. Я хочу, чтобы им тоже что-то досталось. Раз в несколько лет я переписываю завещание. Сейчас именно этот момент.

Было очень сложно вникать в смысл его слов, расслабляясь под неторопливой лаской.

— Из-за меня? — наконец с трудом выдохнула я.

— В том числе.

— Зачем? Мне не нужны твои деньги.

— Тебе кажется. Неужели ты снова хочешь работать гувернанткой? Жить в крохотной клетушке? Есть не то, что вкусно, а то, что подешевле?

— Я...

— Не хочешь, я же знаю. Десять процентов от моего состояния — это о-о-очень много. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Его губы оказались слишком близко, опалили дыханием мои.

— Не говори так. Мне не нравится мысль, что с тобой что-то случится. Я никогда не желала тебе смерти.

Габриэл усмехнулся. Мои щеки залил румянец — мы оба вспомнили о доносе.

— Хва-а-атит! — простонала я, не зная, о чем прошу: чтобы он прекратил делать массаж или перестал вспоминать о моем предательстве.

— Я не думала о том, что тебя могут казнить. Просто... так было правильно. Узнал о колдовстве — обратись к законникам. Прописная истина.

— Не такая уж и прописная, да?

— Не уходи от темы! Почему ты включил меня в завещание?

— Ты заслужила. Я помог многим девушкам...

— И все они получают по десять процентов? У тебя там проценты не кончились?

— Ну, хорошо.

Он со вздохом отстранился. Мои чувства, кажется, не поддавались никакой логике: я тут же ощутила сожаление.

— Возможно, я чувствую себя виноватым за то, что вынудил тебя заняться со мной сексом.

— Ты пытаешься заплатить мне за секс?!

— Звездоликая, Теана, с тобой так сложно! Нет! Я хочу, чтобы у тебя были ресурсы, если вдруг Лотнер до меня доберется и в чем-то тебя заподозрит! Ты сможешь купить новые документы, дом, свободу — что угодно! Все!

— А Фирвуд? Зачем ты оставил мне поместье? И библиотеку?

Габриэл что-то скрывал, я чувствовала, что это далеко не вся правда. Что-то не сходилось в его стройной теории. Монстр, дремавший в недрах дома и оставшийся со времен прошлого поколения. Завещание. Его длительное отсутствие в поместье Гримвеллов. Там же Генри и Сибилла совсем одни, без присмотра, пока Габриэл здесь воспитывает строптивую жену племянника!

Но даже если бы я стала расспрашивать, он бы не сказал. Сейчас я прислушивалась к интуиции. И она, оказывается, умело подсказывала, что и когда делать.

— Фирвуд дорог мне. Это магическое место. Младшие не любят поместье, не ездят сюда. Оттого Фирвуд и пришло в запустение. Но мне всегда было здесь хорошо. И сейчас вполне неплохо. Мне подумалось, в твоих руках поместье обретет второе дыхание. Что до библиотеки — то у Генри есть своя лаборатория, а тебе нужно учиться. Этим и займемся с перерывами на секс.

Пока я краснела и пыталась сделать вид, что ничего особенного не происходит, Габриэл натянул рубашку и пару раз прошелся расческой по темным волосам.

— Пожалуй, я не откажусь еще и от омета.

— Без корочек? — улыбнулась я.

— Разумеется.

— Габриэл...

Прежде, чем отправиться в душ, я нерешительно замерла возле дверей в ванную, раздумывая, стоит ли говорить то, что собираюсь.

— Да, детка?

Ласковое будничное “детка” отозвалось странным теплом в груди. Не имеющим ничего общего с возбуждением.

— Тогда мне было хорошо с тобой. Я испугалась, но тебе не за что чувствовать вину.

— Но это ведь не меняет того, что я тебя заставил.

— Сегодня ты меня не заставлял.

Он усмехнулся.

— Да, жалость — мощный катализатор желания.

— Габриэл!

— Омлет, Теана. Омлет без корочек и учеба. Пора открыть тебе не только мир сексуальных наслаждений... но и магических.

Габриэл оказался интересным учителем. Правда, уж очень самоуверенным. Ему будто доставляло удовольствие рассказывать мне элементарные вещи, при этом слегка издеваясь: он рассказывал об основах составления зелий и при этом указательным пальцем поглаживал мое колено, а когда я не выдержала и отстранилась, сделал замечание, что я отвлекаюсь.

Вскоре моя догадка подтвердилась.

— Габриэл! — воскликнула я, когда он, пообещав показать что-то очень важное, потащил меня в спальню. — Тебе что, нравится надо мной издеваться?

— Вообще-то да, — признался он, — мне нравится мысль, что недавно ты была готова сжечь меня на костре, а теперь прилежно осваиваешь магию. Я... м-м-м... горжусь своими педагогическими успехами. Но на самом деле я хочу тебе кое-что показать.

— В моей комнате?

— Именно.

Теперь стало интересно. Может, Габриэл хочет проверить вентиляцию? Хотя неожиданная мысль о том, что я вернусь к себе, слегка опечалила. Вот так новость! Я уже привыкла спать в его комнате. Просто прекрасно, Теана.

Ты влюбилась в дядю бывшего мужа. Хотя формально совсем даже не бывшего, хоть в завещании я и указана, как бывшая супруга. Но мы с Генри не развелись, и я понятия не имею, как все будет происходить. Я должна вернуться в Чармерд для развода? Но если Лотнер снова попытается меня использовать? Теперь навредить Габриэлу — один из новых страхов. А если не разводиться, просто уехать в Эйнгорию, то буду ли я считаться все еще женой Генри? Смогу выйти замуж повторно? Самостоятельно купить дом или

устроиться на работу? Габриэл что-то говорил о новых документах, но я понятия не имею, где их достать!

Я уже открыла было рот, чтобы обо всем спросить, но мы вошли в спальню, и Габриэл подвел меня к полке с книгами.

— Надеюсь, теперь ты не станешь игнорировать литературу. Я надеялся, что ты от скуки начнешь читать и узнаешь о магии много нового.

Я снова залилась краской.

— Я открывала книгу...

— Да, на полчаса, художественную. Но здесь есть все, что тебе понадобится для самостоятельного обучения.

Нахмурившись, я украдкой посмотрела на Габриэла. Почему он говорит о самостоятельном обучении? Почему так спешит? Сначала я думала, что две отведенные им недели для свиданий по вечерам — всего лишь уловка, чтобы убедить меня остаться и сотрудничать. Теперь я никуда не собиралась сбегать, но две недели будто истекли, и чем ближе был конец отведенного срока, тем сильнее торопился Габриэл.

Объяснение этому могло быть очень простое: он — глава очень влиятельного рода, у него есть дела, встречи, благотворительные проекты и фонды, он вкладывает деньги в строительство, землю, да во все! Вряд ли такая империя долго протянет, если ее император заперся с кем-то в глуши, но... что если все намного серьезнее?

— Первое, чему ты должна научиться — это скрывать магию.

— Как будто раньше я ее всем показывала.

— Раньше она была заперта, а теперь нет. И, чтобы не отправиться на виселицу, тебе нужно научиться ее прятать. Вот эти две книги содержат всю нужную тебе информацию.

Он отставил в сторону два пухлых томика.

— Затем нужно, помимо составления зелий, освоить врожденную способность. Это, я так понимаю, твои... м-м-м... перемещения. Вот здесь, книга называется “Врожденная магия” — там описаны медитации, которые раскрывают силу и учат ею пользоваться. А это...

Он снял с полки здоровый трехтомник, обтянутый красноватой кожей.

— Те самые ритуалы, которых ты так боишься. Здесь есть все: начальный уровень очень подробный и понятный, средний чуть более

обзорно. И обязательно описание кровавых ритуалов.

Он посмотрел мне в глаза, взял за руку и на пару секунд прижал тыльную сторону ладони к губам.

— Ты можешь ненавидеть темную сторону магии, можешь отказываться от ритуалов на крови, можешь использовать только врожденную силу. Но ты должна знать, на что способна магия и чем занимаются колдуны вокруг тебя. Это поможет тебе защититься. Слышишь, Теана? В моей лаборатории в городе есть куча книг, в которых описаны почти все ритуалы. Но изучи хотя бы эти. Юные, не осознающие до конца свои силы, колдуньи — лакомый кусочек не только для стражи, но и для магов, потерявших последние капли человечности. Если не хочешь повторить судьбу родителей, учись, будь начеку и представляй врага не только в образе абстрактного монстра. Знай его оружие, силы и слабости.

В горле пересохло, я поежилась от ледяного ветра, хотя окно было закрыто и ему просто неоткуда было взяться.

— Почему ты говоришь так, словно вот-вот исчезнешь, и я останусь одна?

Габриэл скользнул подушечками пальцев по моей щеке, обрисовал контур губы и со вздохом отстранился.

— Жизнь научила меня, что лучше быть готовым к любым переменам. Даже к самым невероятным. Вряд ли я завтра пойду за грибами и утону в болоте. Но если вдруг меня срочно вызовут в столицу в связи с... м-м-м...

Он задумался.

— Например тем, что Сибилла устроила на дворцовой площади митинг в защиту прав бывших женихов или что-то такое. Тогда ты сможешь продолжить обучение сама.

— А если я что-нибудь напутаю?

— Ты умная девочка. Ничего не напутаешь. Тебе лишь нужна мотивация. К слову о переменам и готовности. Не хочешь сходить на настоящее свидание?

— А что ты подразумеваешь под настоящим?

— То, на которое ты придешь добровольно.

— Даже не знаю.

Я захихикала.

— Мне не в чем идти.

— Я пришлю что-нибудь на свой вкус.

— И куда мы пойдём? Что-то я здесь не вижу театров и ресторанов. Твой повар приготовит что-нибудь особенное?

— А что ты хочешь?

— Только не омлет! — вырвалось у меня.

— Передам ему пожелания гости. Что-нибудь еще?

— Я хочу провести вечер не дома. Хочу к воде. Мы можем снова пойти в пещеру?

— Мы можем пойти в куда более прекрасное место. Что ж, пикник на природе, платье в подарок — я понял ваши требования, леди Гримвелл. Пойду уговаривать повара. А ты...

Габриэл вручил мне книгу.

— Изучи парочку глав, хорошо? Иногда я читаю лекции студентам королевского колледжа. Все эти мотивационные занятия, истории успеха от миллиардера и прочая ерунда. И часто говорю о том, что задача любого преподавателя не научить чему-то, а научить учиться. Вот и учись, Теана.

Теперь я снова осталась в комнате одна. Обложила книгами, что показал Габриэл, и погрузилась в изучение магии. Попыталась, вернее, потому как мысли все время возвращались к свиданию.

Я ходила на них, конечно. С Генри ходила, и довольно много, но еще никогда так не волновалась. Как будто мы не сидели взаперти уже много дней! Мы ужинали вместе, плавали, рисовали, выслеживали кровожадную тварь, занимались сексом и спорили, находясь в разных комнатах. Но вот теперь, не сопротивляясь тому, что чувствую, я пугалась от одной мысли, что возводить стену и прятаться под панцирь больше не выйдет.

И зачем я это делаю? Почему влюбляюсь?

Все основы магии для начинающих сводились к контролю над эмоциями. Чтобы обуздать дар, что кипит внутри, нужно обуздать чувства. А это можно сделать путем долгих тренировок и медитаций. Оказалось, что это непросто. Стоит только закрыть глаза, как в голову лезет тысяча мыслей, и чувства становятся только сильнее.

Но все же я что-то чувствовала. Эмоциональный подъем, ощущение, будто я готова свернуть горы. Как от свободного падения во время прыжка в воду. Если замереть, вслушаться в совершенную

тишину старого поместья, то можно нащупать внутри энергию, которой раньше совершенно точно не было, а потом...

Я подскочила на постели, когда в камине с громким хлопком вспыхнуло пламя. Поленья подлетели, а угли посыпались на ковер и лишь чудом ничего не загорелось.

— Теана? — тут же раздался голос Габриэла. — Ты в порядке? Что там у тебя происходит?

— Я ничего не делала! Просто пыталась успокоиться и взять контроль над эмоциями.

— Не очень получилось, да? О чем ты подумала? Снова о родителях?

— Нет. О Харальде Лотнере. Мне жаль его, а еще очень интересно, что случилось с дочкой.

— Да, мне тоже, но расследование ничего не дало. Я искал ее, поверь. Боюсь, малышки скорее всего нет в живых, а если и есть, то найти ее поможет только чудо. Или случайность, и, как по мне, это одно и то же. Но хорошо, что ты нащупала магию. Отдохни, приведи себя в порядок. Для тебя готова ванна.

— Да у тебя не только повар душка, но и горничная — прелесть, — фыркнула я, с удовольствием потягиваясь.

— Если ты будешь язвить, то я решу присоединиться к водным процедурам, и на свидание мы не попадем.

— Ты там готовишь?

— Нет. Я пишу письмо. Хочешь передать привет Сибилле?

— Хочу есть.

— Придется потерпеть. Ступай в душ, Теана. А потом переодевайся. С нетерпением жду свидания, на которое ты придешь не под угрозами.

Кто бы мог подумать, что Габриэла Гримвелла это действительно волнует. И что после сегодняшнего свидания жизнь изменится навсегда. В который раз за последние недели?

Кто бы мог подумать, что в мире магии есть что-то нормальное. И приятное: от приготовлений к свиданию я получила истинное удовольствие. Провалившись в ванне почти час, накинула длинный шелковый халат и отправилась к себе, чтобы переодеться и причесаться, сожалея о невозможности наложить макияж. Почему-то хотелось быть особенно красивой. Будто иного шанса не представится.

Эта мысль неожиданно заставила вздрогнуть. Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи, а потом увидела возле двери коробку.

Очередное платье. Или не платье? Что придумал Габриэл на этот раз?

— У меня был план, — раздался его голос, пока я несла коробку к постели, — выверенный, идеальный план. Постепенно, шаг за шагом, я планировал подвести тебя к одной очень мудрой мысли. Знаешь, какой?

— Чем меньше на женщине одежды, тем глубже отношения? — хмыкнула я, рассматривая платье.

Черное, с открытыми плечами, свободное и летящее, открывающее и декольте и ноги, и еще Звездноликая знает что.

— Интересно. И двусмысленно. Но нет. Помнишь твое первое платье? Белое, невинное, почти как у невесты. Не совсем белоснежное, но очень... подходящее тебе. Так помнишь?

— Помню. И что?

— А то, что я планировал дарить тебе платья все более и более глубоких — как ты выразилась — оттенков. До тех пор, пока ты не увидишь в зеркале уже не очаровательную невинную девицу в белом, а роковую темную колдунью.

— И что пошло не так?

— Тебе начать с неожиданной реакции на мою попытку пробудить в тебе магию или темную тварь, которая ползала по нашей вентиляции?

— Рада, что разнообразила твои будни.

— Ты потрясающе выглядишь. Не собирай волосы.

После душа, высохнув не до конца, они кудрями рассыпались по плечам, щекотали чувствительную кожу. Я смотрела на себя в зеркало, а сердце в груди билось все быстрее и быстрее в ожидании встречи. Да что это такое!

Нужно собраться. Я до сих пор не знаю, что Габриэл собирается делать, когда мое обучение закончится, а еще чувство, что что-то не так, до сих пор грызет душу. Во всей картинке, что открыл Габриэл, не хватало деталей. А некоторые стояли не на своем месте.

— Ты готова?

— Да.

— Тогда жду внизу.

Значит, это не чердак. Габриэл не дал мне обувь, так что вряд ли прогулка в саду. Море! Я бы многое отдала за море. А еще за кусочек пирога и пару глотков вина, и... и дальше мечтать было очень неловко.

Габриэл ждал внизу, в свободных черных брюках и черной же рубашке он выглядел небрежно, притягательно и, пожалуй, расслабленно. Его взгляд жадно скользил по линиям тела, скрытым платьем. На секунду мне показалось, что свидание не состоится.

— Идем. Ты голодная? Потерпи еще немного. Я хочу показать тебе одно место.

Мы спускались известным путем к двери, ведущей в пещеру. Габриэл крепко держал меня за руку, и сегодня было совсем не страшно.

— Что за место? — не удержалась я.

— Сейчас... погоди секунду, я не могу говорить, когда пытаюсь открыть дверь.

Меня окатило солеными морскими брызгами. Здесь, как всегда, было сумрачно и сыро, но мне нравилась атмосфера магического моря. Хоть Габриэл и говорил, что это лишь портал, я придумала целую историю о небольшом колдовском убежище, куда можно сбежать, когда станет совсем тоскливо. С нашего первого визита пещера совсем не изменилась, только вот...

— Это лодка?! Габриэл!

— Да, я решил показать тебе остров, на котором по легенде мы воспитываем бананы и выращиваем детей. Садись вот сюда, да, чтобы я тебя видел.

Я старалась не показывать дрожь, но изрядно нервничала, забираясь на скамейку. Она словно специально была установлена так, что Габриэлу открывался вид на мои ноги и провокационно разошедшиеся полы платья. Он, казалось, вообще не напрягался, орудуя веслами. Интересно, использовал магию или выносливость?

— У тебя было когда-нибудь свидание в лодке, Теана? Генри возил тебя на прогулки?

— Тебе обязательно вспоминать его?

Габриэл пожал плечами.

— Я тоже имею право на ревность.

— Хорошо. А что насчет тебя? Ты многих спасенных девушек катал на остров и обещал воспитывать бананы?

— Только тебя. Если тебя это порадует, то у меня уже давно не было таких длительных отношений.

Значит, отношения? Это звучит намного лучше, чем “связь”, “измена” и прочие определения, которыми я наградила все происходящее. Даже небо, кажется, посветлело. Только голод не давал как следует насладиться прогулкой.

— Скоро мы приплывем?

— Да, уже практически. Страшно?

— Неуютно. Открытое море пугает.

Пещера и замок на скале давно остались вдали, превратились в крошечную точку. Размеренное движение лодки убаюкивало. Ветер трепал кудри, а я любовалась сумрачной природой и Габриэлом, который с пугающей легкостью справлялся с веслами. Я так увлеклась наблюдением за ним, что даже не заметила небольшой скалистый островок, вдруг появившийся из тумана. У его берега был удивительный розовый песок, я никогда такого не видела.

— Это маленькие ракушки, — пояснил Габриэл, заметив мой любопытный взгляд. — Есть еще острова с черным и нежно-голубым песком, но они далеко и не такие уютные.

Я спрыгнула прямо в воду, не дожидаясь, когда лодка сядет на мель. Подол платья промок, ткань прильнула к коже, но вода оказалась почти теплой.

— Я так мечтала о море. Увидеть мир и все такое. Не зря.

— Твой дар может быть связан с водой. Тебя к ней явно тянет.

— Меня тянет к еде. Что там приготовил твой повар?

Я с любопытством заглянула в корзину для пикника и обнаружила там настоящее сокровище. Креветки в темпуре с ананасовым соусом, маленькие сэндвичи с сыром и авокадо, хлебцы с паштетом и отдельный сверток с яблочным бисквитом. Ко всему этому великолепию прилагалась запотевшая от холода бутылка белого вина.

— Кажется, сегодня повар превзошел сам себя. Надо будет увеличить ему жалование.

— Иногда мне хочется тебя ударить.

— Лучше поцелуй.

Он замер, будто и правда ждал, а я растерялась и чуть было не выронила из рук бутылку с вином. Взгляд сам собой, без моего участия, сфокусировался на губах Габриэла. Он шикарно целовался. Я

бы солгала, если бы сказала, что не хотела его целовать. Но все еще не могла поверить, что жизнь и вправду совершила внезапный поворот.

Осторожно прислонив бутылку к камню, я обвила руками шею Габриэла, коснувшись его губ своими. Он не двигался, только обнял меня за талию и прижал к себе, не давая шанса испугаться и отстраниться. Для меня это было сродни признанию в любви, почему-то внутри сидела уверенность, что для Габриэла Гримвелла я — открытая книга. В него нельзя было влюбляться, его нельзя было целовать, но я совершила столько ошибок, что уже не могла думать о том, что правильно, а что нет.

Они разрывают меня на части!

Сумасшедшее влечение к нему, страх перед собственным даром и огромное чувство вины за то, что я подвергла его семью опасности. Сколько же Габриэл пережил! Собственными руками, чтобы защитить братьев и сестер, толкнул родителей на смерть и смотрел, как их убивают. Защищал Сибиллу ценой ее любви. Принимал решения, за которые его ненавидели. В чужих глазах он был виновен в исчезновениях невинных девушек, а они... были ли они ему благодарны?

Я точно была. Потому что несколько недель борьбы с Габриэлом я чувствовала себя живее, чем двадцать лет до встречи с ним.

Для поцелуя не хватало дыхания, жадные торопливые касания губ давно вышли из-под моего контроля и ужин как-то забылся. Я перебирала темные волосы, позволяя делать с собой все, что угодно. Пока в один момент возбуждение не стало болезненно-нестерпимым, а в мысли не вторглось воспоминание о жутких желтых глазах твари в доме. В них что-то было... что-то не только ужасающее неправильностью существования такой твари, но и... знакомое?

Горло сжала невидимая рука, а дрожь, пробежавшая по телу, не имела ничего общего с желанием. Да и со страхом тоже — я не сразу поняла, что происходит, а когда догадалась, стало поздно. Мир вокруг поглотила темнота, но, к счастью, свет быстро вернулся в мой мир. Вместе с адской болью.

Я приложилась о камень скулой, лбом и носом, чудом не разбила голову и скатилась на холодную землю. С губ сорвался не то стон, не то вой. Я рыдала и от досады, и от боли, и от страха перед магией,

которая, кажется, задалась целью разрушить мою жизнь, от которой и так остались какие-то обломки и шкаф с кучей платьев!

— Теана! — послышался голос Габриэла.

Что ж, я хотя бы улетела недалеко. Но как же ужасно больно! Мне уже не так нравится свидание. Почему именно сейчас? Ночью же я не сбежала прямиком из постели, а там происходило кое-что куда более откровенное и волнующее, чем поцелуй.

Впрочем, я себе лгала. Магию разбудил не поцелуй, а что-то другое...

- Теана? Ты рядом, я тебя чувствую.

Хм, интересно, как это? Я ведь даже не спросила, какой магией обладает Габриэл. Я вообще мало что знала, и почему не расспрашивала раньше?

— Я здесь! — крикнула и поморщилась.

Как больно! Ужасно, как будто меня долго и с удовольствием били. Должно быть, я возникла прямо из воздуха над угловатым камнем и приложилась как раз об выступающую его часть. Как и несколько дней назад, в поместье, появилась в лаборатории над столом. Странно, у моих перемещений не было никакой зависимости, кроме... твари с желтыми глазами. Что же с ней не так, почему каждый раз, когда я о ней думаю, в душе появляется тревога?

Габриэл с легкостью преодолел подъем и оказался на утесе, где я сидела и редела. Я даже не поняла, что по щекам текут слезы, пока он их не вытер.

— Ну все, все, не плачь. Больно, да? Ударилась?

— Ударилась, — вздохнула я.

— Бедняжка. Знаешь, иногда девушки, которых я пытался затащить в постель, сбегали под благовидным предлогом, отрубались, не рассчитав с алкоголем, исчезали наутро или уходили с ухажером посимпатичнее, но прямо из объятий не исчезала ни одна.

— Смешно тебе?

Габриэл улыбнулся.

— Немного.

— А мне больно. Ты можешь это вылечить?

— Дома есть зелья, которые тебе помогут. Надо обработать ссадины. Зато мы теперь точно можем сказать, что у тебя есть как минимум две магические способности.

— Две? — нахмурилась я и снова ойкнула. — Улетать с перепугу в стену, а вторая какая?

— Сопrotивляться магическому контролю, естественно. Ты ведь сбросила морок зелья, которое я тебе дал.

— Как будто это на что-то повлияло.

— Да, ты устроила моему человеку из охраны захватывающие догонялки. Он сказал, что чуть с ума не сошел, выслеживая тебя. Пришлось выписать парню премию.

— Что?!

Габриэл поднял меня на руки, хотя я, наверное, и смогла бы идти сама. Но, учитывая скалы, босые ноги и кучу ссадин, это было не лучшее решение. Вот только сидеть у него на руках в то время, как он с легкостью спускается с крутой скалы, перепрыгивая с камня на камень, было так страшно, что на миг я даже забыла, что же в словах Габриэла так возмутило.

Потом, когда он усадил меня в лодку, вспомнила.

— Это твои люди устроили мне захватывающие догонялки! Они до смерти перепугали меня в воиде.

— Прости?

Габриэл замер, так и не столкнув лодку в воду.

— В воиде? В рельсовом воиде?

— Да. Мне пришлось просить помощи у какого-то мужчины, чтобы он сделал вид, будто мы путешествуем вместе. И притвориться спящей. Они что, не рассказали, как упустили меня в воиде и едва не поймали на станции?

— Звездоликая, Теана, о чем ты говоришь? Кто такие “они”? Я послал за тобой одного человека, и он не искал тебя в воиде. Он выяснил, куда ты купила билет, и понесся к ближайшей станции, чтобы перехватить тебя там. Он не заходил в воид и не пытался там тебя поймать.

— Я... ты говоришь правду?

— А зачем мне тебе врать, если я все равно запер тебя здесь? Ты хочешь сказать, кто-то преследовал тебя в воиде?

— Да, а когда я вышла, они пытались меня увести и приставили нож. Но пьяный парень спас меня и...

Я осеклась, вспомнив его взгляд.

— Он был не пьян.

— Как он выглядел?

Я пожалала плечами, память услужливо стерла все подробности тех дней, что я провела в постоянном страхе. Казалось, ничего и не было. Просто после свадьбы волшебным образом я очутилась в поместье Фирвуд.

— Это странно. Я не посылал за тобой двоих, мой сотрудник вообще не приближался к тебе. Он проследил за тобой до момента, когда ты выехала на старую дорогу и устроил аварию, а я ждал в доме. Все. Никто не стал бы похищать тебя на глазах у толпы людей. К тому же ты направлялась в Эйнгорию, и если бы пересекла границу официально, я направился бы за тобой туда. Со старой дорогой есть проблема — ее давно облюбовали законники, чтобы ловить беглых магов. Не тебе одной в голову пришла мысль сбежать по ней.

— Тогда зачем ты устроил аварию? Если твои люди могли проследить за мной и до укрытия, организованного Лотнером.

— А, то есть я еще и в аварии виновен?!

— И аварию не ты? — почему-то жалобным голосом спросила я.

— И короля прошлого сверг тоже я. И драконы из-за меня вымерли. Да что там? Звездоликая, как только увидела меня новорожденного, сказала “к демонам это дерьмо, разбирайтесь с ним сами!” — и навсегда покинула мир смертных.

Было бы смешно, если бы я не чувствовала себя совершенно растерянной. До сих пор я думала, что авария и двое в воиде — дело рук Габриэла. И если это не так...

— Это может быть Харальд Лотнер? — спросила я, когда мы плыли обратно к замку.

— Вполне. Он частенько играет грязно, хотя я не понимаю его выгоды убивать тебя. Разве что подставить меня.

— Да, и остается вопрос со стычкой на станции. Допустим, те двое — люди Харальда, тогда кто тот парень, что меня спас? Если твой человек только наблюдал... Габриэл, я ничего не понимаю!

— Я пока тоже. Поэтому мы меняем план на сегодняшнее свидание. Сейчас обработаем твои ссадины, накроем ужин в саду и сверим все показания. Прямо по пунктам: кто и что делал с того момента, как пьяный Генри завалился в апартаменты и выгнал тебя навстречу магии и мне.

Накроем ужин в саду... я вдруг вспомнила, что ужасно голодна. Жевать теперь придется очень осторожно, а ведь у нас на ужин столько вкусов! И ужин в саду, в атмосфере свежести и прохлады, ничуть не хуже морской прогулки.

— Грустно думать, что человек, потерявший жену и ребенка, может опуститься до убийства. Ведь его дочери могло быть столько же, сколько и мне. Мы могли учиться вместе, быть подругами. Харальд должен знать, как тяжело близким убитого человека.

— То, что он пережил, здорово меняет мироощущение, принципы и мысли.

— Ты пережил не меньше, но не сломался.

— Я не святой, Теана. Я совершаю разные поступки. Особенно ради своей семьи. Иногда эти поступки не совсем законны. Вопрос лишь в том, что у нас с Харальдом разные цели. Я защищаюсь. Он нападает. Но мы оба играем грязно и ставим на кон чужие жизни.

На этой оптимистичной ноте мы замолчали. Я старалась не делать резких движений без нужды, и просто смотрела на потревоженную лодкой гладь воды. Жаль, что прогулка закончилась вот так. Почему-то очень не хотелось возвращаться. С тех пор, как в доме объявилась тварь, он перестал быть безопасным уединенным местом. И хоть Габриэл говорил, что кроме нас в Фирвуде не было ни души, я все равно словно чувствовала на себе чужой взгляд из темноты.

Габриэл помог мне выбраться из лодки. В кромешной тьме мы поднялись по лестнице — и замок у моря превратился в старинный особняк посреди леса. Пока глаза привыкали к темноте, Габриэл взял меня за руку.

— Сейчас зайдем в лабораторию и полечим твои ссадины. А потом поболтаем. А пото-о-ом...

— Что потом?

— Потом, — голос стал бархатистый и хриплый, — мы закончим ужин и поплаваем в водоеме... чуть меньшем, чем планировали изначально. Зато с горячей водой, пеной и ароматным маслом, которое делает кожу очень мягкой и горячей.

Я с шумом сглотнула и поспешила толкнуть дверь, ведущую в холл, только чтобы глотнуть немного воздуха, которого резко стало мало.

— Леди Морнингблум. Лорд Гримвелл.

Харальд Лотнер, стоящий посреди холла в окружении законников, настолько не вписывался в реальность, к которой я привыкла, что стало вдруг жутко.

— Простите. Леди Гримвелл. Кажется, вы успели выйти замуж.

Он нахмурился, внимательно меня осмотрев и особенно задержавшись на ссадинах и синяках.

— Габриэл Гримвелл, немедленно отойдите от девушки, медленно поднимите руки и опуститесь на колени! Страже приказано стрелять на поражение в случае малейшего сопротивления.

Сразу десяток стрел смотрели в грудь Габриэлу.

Мучительно медленно его пальцы разжались. Поднимая руки, Габриэл скользнул указательным пальцем по моей щеке. Ласково и успокаивающе.

— Ну вот, Теана. Теперь ты свободна.

Кажется, меня спас только шок. Оцепенение вкупе с растерянностью Харальд принял за страх, а побитый вид довершил образ несчастной похищенной жертвы. История умалчивает, слышал ли он мой смех или сумел ли найти какие-то свидетельства того, что я оставалась в поместье добровольно. Вряд ли, иначе на моих запястьях бы тоже сомкнулись кандалы.

Хотелось что-то сделать. Закричать, заставить Габриэла расправиться со стражами с той же легкостью, с какой он уничтожил тварь из вентиляции. Но он бы не послушался. Он защищал семью, когда его казнят, состояние перейдет к Генри, а вот если Габриэл сбежит... они все окажутся по подозрению и одна Звездноликая ведает, что законники найдут в поместье Гримвеллов.

Что они найдут здесь. И куда отправят всех нас.

А ведь он знал — вдруг дошло. Как минимум догадывался, потому что написал завещание. Я так и знала, Габриэл врал, говоря о том, что пишет их регулярно! И вовсе он не управлял делами удаленно, он прятался. Несложно было предположить, что Лотнер его отыщет. Я всего лишь пыталась убедить себя, что это невозможно, но на самом деле натворила много бед своим заявлением.

И теперь смотрела, как двое стражников, грубо толкая Габриэла со скованными за спиной руками, направляются к выходу. Сердце сжалось, когда я увидела тонкую струйку крови, стекающую по его

руке — кандалы затянули слишком туго. В Чармерде не церемонились с магами.

По коже прошелся ледяной ветер, хотя все окна и двери были закрыты. Я с ужасом думала о том, что если испугаюсь, то смогу выдать себя. Нельзя! Нельзя дать понять, что я обладаю магией, потому что если я окажусь на виселице, то Габриэлу точно не помогу. А я, наверное, должна. Только понятия не имею, чем именно смогу помочь ему.

— Леди Гримвелл? — Харальд мягко взял меня под руку. — Идемте, вам незачем здесь оставаться. Я лично отвезу вас в столицу, в служебную квартиру. Останетесь там под охраной до тех пор, пока с Габриэлом Гримвеллом не будет покончено.

Я вздрогнула, но законник расценил это по-своему.

— Не волнуйтесь, Теана. Ему не уйти от наказания, я нашел достаточно доказательств, благодаря вам. Та авария... клянусь, я думал, мы потеряли вас. Ужасно осознавать, что не сумел защитить девушку, которая тебе доверилась. Но во мне всегда теплилась надежда, что вы живы. Рад встрече с вами.

— Как вы нас нашли? — губы и язык слушались с трудом.

— Это было несложно, хотя Гримвеллы и скрывают свое владение Фирвудом. Большую часть времени я потратил на бюрократию: добивался разрешения влезть в документы о собственности. Я знал, что у Габриэла есть укрытие. И, хоть на это было мало шансов, рассчитывал увидеть в нем вас.

Во дворе уже стояли, готовые к дороге, воиды: пять штук служебных и один тюремный. Я старалась не смотреть на Габриэла, которого усаживали в неказистую машину с решетками на окнах, но взгляд словно притягивало магнитом.

— Теана... — Харальд остановился у своего воида. — Я могу, если пожелаете, не указывать вас в своем отчете. Отвезу в безопасное место и спрячу, пока все не уляжется. Думается, вам незачем слухи и... я так понимаю, физическим насилием не обошлось.

Меня передернуло, очень захотелось двинуть Лотнеру в челюсть, но я сдержалась. Он, похоже, не сомневался в моральных качествах Габриэла, а точнее — в их отсутствии.

— Вам не нужна репутация жертвы насильника, да еще и мага. Если вы настаите на показаниях против Гримвелла, я не стану

препятствовать. Но его все равно казнят. А вы сохраните репутацию и оградите себя от лишних сплетен.

Воид с Габриэлом и стражами сдвинулся с места, направляясь к воротам. Я с тоской посмотрела ему вслед.

— Что скажете? — Харальд Лотнер вернул меня в реальность.

— Да. Да, конечно. Я очень устала, господин Лотнер. Можем мы поехать домой?

Я сидела в его воиде, глядя в окно на удаляющееся поместье Фирвуд. Место, где я провела чуть больше недели, и за это время из пленницы превратилась в хозяйку. Магический дом, с легкостью превращающийся в замок у моря. Совсем скоро завещание Габриэла огласят, и я смогу вернуться сюда хозяйкой.

Но мне предстоит сделать все, чтобы этого не случилось.

Глава десятая

— Я могу чем-то помочь вам, миледи?

Дворецкий склонился передо мной, усиленно делая вид, будто впервые меня видит. Будто не я вышла замуж за Генри Гримвелла, не я ношу эту фамилию и не имею права находиться в доме. Хотя последнее — вполне вероятно. Я сама не знаю, зачем пришла.

— Передайте, пожалуйста, Генри, что его хочет видеть Теана Морнингблум.

— Боюсь, лорд Гримвелл занят.

— Что ж, я подожду, когда он освободится.

Я села на небольшую софу прямо в коридоре и с вызовом посмотрела на пожилого мужчину. Что? Он надеется, я просто так уйду? Никогда не поверю, что прислуга не в курсе всех переплетений судеб членов семьи. Он знает и то, что Габриэл в тюрьме, ждет суда. И то, что это я написала донос на него. И что его схватили в поместье Фирвуд. Должно быть, здесь никто не ждал, что я приду, но в жизни порой случаются удивления.

— Боюсь, это будет не слишком удобно...

— Я привыкла к неудобствам, господин Констанс, — холодно ответила я. — Вы или передадите Генри, что пришла Теана Морнингблум, или я сделаю это сама.

Будет неловко, если я свалюсь прямо ему на стол из воздуха, потому что те несколько раз, когда я пыталась практиковаться в магии, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Мне катастрофически не хватало места, времени, уединения и смелости.

После того, как мы вернулись в город, Харальд Лотнер поселил меня в небольшой, но уютной служебной квартирке. Она даже охранялась, но больше для вида, ведь все знали, что мой враг за решеткой, ждет суда и казни.

Газеты трубили одна громче другой. Какие были заголовки! Имя Гримвеллов не стесняясь мешали с грязью, забыв и об их благотворительности, и о недавнем интересе к малейшему слову того, кого сейчас называли монстром и кому желали мучительной смерти. Я

вспомнила точно такие же статьи о Миранде Харсперин, и испытала жгучее чувство стыда. Когда-то я была одной из них.

Несколько дней я провела в какой-то прострации, часами смотря в окно. Габриэла собирались судить, поэтому поначалу у меня теплилась хоть какая-то надежда. Генри бросит все ресурсы семьи, чтобы вытащить дядю! Он наймет защитника, организует побег... сделает хоть что-то!

Но ничего не происходило, сидеть взаперти, под присмотром законников, было невыносимо, и я чудом уговорила Харальда Лотнера отпустить меня на свободу. К счастью, моя старая квартирка оказалась свободна. Теперь она напоминала тюрьму: крошечная, темная, с окнами, выходящими на грязный и вечно мокрый двор. Ничего общего с огромным домом, за окнами которого плескалось угрюмое море.

Руки дрожали от напряжения. Это будет наша первая с Генри встреча после свадьбы. Что я должна сказать? Прости, что втянула тебя в эту историю? Прости, что из-за меня человеку, который вырастил тебя, грозит смерть? Помоги мне все исправить? Что вообще говорят бывшему мужу, расставание с которым вышло таким... не таким, как хотелось бы.

Дворецкий вскоре вернулся, снова поклонился, хотя от меня не укрылась холодность во взгляде, и сказал:

— Лорд Гримвелл уделит вам пару минут. Ступайте за мной.

Дом казался незнакомым, хотя за время нашего отсутствия здесь ничего не изменилось. Должно быть, я просто смотрела на него другими глазами. И не боялась родового поместья Гримвеллов. Раньше мысль, что я не стану здесь своей, доводила до дрожи, а сейчас я и не хотела быть своей. Я вообще об этом не думала, я...

Скучала по Габриэлу.

— Теана, — Генри, когда мы вошли, едва поднял голову от документов, — садись.

— Желаете кофе, миледи? — спросил дворецкий.

— Это лишнее. Теана ненадолго, — оборвал его Генри.

Сразу стало ясно: разговор не будет простым.

— Хорошо, что ты зашла, — произнес муж, когда дверь за господином Констансом закрылась. — Я уже хотел отправить поверенного с бумагами на развод, чтобы ты подписала.

— Конечно. Давай, я подпишу.

Несколько росчерков пера вернули мне свободу. Я вновь стала незамужней леди Теаной Морнингблум, гувернанткой и... в перспективе богатой наследницей. Если Габриэла казнят, Фирвуд и целая куча денег отойдут ко мне. Интересно, Генри знал об этом?

— Я пришла поговорить о Габриэле.

— А что с ним?

— М-м-м? Генри... я имею в виду, нужно ведь что-то делать. Нельзя позволить казнить его!

— Таков закон. — Генри пожал плечами.

— Слушай, — я отложила документы в сторону, — ты мне не веришь, я знаю. Ты имеешь на это право, можешь думать, что я шпионю для Лотнера, но я не хочу, чтобы Габриэла казнили. Генри, я просто надеюсь, у тебя есть хоть какой-то план, как его вытащить.

— Я не думаю, что ты шпионишь на Лотнера. Однако никакого плана нет, Теана. Дядя выдал себя, дядя знал, к чему все это может привести. Я не стану рисковать жизнями близких, чтобы спасти его. Такова судьба, иногда она довольно трагична.

В его голосе не было ни жалости, ни грусти. Только нетерпеливое раздражение и скука.

— Как ты можешь так говорить? Он твой дядя! Он вырастил тебя, он пережил настоящий кошмар ради того, чтобы ты вообще родился! Генри!

— Я не просил его о жертвах, ровно как и о воспитании. И о том, чтобы он трахнул мою жену, кстати, тоже не просил.

— В этом все дело, да? Тебя задела наша связь? Но ведь тебе давали шанс. Ты ведь мог рискнуть ради меня всем. Мог поверить в меня, но ты просто отошел в сторону! А теперь упрекаешь Габриэла?!

— Последняя страница, — напомнил Генри. — Подпиши — и ты свободна.

Злость внутри уже даже не кипела, она бурлила, выплескивалась, грозя взрывом и магии и эмоций. Я смотрела на Генри и не верила собственному прошлому. Неужели это я вышла за него? Неужели верила в будущее для нас обоих?

— Вот. — Я протянула ему документы. — Твой развод. Это ты свободен, Генри. Кажется, тебе это действительно нужно. Жаль, что мы друг в друге ошиблись. Правда жаль. Габриэл спрашивал, люблю ли я тебя. И я поняла, что если бы любила, то не отказалась бы.

— Я больше не задерживаю тебя, Теана. Констанс тебя проводит.

Я поднялась. Внутри неприятная, до оскомины и горечи, догадка боролась с наивным желанием спрятать голову в песок и сделать вид, будто не было навязчивой мысли, которая так мучает.

Я никогда не умела молчать, и поздно было учиться.

— Это ты? Ты сдал нас Лотнеру? Указал ему на Фирвуд?

Поразительно, как человек на глазах меняется. Из принца и романтика Генри в один миг превратился в холодного и циничного мага — таким показался мне Габриэл. Но если у Габриэла получалось просто мастерски носить маску скучающего богача, то Генри выглядел... зло.

— Прощай, Теана.

— Значит, ты.

Я рассмеялась, хотя в том, что догадка подтвердилась, не было ровным счетом ничего смешного. Генри оказался очень далек от образа, который я себе нарисовала, так что невольно появлялись вопросы. Неужели ничего не было заметно раньше? Почему я была так ослеплена влюбленностью, и была она в него или в деньги его семьи?

А теперь Габриэл ждал казни, его семья не собиралась повторять его жертву, а я ничем не могла помочь. Харальд Лотнер лишь рассмеется, если я попытаюсь объяснить, что он казнит невиновного. Никаких идей, никаких союзников. Что, вот так смотреть, как мужчину, чувства к которому сильнее разума и воли, повесят?

Не дождавшись Констанса, ведомая злостью и обидой, я направилась к выходу сама, напроць забыв о том, какое первое впечатление произвело поместье Гримвеллов. Здесь легко заблудиться, а еще легче ненароком набрести на чужие секреты. Я так погрузилась в мысли о Габриэле, что даже не заметила, как пропустила поворот к лестнице и углубилась внутрь дома.

Нужно покопаться в лаборатории, но как, если по закону она еще не принадлежит мне? Габриэл лишь завещал ее, а не передал в дар. И можно быть уверенной: Генри не захочет просто так расставаться с семейными деньгами и сокровищами. Он будет судиться, он кинет в бой лучших законников и костями ляжет, но оспорит мое право на деньги, поместье и библиотеку.

Быть может, существует какой-то способ попасть туда законным путем? Через сестру Габриэла, например. Пусть она мать Генри, она

ведь сестра старшему Гримвеллу! Она была уже не ребенком, когда он взял на себя ответственность. Она может помочь... или нет? Какая мать пойдет против сына?

Удивленно моргнув, когда вместо очередного коридора я очутилась в большом темном зале, я осмотрелась. Кажется, заблудилась... не хватало мне еще унижения! Картина, как Констанс на глазах у домочадцев за локоть вытаскивает меня из дома, ярко и впечатляюще встала перед глазами. На пару секунд она даже затмила то, что я увидела в зале, но потом наваждение спало, и я всмотрелась в висящие на стенах портреты.

Каждого члена семьи Гримвеллов, как и любой богатой семьи, рисовали. В детстве, в юности, на свадьбе, в старости. Портрет вешали сюда: в родовую галерею. Когда она заполнялась до отказа, самые старые портреты выносили в хранилище, освобождая место для нового поколения. Эта традиция казалась мне милой, и вскоре здесь должен был появиться наш с Генри портрет, но его так и не случилось, а пустое место в ряду картин смотрелось чужеродно.

Я задумчиво коснулась рукой холодной стены и перевела взгляд влево, на портрет Генри, нарисованный незадолго до нашей встречи. Широкоплечий и статный красавец с тем же, что и у Габриэла, огоньком в глазах. Что ж, я совсем не пожалела, что забрела сюда, но прежде, чем отправиться к портретам Габриэла, я бросила мимолетный взгляд на портрет маленького Генри и обомлела.

Он сидел на простом стуле, в ученическом костюме, а вокруг черной краской была нарисована тьма. Художник явно нарочно придавал работе мрачности, и у него получилось, но странно было не это. Глаза Генри... я уже видела это слегка безумное, полное ярости и жажды крови выражение. Когда дошло, где именно, дыхание перехватило, словно горло сдавила невидимая рука.

У твари из вентиляции были его глаза.

— Что ты здесь делаешь?! — раздалось в гнетущей тишине.

Так громко, звонко и неожиданно, что я вскрикнула и... да, почувствовала, как тонкая ниточка, удерживавшая магию внутри, оборвалась — и меня поглотила тьма.

Нет!

Я тренировалась. Я несколько дней напролет добросовестно выполняла все упражнения из книг Габриэла, и я смогу! Нельзя

появиться в кабинете Генри или еще в каком-нибудь укромном уголке. А если я перемещусь к Харальду?! С соседней виселицы я точно не смогу помочь Габриэлу.

Похоже, последний аргумент подействовал, потому что тьма расступилась. Осторожно приоткрыв один глаз, я обнаружила, что все еще стою в картинной галерее. И хоть слегка пошатываюсь, все же больше не рискую упасть на чей-нибудь стол.

Вот только напротив стояла, сложив руки на груди, Сибилла. Смотрела холодно, с подозрением и неприязнью.

— Магия что, уже передается половым путем, а я и не знаю? Откуда у тебя сила?

— Длинная история.

— Я не спешу.

— Зато я спешу. Пока вы празднуете грядущее наследство, я пытаюсь придумать, как спасти вашего дядю. Утомительное занятие.

— Зачем тебе спасти Габриэла? — Сибилла прищурилась.

— Лучше задай вопрос, почему вам это не нужно.

— Я такого не утверждала.

— Ага! — Я невесело рассмеялась. — Как будто не ты наплела мне историю о безвинно умертвленном женихе, закопанном в саду. Ты явно отмечаешь в календарике дни до его казни.

— Ой, можно подумать! Нашлась Звездоликая во плоти! Можно подумать, это я наступала на него законникам.

Мы упрямо надулись. Никто не хотел уступать. Хоть у меня и не было причин оставаться в галерее, я все равно медлила и не уходила, а Сибилла почему-то не звала на помощь брата и вообще словно изучала меня.

— Ладно, допустим, я поверю, что ты не шпионишь для законников и хочешь помочь дяде.

— Вот спасибо. Премного благодарна.

— Принимаю идеи. Потому что я не то чтобы иссякла... я понятия не имею, что делать!

С Сибиллы слетела маска холодного презрения, обнажив на лице уже более человеческие эмоции: досаду, усталость и страх, в котором я узнала и свой собственный. Наверное, именно он остановил меня от побега из поместья, подальше и от изменившегося Генри и от удивившей Сибиллы.

— Ты хочешь ему помочь? — спросила я. — Но зачем? Ты ведь почти умоляла меня пойти к законникам...

— Теана! Я же не думала, что все обернется так. — Сибилла обреченно махнула рукой. — Ты бы пришла к Лотнеру, заявила, что в саду закопан мой жених. Они проверили бы сад, его там не оказалось, тебя посчитали сумасшедшей, а я бы насладились мстостью за разрушенные отношения. Что?! Ну что ты так смотришь?! Ваш брак все равно был обречен.

— Кстати о нем. Что с Генри? Он сам на себя не похож.

— А может, наоборот? Может, это и есть Генри? Ему очень нравится новый статус. На самом деле сначала все было ровно так, как я предполагала. Ты сбежала, а к нам пришли законники и перекопали сад. Ничего не нашли, извинились и пообещали компенсировать какой-то мамин драгоценный куст, павший жертвой розыскных мероприятий. А потом дядя исчез. Мы догадывались, что он поехал ловить тебя, но не особо вникали в его дела... до того момента, как его арестовали. Нам ничего не говорят, а Генри уже подсчитывает наследство.

Я снова бросила взгляд на портрет, чтобы убедиться, что мне не привиделось. Нет — в глазах нарисованного парнишки мне совсем не чудилось пугающее безумие.

— Я думаю, это он сдал нас в Фирвуде. И Габриэл знал это... или хотя бы предполагал, что его схватят, потому что вписал меня в завещание и оставил лабораторию.

Сибилла присвистнула.

— Вот это да. Должно быть, ты его зацепила. И что между вами? Секс — это точно, что еще можно делать столько времени в глуши Фирвуда? А еще? До предложения руки, сердца и котла не дошло?

— Это единственное, что тебя сейчас интересует?!

— Нет, — ничуть не смутилась девушка, — не единственное. Но и не самое последнее. Так что?

Я пожала плечами.

— Они вытащили нас со свидания. Мне бы хотелось его закончить.

— Надо убраться из дома. Если Генри узнает, что мы сговорились, он отправит нас следом за дядей.

Да уж, похоже, он способен и не на такое. Когда мы спускались вниз, я спросила:

— Почему у него на портрете такой жуткий взгляд?

Сибилла снова закусила губу. Я плохо знала привычки младшей Гримвелл, но догадывалась, что она делала это почти каждый раз, когда мучилась сомнениями. Говорить мне? Или не говорить?

— В детстве у Генри были проблемы. Он был... странный.

— Странный?

— Ага. С легкой безуминкой. Не пойми неправильно, мы все его любили, просто он слегка болел. Ходил по ночам, мучил живность и все такое. Дядя долго с ним возился, воспитывал, лечил, а в один момент мы все решили, что Генри просто перерос все это. На всех следующих портретах он уже нормальный.

Я только хмыкнула — только что в кабинете со мной говорил какой угодно Генри, но только не нормальный. А если предположить, что в детстве он и вправду был чем-то болен? Благодаря усилиям Габриэла болезнь ушла, заснула, но до конца не исчезла. Сильный стресс — а смерть и последующая измена жены в перспективе сойдут за такой — пробудил давний недуг. Возненавидев дядю за отнятую жену, Генри снова вернулся в то состояние.

Сначала подставил Габриэла.

Затем напустил жуткую тварь на меня.

А потом указал Харальду Лотнеру, где нас искать.

И теперь наслаждался победой.

Мне срочно нужны книги Габриэла!

— Это не к добру, — покачала головой Сибилла. — Он все расскажет Генри.

Я обернулась. Из окна на первом этаже, не отрывая глаз, на нас смотрел дворецкий Констанс. Мы торопливо шли к воротам, и старались делать вид, будто Сибилла едва ли не силой выставляет меня из дома, но обе понимали, что в этом мало смысла. Назад дороги нет, причем для обеих. Теперь я уже не сомневалась в том, что когда всплывет завещание, мне придется ой как туго.

- Так какой у нас план?

— Не знаю, — вздохнула я. — Надеялась, Генри бросил все силы на помощь дяде. И жестоко разочаровалась. Мне не хватит сил его вытащить, но, если что, я готова рискнуть. Надо полистать книги, может, найдется какой-то ритуал...

— Ты зациклилась на магии, Теана. Применять ее рискованно, можем обе погибнуть. Тогда Габриэл пожертвует собой напрасно.

— И что ты предлагаешь?

— Незаконные, но не магические методы воздействия на Харальда. Все обвинение строится на его работе. Никому неохота связываться с Гримвеллами, но только не ему... он скрупулезно собирает доказательства нашей связи с колдовством. И только он двигает дело дяди вперед. Надо, чтобы он отказался от этой идеи.

— Забудь. Я с ним говорила. Он фанатик.

— Любого фанатика можно подкупить.

— Не такого, как он. Я знаю, поверь. Он похоронил жену и потерял дочь, это не окупить деньгами. Он ненавидит магию всей душой и не возьмет ни гроша. Я чувствовала то же самое. Смерть близких — очень сильная мотивация. Она и от страха избавляет. Харальда Лотнера нельзя испугать и подкупить.

— Любого фанатика можно купить. Вопрос в цене.

— У нас все равно нет денег.

— А я не о деньгах. Ты думаешь, я сидела сложа руки, рыдала в кружевной платочек и ничего не раскопала? Историю Харальда Лотнера знают все. В частности то, что его дочь пропала без вести. Как думаешь, что он будет готов отдать за информацию о ней? Мы можем назначить любую цену... жизнь Габриэла, кстати, не так уж и дорога, я полагаю.

— Но у нас нет информации о дочери Лотнера.

— И что? — Сибилла фыркнула. — К тому времени, когда он поймет, что его надули, вы с Габриэлом будете рожать маленьких Гримвеллов в Эйнгории, а все доказательства будут уничтожены. Для отвода глаз подсунем ему какую-нибудь сиротку. А пока разберется, пока сообразит... нам главное выиграть время и вытащить дядю, чтобы он смог уехать. И все.

— Сибилла, — я покачала головой, — это жестоко. Нельзя лгать человеку, потерявшему ребенка. Нельзя манипулировать его надеждой.

— А смотреть, как твой близкий человек задыхается в петле не жестоко? Смотреть на его безымянную могилу не жестоко? Ну же, Теана! Ложь — ничто по сравнению с угрозой потерять Габриэла!

Оказывается, опасность магии еще и в этом. В необходимости идти против принципов, творить одно зло, чтобы избежать другого.

Класть на чашу весов чужую трагедию, чтобы не допустить свою. Приемлемо ли посыпать кровоточащую рану Харальда Лотнера, чтобы спасти Габриэла?

— Ладно, — наконец вздохнула я, — твоя взяла.

— Назначу ему встречу на вечер, — просияла Сибилла.

— Но до этого мы действительно попробуем найти его дочь.

Она так и замерла с открытым ртом. Будто смысл того, что я сказала, дошел не сразу, а если и дошел, то Сибилла посчитала меня сумасшедшей. Так оно и было:

— Ты с ума сошла! Как мы найдем пропавшую сто лет назад девочку?!

— Не сто, а не больше пятнадцати. Мы хотя бы попытаемся.

— Лучшие законники работали над этим делом! Харальд сам расследовал ее исчезновение!

— Но он не разобрался в магии. С твоими знаниями мы нащупаем ниточку, а Габриэл окажется на свободе и поможет за нее потянуть.

— Она погибла, Теана. Девочка погибла вместе с матерью.

— Но тела не нашли.

— Нет...

— Если Харальд обладает магией, то и его дочь могла. Когда на меня напала странная тварь, я до смерти перепугалась и по колдовству перенеслась в другое место. А еще раньше, скорее всего, я спаслась от ведьмы при помощи этой же магии. Почему маленькая девочка не могла? Мы с ней были одного возраста, значит, такой шанс есть.

— Да, но даже если она спаслась... — Сибилла покачала головой. — Теана, это все равно что искать иголку в стоге сена. Весь Чармерд обыскали! Беспризорная девочка бы попала во внимание законников, стражи, равнодушных людей. Харальд нашел бы ее.

— Да, я знаю. Но не могу не попытаться, понимаешь?

Его дочь могла быть в Эйнгории, могла вырасти и давно уехать, могла жить по соседству, но не оставить никаких следов. А, вероятнее всего, была просто мертва. Но я бы остаток жизни чувствовала вину, если бы не попыталась. А еще у меня был запасной план, только я не стала говорить о нем Сибилле, уж очень невероятным он казался. Если не сработает ее, возможно, и рискну, но... не сейчас. Пока есть хоть призрачная надежда заполучить информацию и выменять ее на жизнь Габриэла, я буду в нее верить.

— Хорошо, я отправлю письмо с предложением о встрече, а затем до вечера мы свободны. Какой у тебя план?

— Для начала нам нужно знать, как она выглядит. Портрет, например. Чтобы представить, как может выглядеть сейчас. А потом мы пойдем в библиотеку и поищем в подшивке объявлений о найденных девочках, в выпускных альбомах приютов и газетах похожих на нее.

— Прекрасный план. Что ж, я была не права. Иголку в стог сена найти проще. Где ты найдешь ее портрет?!

— В доме Харальда.

— Хочешь, чтобы нас посадили за взлом?! — Сибилла аж подпрыгнула на месте от возмущения. — Так мы точно дядю не спасем!

— Расслабься, МЫ ничего взламывать не будем. Ты будешь следить за домом и, если Харальд вернется, подашь мне знак. А я перемещусь прямо внутрь дома, поищу портрет и все, что может натолкнуть нас на след, а затем вернусь обратно. Если вдруг меня поймают, то ты воспользуешься своим планом и вытащишь Габриэла. А я все равно выйду максимум через год, за взлом не казнят.

Ну или Габриэл меня спасет, если будет способен, конечно. И если захочет.

— Ты сумасшедшая. Ладно, уговорила, я в деле. Все лучше, чем мучиться в неизвестности перед вечером.

— Ты знаешь, где живет Лотнер? Сейчас он на работе, — я взглянула на карманные часы, — лучше бы нам успеть до его возвращения.

— Знаю. Идем.

Сибилла решительно двинулась к одному из переулков, но через несколько шагов остановилась. Обернулась, смерила меня задумчивым взглядом и сказала:

— Должно быть, ты и правда любишь Габриэла.

Я пожала плечами.

— Однажды я уже клялась в любви, это оказался опрометчивый поступок.

Теперь, наверное, я вряд ли рискну произнести эти слова вслух. Но у меня хотя бы должен быть шанс — говорить «я люблю тебя» у могилы еще печальнее, чем не говорить вообще.

Глава одиннадцатая

Ничего не получится.

Я смогу.

Габриэла казнят, пока мы пытаемся проникнуть к Харальду.

Я обязана попытаться. Я обещала маме.

Противоречивые мысли мешали сосредоточиться. А еще мешала Сибилла, которая слишком шумно вела себя: дергалась, ерзала, вздыхала. Мы прятались в тени деревьев возле дома Харальда. Темные окна пугали неизвестностью. Что я творю?! Он же законник! В доме может быть охрана.

— Какая охрана у законника, презирающего магию? — разумно возразила Сибилла. — Электричество дорогое. Лотнеру доступны только засовы.

Это слегка успокоило, и я вновь поймала настрой. Не так-то просто оказалось управлять магией! Это все равно что заставить себя чихнуть: можно в красках представить процесс и даже убедить себя, что все вот-вот случится, но все равно чихнешь в самый неожиданный момент.

Я не могла ждать момента, у нас не было времени. У Габриэла не было времени!

Мир закружился, я вместе с ним. Не паниковать и сосредоточиться на доме Харальда стоило нечеловеческих усилий. Открывая глаза, я ждала обнаружить себя где угодно: в приюте, на бывшей работе, в Фирвуде, о котором мечтала и одновременно старалась не думать.

Взгляд уперся в стену. Ни фото, ни портретов, только выдавшая виды рамка с сертификатом законника — их всегда вешали на видное место, на случай если в дом залезут. Вот прямо как я сейчас.

Зато у меня получилось! Почти впервые в жизни получилось использовать магию по собственному желанию. Я едва не запрыгала от радости, но сдержалась. Времени не было! Мне нужен портрет жены Харальда и... его собственный. На всякий случай.

Со вторым могло быть много проблем, ведь за исключением Генри я не знала никого, кому бы нравилось позирование. В доме

Харальда вообще могло не быть портретов, но в кабинете мне повезло.

Портретов девочки было много, даже спустя столько лет Лотнер работал над поисками дочери. Сердце сжалось за него. Я бы тоже искала. Я бы жила поиском, если бы был хоть один шанс, что родители живы.

Лихорадочно трясущимися руками я перебирала газетные вырезки и портреты в поисках того, который можно было незаметно стащить. Портреты Харальда тоже были, но ни одного современного. В книге с ритуалом ничего не говорилось насчет свежести портрета, а спросить было не у кого.

На один портрет я наткнулась случайно, он выбивался из общей подборки и явно был взят из личного архива. Четыре человека, две счастливые пары. Молодые Харальд с беременной женой, улыбающиеся с потертого куска холстины.

А рядом с ними — я не верила своим глазам — мой отец.

Погибший от пыток ведьмы, ценой жизни защитивший меня. Оказывается, из памяти стерлись некоторые его черты, и я будто окунулась в омут прошлого, взглянув на портрет, неведомо как оказавшийся у Харальда Лотнера.

— Теана!

Я взвизгнула, подскочила и едва не исчезла тут же, едва ощутив чужое присутствие. Но Сибилла вовремя схватила меня за руку, не позволив испариться.

— Стой! Это я!

— Что ты здесь делаешь?!

— Мне стало страшно! Там деревья, темно! С тобой спокойнее.

— Но ты должна следить за входом.

— Да брось, мы услышим, если кто-то войдет.

— Но я едва управляюсь с магией сама. Сибилла, я не смогу вытащить нас обеих.

Вряд ли младшая Гримвелл вообще меня слушала. Она с интересом осматривала жилище Лотнера, несколько аскетичное.

— Нашла что-нибудь?

Я колебалась. В том, что когда-то папа и Харальд были знакомы, не было ничего зазорного, но я уже убедилась, что ничего не бывает просто так.

— Это его жена? — Сибилла заглянула через плечо. — А это что за мужик, интересно? Может, разыскать его? Наведет на след или повлияет на Лотнера.

— Он мертв, — тихо ответила я.

— Откуда ты знаешь?

Пришлось признаться:

— Это мой отец.

— Врешь!

— Зачем?

— Твой отец знал Лотнера? Но почему он не знал тебя? Или узнал, но промолчал?

— Хороший вопрос. Понятия не имею. Они одного возраста, возможно, вместе учились.

— А в вещах твоих родителей нет зацепок?

— Мне почти ничего не осталось. Я была ребенком, когда они погибли. А пока подросла, от их вещей почти ничего не осталось. Все растащили.

— Жаль, — вздохнула Сибилла.

— Да, мне тоже.

Только совсем по другой причине. Изображение отца всколыхнула улегшиеся было чувства. Я никак не могла смириться с теорией Габриэла о том, что родители были магами. Задавала себе вопрос "Что бы папа сказал, увидев меня сейчас, роющейся в чужих вещах, вломившейся в чужой дом?".

Мне бы хотелось, чтобы он понял. Мне бы хотелось, чтобы он был жив.

— Так как погибли твои родители?

Бесцеремонность Сибиллы порой поражала. Она давно углубилась в недра дома, но не забывала болтать.

— Их просто убила колдунья?

— Да. — Я пожала плечами. — Габриэл считает, что это были разборки между магами. А я спаслась, потому что уже тогда умела перемещаться.

В гостиной ничего не было, в столовой тоже. Я услышала, как Сибилла поднимается вверх, в спальню и кабинет. Вряд ли Харальд хранил документы или портреты в кухне, так что я поспешила за ней.

Возле лестницы тоже висели портреты. Остановившись, чтобы рассмотреть их, я потеряла Сибиллу из виду, но продолжала с ней говорить.

— Воспоминаний почти нет. Встреча с колдуньей стерла все, что было до. Почти не помню маму и папу. Что до Лотнера, то я ведь была ребенком. А дети быстро меняются. Он мог и не понять, что невеста Генри — сиротка его бывших друзей. Только неясно, как он не заметил магию, если она была... Сибилла?

Я нахмурилась. Наверху было удивительно тихо.

— Эй! Ты там?

Ответом стал звон стекла, резанувший по ушам. Я молнией взлетела по лестнице, распахнула дверь в спальню и удивленно оглядела царивший бардак.

Портреты, газетные вырезки, альбомы. На всех Харальд, его жена и маленькая девочка лет четырех, а еще... еще мой отец. Он был не просто другом или знакомцем, он знал Харальда очень хорошо. Неужели Лотнер не поднял из архива мое дело и не понял, чья дочь перед ним? И где, Звездоликая ее разрази, Сибилла?!

Звон исходил от чашки с недопитым кофе, разбившейся на myriad осколков. На полу расплывались безобразные темные пятна, а створка распахнутого окна поскрипывали на ветру.

Я не до конца понимала, что нашла здесь сестра Генри и как собиралась это использовать, но уже догадывалась, что придется задействовать план "Б", ибо в плане "А" для меня не оказалось места.

Надо было сматываться, и я решила пойти тем же путем, что и Сибилла. Берегла магию на крайний случай. Только схватила из горы портретов тот, где был молодой Харальд и еще зачем-то тот, что с отцом. У меня осталось совсем мало памяти о родителях. Нехорошо брать чужое, но желание оказалось сильнее меня. Хотелось верить, что однажды я спрошу Лотнера о его знакомстве с отцом, но на самом деле изнутри меня жгло противное чувство. Я прекрасно понимала, что оно значит, но упрямо отмахивалась. И целеустремленно шла к святой святых Габриэла Гримвелла, к библиотеке и лаборатории. Чтобы сделать то, чего никогда не делала ради мужчины, в которого не стоило влюбляться.

Лаборатория мне еще не принадлежала, так что и в нее предстояло вломиться. И если с домом Харальда я почти не

сомневалась, то сейчас глубоко задумалась. Наверняка на собственности Гримвеллов стоит какая-то магическая защита.

Потом на помощь пришли две логические мысли. Первая: официально это библиотека, и, если бы Гримвеллы выставили магическую защиту, то выдали бы себя. А не магическую я обойду. И вторая: вдруг Габриэл знал, что Генри может повести себя так неожиданно, и оставил для меня лазейку?

Времени было мало, Сибилла назначила встречу с Харальдом на вечер. Всего несколько часов, чтобы найти лабораторию, проникнуть в нее, разыскать инструкцию к ритуалу и попробовать его провести. Звездноликая, что я творю?! В свое время это не получилось у Габриэла, с чего я взяла, что получится у меня?

Но страх, липкий и жалящий страх, что наутро я прочту в газете некролог Габриэла Гримвелла, упрямо гнал вперед. Вскоре я уже стояла перед небольшим непримечательным зданием, на бронзовой табличке рядом с которым было написано, что это усадьба принцессы Фифи, памятник исторического значения, в котором ныне располагается частная библиотека.

На безлюдной тихой улочке никого не было, но я все равно на всякий случай обошла дом дважды, пока не нашла укромное местечко и не спряталась там, надеясь сосредоточиться и вновь призвать непослушную магию.

Я клялась прилежно учиться остаток дней, сделать все, чтобы получить возможность свободно колдовать, заниматься благотворительностью и продолжать дело Габриэла, лишь бы судьба позволила мне сейчас проникнуть в лабораторию. Почти молилась, съездившись возле оградки, в тени пышного кустарника.

Второе перемещение далось куда сложнее первого, земля ушла из-под ног, а к горлу подкатила тошнота. Я потерялась в пространстве, жадно хватала ртом воздух, а потом врезалась в какой-то шкаф. Попадали книги, раздался звон стекла, и я замерла, обратившись в слух. Если кто-то услышит...

Зрение восстанавливалось постепенно, но времени приходит в себя не было. Я метнулась к двери в конце читального зала, пошарила за фальш-полкой и нащупала ключ. Об этом рассказывал Габриэл как-то ночью, когда мы валялись у него. Лабораторию скрывал забавный механизм, я понятия не имела о существовании таких, но уже после

ареста Габриэла читала, что среди магов бывают и талантливые технари, а для сокрытия тайн есть множество устройств.

Официально за дверью был книжный склад, где хранились не востребуемые и устаревшие издания, периодика, библиографии членов семьи. Ключ от двери висел на видном месте в кабинете, и всякому, кто изъявлял желание провести осмотр склада, демонстрировалось небольшое помещение с рядами стеллажей и грудями книг. Но если взять потайной ключик за фальш-полкой, под чуть выступающим кирпичиком, то за дверью оказывалось вовсе не хранилище.

Я поежилась и сглотнула, увидев освещенные красноватым светом ступеньки, уходящие глубоко вниз. Мне нечего было бояться в лаборатории Габриэла, даже Генри не знал, как туда войти, но я все равно боялась. Магия слишком стремительно ворвалась в мою жизнь. Еще недавно я бы грохнулась в обморок, увидев чадающие красные свечи вдоль коридора, ведущего к алтарю, а сейчас заставляла себя делать шаг за шагом, в направлении к цели.

Разве мне хватит решимости провести ритуал, если я даже спуститься боюсь в эту лабораторию?!

Надо идти. Путь к алтарю не такой уж и страшный. В лаборатории не оказалось жутких тварей, трупов, костей под ногами и потеков крови. Я тщательно проверила дверь, чтобы никто не вломился в разгар ритуала, а затем дрожащими руками извлекла из кармана пальто сложенный вчетверо листок. Надеюсь, безжалостно порванная книга простит меня, разгуливать с томиком колдовских обрядов было бы безумием, а ритуал был мне необходим!

Обычно я долго настраивалась на все важные дела, но в этот раз действовала быстро. Расставила по углам алтаря свечи, разделась и опустилась на колени. От пола веяло холодом, но дрожала я, конечно, от волнения. Не знаю, что пугало больше: то, что ритуал не сработает или что магия отзовется, а я не сумею с ней справиться. Я слышала много жутких историй, как маги в муках погибали, превращались в кровожадных монстров, беря на себя слишком много власти. Правда, то были истории от учителей, воспитателей и законников, приходивших в приют, так что сколько в них было правды, я не знала.

— Да пусть все катится в бездну, — пробормотала я. — У тебя все равно никого нет. Ни семьи, ни дома. Сдохнешь и сдохнешь, могла

тысячу раз до этого.

Слегка разозлившись, я взяла в руку серебряный кинжал. Зная, что решаться надо одним мигом, с шумом выдохнула и полоснула себе по ладони. Алая кровь брызнула на темный камень алтаря, несколько капелек подобралась к краю и стекли мне на колени.

Боль была адская. Говорят, больнее всего резать пальцы и ладони... что ж, сейчас я с этим была всецело согласна.

Нараспев читала заклинание. Не так красиво и плавно, как получалось у Габриэла в тот вечер, когда я застукала его за ритуалом. Рвано, тихо, почти без интонации, ибо хитрые переплетения слов было трудно рассмотреть в полумраке. В груди гулко билось сердце.

Свечи мерцали.

На стенах мне чудились зловещие тени.

«Я не делаю ничего плохого, мама. Клянусь! Я лишь хочу вытащить Габриэла... ведь это не плохо, да? Спасать любимого человека — не плохо? Я только разбужу силы Харальда, чтобы он понял, чтобы помог нам...».

Я могла сколько угодно убеждать себя, что и впрямь верю, будто Лотнер за пару часов пройдет путь, на который мне потребовалось несколько недель. Но, конечно, я будила его магию совсем не для этого, хоть и ненавидела сама себя.

В книге не было детального описания ритуала, и я не знала, что должно произойти, но, едва последние звуки заклятья стихли, лаборатория погрузилась во мрак. Погасли все свечи разом, воцарилась зловещая тишина, которую нарушало лишь мое поверхностное дыхание.

Мощным порывом ветра меня отбросило к стене. Острые камни впились в спину, а потом я упала на пол, чувствуя, как через тело проходит обжигающе горячий ветер, как остается в груди и вновь разжигает угольки, которые причиняли невыносимую боль, когда это делал Габриэл в Фирвуде.

Уже когда силы покидали, я отчетливо поняла, что почувствовала боль не случайно. И Сибилла догадалась до того, что я предпочла не заметить. Между отцом и Харальдом Лотнером действительно было связующее звено, и его не нужно было искать.

Этим звеном была я. Я — общий элемент в двух уравнениях.

К счастью, при мне были часы. Или к несчастью? Придя в себя я первым делом посмотрела на циферблат и почувствовала, как ледяная волна ужаса захлестывает с головой. Встреча Сибиллы и Харальда уже началась! Я опоздала!

Судорожно одеваясь, я даже не успела ужаснуться зловещего света, падающего на алтарь и собственного вида. Почти зажившие после спонтанного перемещения ссадины сменились новыми: я крепко приложилась о стену. А еще внутри поселилось противное ощущение, нечто среднее между голодом и тошнотой. Похоже, именно так выглядит до дна вычерпанная магия.

Но думать об этом не было времени. Я или безнадежно провалилась, и тогда Габриэлу конец, или все получилось, и тогда я до конца жизни буду винить себя за то, что натворила.

Пришлось нанять воид, чтобы как можно скорее добраться до парка. Сибилла назначала там встречу наверняка в надежде найти безлюдный уголок, но вечер выдался на редкость теплый, а потому народ не спешил расходиться по домам. Я неслась по аллее, высматривая знакомые фигуры, заглядывая в каждый укромный уголок, что только могла найти. Ужасно боялась, что Сибилла знает этот парк гораздо лучше меня, она ведь жила неподалеку, она бывала здесь сотни раз, в то время, как я довольствовалась парками в бедной части города.

Но должно же мне повезти! Я знаю, что уже говорила это, но в последний раз! Только бы найти Лотнера и Сибиллу... когда взгляд наткнулся на них, я резко остановилась. В скрытой от случайных прохожих беседке неспешно беседовали Харальд и сестра Генри. С такого расстояния нельзя было понять, о чем они говорят, и я, пригнувшись, подкралась поближе.

Сначала оценю ситуацию, а потом решу, что делать.

Но как же страшно! Неужели мой ритуал не сработал?! Харальд не выглядит взволнованным или испуганным, его сила не пробудилась? Или проявится чуть позже? У нас нет времени! У Габриэла нет времени!

— Почему я должен помогать выскочке Гримвелл?

Харальд был спокоен, и по обыкновению на его губах играла усмешка. Он был уверен, что загнал Габриэла в угол, а теперь наслаждался агонией его семьи. Это месть. И я не знаю, как к ней относиться.

— Он мой дядя. Он вырастил меня. И никогда никому не делал зла.

— А пропавшие девушки?

— Я ни за что не поверю, что вы не нашли ни одну. Вы умный детектив, господин Лотнер. Вы знаете, что девушки в Эйнгории, что они — колдуньи, и что Габриэл спас их от вашего суда!

Харальд рассмеялся.

— Милая Сибилла, я бы сказал, что вы наговорили еще на один смертельный приговор для вашего дяди. Жаль, что не могут казнить дважды.

— Мы ничего не сделали! Мы не монстры, мы люди! Вы не можете лишить нас близкого человека!

— Меня лишили! — рявкнул Лотнер.

Сибилла вышла из-за скрывающей ее листвы ближайшего дерева, и я поняла, что в ее голосе было куда больше драмы, чем в душе. Она намеренно выводила стража на эмоции.

— Тогда вы понимаете меня. Понимаете, что такое тоска по близкому человеку. Понимаете, что такое потерять того, кого любишь.

— Не я начал войну, леди Гримвелл. Габриэл, к вашему сведению, выразил благодарность, что я не впутываю в нашу войну его племянников и сестру. Уважайте его смирение, леди Гримвелл.

— А если я скажу, что у меня есть информация о вашей дочери?

Лотнер рассмеялся, но мне почудилось в его смехе напряжение. Пока еще слабое, то, которое испытывает человек, ожидая болезненного удара.

— Прекратите, Сибилла. Я не юнец, только-только окончивший корпус стражей. Меня не взять на дешевые уловки.

— Дядя искал вашу дочь все эти годы. Я лишь завершила его работу. Ни за что не поверю, что вы уйдете, не попытавшись выяснить, что мне известно. А известно мне многое. Имя, место проживания, история бедной девочки, чудом выжившей много лет назад.

— И что мне мешает просто выбить из тебя всю информацию?

— То, что я умею молчать, Харальд.

Из волнуемой за дядю девочки, умоляющей стража о пощаде, Сибилла превратилась в холодную беспринципную стерву. Вот это способность! Мне бы такую... хоть половинку.

— Я найду, на какие точки надавить. У вас есть брат, матушка... будет обидно потерять еще и их, да, Сибилла?

— О, безусловно, — она просияла так, словно ей предложили подарок, — и еще обиднее выбить из меня правду и обнаружить, что я успела добраться до вашей дочурки раньше.

Она склонилась к Харальду, кончиком кудряшки пощекотала его щеку и кокетливо хихикнула.

— Вы не стали втягивать меня в войну с Габриэлом. Хотите, начнем собственную? Вам еще предстоит найти доказательства того, что я — колдунья. А ваша девочка увидит их воочию...

— Что тебе нужно?

— Свободу для Габриэла.

— Исключено.

— Если ваша дочь найдется, противостояние потеряет смысл.

— Моя жена все равно мертва.

— Логично. Тогда жертвуйте и дочерью, что ж теперь.

Повисла напряженная пауза, во время которой я старалась не дышать. Что она творит? Он ни за что не согласится отпустить Габриэла без гарантий!

— Хорошо.

— Уничтожьте дело на моего дядю.

— Сначала имя.

— Дело!

— Имя, Сибилла, иначе твоего дядю повесят. Я давно смирился с тем, что моя дочь мертва, смирюсь и на этот раз. Скажешь имя — я на твоих глазах уничтожу дело Габриэла.

— Теана Гримвелл.

Я закрыла глаза. Сибилла! Дурочка! Я надеялась, у нее есть нормальный план. А теперь вся надежда на мой, а я понятия не имею, сработал ли он, в то время как отведенные Габриэлу часы стремительно утекают сквозь пальцы.

Харальд расхохотался. Другой реакции можно было и не ожидать, все это выглядело, как наспех придуманный кем-то сюжет. Или пазл, в котором не хватало деталей. Вряд ли они были у Сибиллы, но я все

равно не спешила покидать укрытие. Да и что бы сделала? Ритуал, кажется, не сработал, Харальд не проявлял магию.

— Придумала бы что-то более убедительное. Знаешь, Гримвелл, ты могла назвать любое имя, выдумать его, солгать. И я бы, вероятнее всего, повелся из-за тупой надежды. Но я и представить не мог, что ты такая глупая девочка. Ступай домой. И начни новую жизнь, тебе ее подарил дядя.

— Стой!

Сибилла крепко вцепилась в руку Лотнера.

— Подумай сам! Теана Гримвелл умеет перемещаться в пространстве, я сама видела! Так она спаслась от колдуньи, которая убила ее родителей. Переместилась! И так же она спаслась тогда, когда погибла твоя жена!

— Бред.

— Тело твоей дочери не нашли. Куда оно делось?

Харальд молчал. Мое сердце билось с такой силой, что, кажется, вот-вот было готово замереть навсегда.

— Она испугалась, магия выплеснулась — и Теана переместилась к человеку, который мог защитить ее. К человеку, которого она знала. К тому, кто часто бывал в вашем доме. К ее отцу, Лиаму Вуденбергу. Почему господин Вуденберг вдруг взял фамилию жены? Почему они уехали на год, якобы в Эйнгорию? Почему оборвал с тобой, Лотнер, связи? Потому что он знал, что случилось. Знал, что ты не принял магию, понял, что девочке с тобой опасно. Выдавал Теану за свою дочь, держал ее подальше от тебя.

— Замолчи...

— Он ее отец, она сама мне сказала. Вы ведь дружили. Ты даже не знал, что у него есть дочь. Не кажется странным?

Я сейчас хорошо понимала чувства Лотнера, потому что тоже не хотела слушать. Но не могла сдвинуться с места, замороженная торопливым и эмоциональным голосом Сибиллы. Она искренне верила в то, что говорит, использовала свой козырь. Зная, что я никогда не позволю ей сказать такое, никогда не поверю в эту безумную теорию, она сбежала и решила действовать сама.

— Все это звучит странно, как череда невозможных и нелепых совпадений. Но только потому что ни ты, ни Теана, ни дядя не видят очевидных звеньев цепи. Генри — золотой мальчик Генри, чудом

излечившийся от душевной болезни. Генри, меняющий девушек как перчатки. Приводит вдруг в дом безродную гувернантку и собирается жениться! Да мы вообще думали, что он женится только под угрозой закопать его в саду! А тут Теана... красивая, бедная и неприемлющая магию. Всем было сложно поверить в искренность чувств Генри.

Да, и только я вверила и в них, и в свои чувства. Наделав кучу ошибок.

— Дядя тоже искал причину. Носом землю рыл, чтобы понять, зачем она Генри. Докопался до спящей в Теане магии и успокоился — племянник пошел по его стопам, спасает невинных колдуний. Вот только Генри плевать на спасение. Он не излечился от болезни, он сросся с ней и научился ее принимать. Мы вместе росли, я знаю его. Перед Генри тогда стояли две задачи: уничтожить Габриэла, чтобы получить деньги и власть и обезопасить себя, уничтожив законника, годами пытавшегося подловить нас на магии. Первую задачу он успешно решил при помощи Теаны, а вторую... ему нужен был рычаг давления, и он стал искать твою дочь. Быстро сообразил, что к чему, нашел Теану и запудрил ей мозги. Ему не повезло, что Теана оказалась с характером и сбежала. Но он и это использовал для себя, сдав их в Фирвуде. Теперь Генри на коне: Габриэла казнят, а жена считается предательницей. В нужный момент он разыграет карту твоей дочери — и ты, Харальд Лотнер, превратишься в послушную марионетку Генри Гримвелла. Будешь выполнять все, что он прикажет.

Сибилла замолчала, чтобы перевести дух. Я поморщилась, вдруг почувствовав странный болотистый запах, как от гнилой листвы. Он отвлекал от разговора и навевал какой-то неясный страх.

— Как только Генри расправится с тобой, Теана перестанет быть ему нужна. Твоя дочь отправится следом за твоей женой и людьми, которые ее вырастили. Помоги ей. Отпусти Габриэла. Он любит ее, он сможет ее защитить. Ты не сумел уберечь ее в прошлом, убереги сейчас, наступи на горло принципам, потому что твоя дочь жива, Лотнер. Она жива и она маг. Ты или смиришься с этим, или так и останешься один.

Запах усиливался. Теперь я уже не могла отмахиваться от него, и начала крутить головой в поисках источника. Что-то жгут? На гарь не похоже, скорее на гниение влажной листвы или стоячую воду под цветами. Только усиленный во много раз, проникающий в поры,

мгновенно пропитывающий одежду. Я едва сдержалась, чтобы не закашлять, а потом изумленно наблюдала, как листва прямо на глазах превращается в черную склизкую гадость.

Как проклятье, гниение распространялось с невероятной скоростью! Трава под ногами мерзко хлюпнула, и я выскочила из укрытия, не в силах больше выносить этот запах.

— Сибилла!

Если сестра Генри и удивилась, увидев меня, то не подала виду, только нахально улыбнулась и сложила руки на груди. А вот Харальд посмотрел с удивлением и, пожалуй, настороженным интересом. Его можно было понять, мне и самой смертельно хотелось замереть и отыскать в изможденном лице схожие с моими черты.

— Что ты творишь?!

— А что я творю? Прости, Теана, но ты бы никогда не позволила этому разговору случиться. Ты упрямая и глупая, а я знаю о своей семье чуть больше. Мы все думали, зачем Генри женился на такой, как ты. Наконец-то эта загадка решена.

Очень захотелось дать Сибилле подзатыльник. Просто за лицемерие и подковерные игры, из-за которых все и завертелось. Сначала она старательно подталкивала меня к законникам, а теперь героически спасала Габриэла и походя рушила мои устои.

— Не время для разборок. Как остановить это?!

Я ткнула пальцем в дерево неподалеку. Оно уже скрючилось и сочилось темной жижей, а вокруг догнивала россыпь яблок. Сибилла побледнела. Харальд застыл, как вкопанный.

— Эт-то не я... — наконец проговорила девушка. — Я... дядя о таком рассказывал. Это одна из природных способностей. Искаженная подавлением и вырвавшаяся на свободу...

Ой. Похоже, это я. Точнее Харальд, чьи силы должен был пробудить ритуал. В моем представлении с законником должно было случиться что-то прекрасное. Или забавное. Или полезное. Как сонной, например. Но я совершенно не ожидала, что его сила примет такую форму. А ведь это то, от чего нас защищал Габриэл.

Я почувствовала растерянность Лотнера, а еще заметила, как он инстинктивно отшатнулся, словно боялся ненароком нас задеть. И по взгляду, застывшему на искореженном створе, я поняла, что однажды

Харальд Лотнер уже видел подобное. По коже прошелся мороз: я невольно задумалась о том, как погибла его жена.

— Колдун! — закричала какая-то женщина.

Люди стремительно покидали парк. Гниение уже отвоевало его большую часть.

— Вызовите стражей! Кто-нибудь! Это колдовство!

Не думая о том, что могу пострадать, я мертвой хваткой вцепилась в руку Лотнера, который очнулся от ступора, и полез было во внутренний карман за удостоверением.

— Не смейте! Любой законник поймет, что это ваша магия. Окажетесь по соседству с Габриэлом...

— Да плевать, — хрипло отозвался Харальд.

Наверное, в первый раз это было не так разрушительно. Сейчас законник был готов добровольно отправиться на казнь, лишь бы все живое вокруг него перестало стремительно погибать.

Но я не погибла. Все еще не отпускала его руку, и была жива и здорова.

— Мы ее найдем! Вашу дочь! Я не верю Сибилле, но мы найдем ниточки, разыщем ее, сделаем все, что сможем. Харальд! Мы сейчас уйдем, а вас арестуют и казнят. Вы так и не узнаете, жива ли ваша дочь. Помогите Габриэлу! Уничтожьте улики и выпустите приказ о его освобождении, пожалуйста! Это нужно сделать до того, как вас опишут законникам. Габриэл поможет нам всем скрыться в Эйнгории.

Он колебался, а народа тем временем становилось все меньше и меньше. Я с ужасом ждала, когда услышу сирену воидов стражи. Но в то же время прекрасно понимала Харальда. Если он откажется, мне нет смысла бежать и прятаться, мне будет плевать, посадят меня или отпустят, или вовсе казнят.

— Дайте нам шанс! Дайте мне шанс... на случай, если вы все же мой отец.

Аргумент подействовал, по крайней мере, в глазах Лотнера появилось осмысленное выражение.

— Харальд, нужно уходить. Я вас умоляю. Отпустите Габриэла, и я клянусь — мы сделаем все, чтобы найти вашу дочь... кем бы она ни была. Если она жива, ей нужен живой отец, пусть даже и колдун. Поверьте мне, пожалуйста, я знаю. МНЕ нужен живой отец.

— Хорошо, — спустя долгую минуту прозвучал приговор. —
Этого сукина сына чертовски любит Звездолика. Знали бы вы, леди
Гримвелл, сколько раз Габриэл был на самом краю.

Глава двенадцатая

— Ты что творишь, дурочка?!

У меня перехватило дыхание. Может, от ласкового бархатистого голоса, а может от сильных рук, сомкнувшихся на талии. Я вдохнула знакомый запах и носом уткнулась в плечо Габриэла. Заключение почти не сказалось на нем, только привнесло в облик капельку усталости. Но он все еще выглядел таким, каким я его запомнила: уверенным в себе, абсолютно спокойным, что бы вокруг не происходило.

И я лишилась разом всего самообладания. Меня била крупная дрожь, а слез не было, потому что их в принципе не осталось. Я устала плакать, даже от облегчения.

— Я ведь оставил тебе деньги. Дом. Ты должна была уехать, Теана!

Габриэл ругал меня так, что слушать можно было вечность. Улыбался, тихо шептал мне на ухо, что обязательно накажет, а еще гладил спину. Сил не осталось, и я просто обвивала его шею, тяжело дыша.

— Почему ты не уехала в Эйнгорию, Теана? Скажи мне.

— Я...

Сказать не так уж и просто. Можно рискнуть ради мужчины всем, но признаться, что ты не видишь смысла без него жить, ужасно страшно.

— Генри поехал крышей, — не выдержала Сибилла. — Он бы избавился от нее, не говоря уже о наследстве.

Кажется, Габриэла это не удивило. Не выпуская меня из рук, он обнял племянницу и ласково чмокнул ее в макушку:

— Ну что, вредительница? Отомстила?

— Прости.

— У Теаны проси прощения, она две недели под замком из-за тебя просидела.

— Не сказать, что ее это расстраивает.

— Как вы меня вытащили? Что сделали?

— Это очень длинная история, — вздохнула я. — С огромными темными пятнами.

— Сделай краткий пересказ. Ночью расскажешь подробнее.

Я покраснела, попыталась высвободиться и привести себя в порядок, но Габриэл не позволил. Мы вместе сели на небольшой диван в кабинете Харальда. У меня ужасно быстро билось сердце, и даже переплетенные пальцы наших рук не унимали волнение. Я не смогла бы связно рассказать, как мы все очутились здесь, и была благодарна Сибилле за то, что она взяла это на себя.

— В общем, все началось еще раньше, когда Генри решил жениться на Теане. Он давно мечтал загробастать семейные денежки и устранить тебя, дядя. Поэтому начал искать способы. Ему отлично подошел Лотнер, который ненавидел нашу семью и в особенности тебя. Но Лотнер тоже мог стать угрозой, особенно после твоей казни. Тогда Генри принялся искать дочь Харальда. И нашел.

— Мы не знаем точно, — пробормотала я.

Габриэл казался шокированным, а Сибилла пропустила мою фразу мимо ушей.

— Тогда Генри познакомился с сироткой, заставил ее поверить в неземную любовь и женился, чтобы потом использовать в нужный момент. План был идеален, но тут в игру вступили мы с тобой. Ты распознал в Теане мага, а я решила отомстить за сорвавшуюся свадьбу и этого мерзкого предателя, жаль, что его не закопали в саду.

— Сибилла, — нахмурился Габриэл.

— Что? Он продал меня! А клялся в любви!

— Не отвлекайся.

— В общем, Теана сбежала. Ты отправился за ней, а Харальд снова начал под нас копать. Генри как-то смекнул, что это его шанс.

— Да, я говорил с ним. — Габриэл кивнул. — Сказал, что если Лотнер все же добудет доказательства, он должен будет дистанцироваться от меня и представить все так, будто я похитил Теану, сбежав от семьи.

— Так он и поступил. Не стал ждать, когда Лотнер что-то нарост, а на блюдечке принес ему ваше укрытие в Фирвуде.

— Не только, — сказала я, — он пытался убить нас. Или запугать, я не знаю. Там, в поместье, у твари были его глаза. Я видела на портрете...

— Да, похоже, малыш Генри сбегал из дома, чтобы порезвиться с кровавыми ритуалами и невинными жертвами в заброшенном загородном доме, — фыркнула Сибилла.

Порой меня поражала ее циничность. Хотя в некотором роде и восхищала.

— В общем, вас было двое, вас кто-то сдал. Тебя арестовали, а Теану отпустили. И, после того, как Лотнер отправил бы тебя на виселицу, Теана послужила рычагом давления на него. Не знаю, каким именно. Может, Генри бы выторговал себе неприкосновенность, а может, просто уничтожил все намеки на нашу семью у законников. Он не делился с нами планами. Ну и пока ты наслаждался тюремной едой, Теана решила действовать. Сначала отправилась к бывшему муженьку, где у нее наконец-то открылись глаза на мразь, которой она клялась в любви. А потом ей встретилась я, и мы вместе разработали план.

— Да, только ты бросила меня в чужом доме, едва получила нужную информацию. И шантажировала Лотнера дочерью. Вы с Генри и вправду брать с сестрой, — хмыкнула я.

Злость на Сибиллу еще не утихла.

— Можно подумать, ты молилась Звездоликой и очищала душу. Кто пробудил силы Харальда так, что теперь бедняга в шаге от виселицы?!

— Ты пробудила силы Харальда? — ахнул Габриэл.

— Ага.

— Как?

— Посмотрела ритуал в одной из твоих книг.

— Ритуал?! Вот так сразу? Теана, девочка, о чем ты думала?!

— О тебе! — рявкнула я. — И немножко о себе. Не хочу погибать во цвете лет от руки безумного Генри.

Габриэл мрачнел на глазах. Он вряд ли ожидал, что все будет так плохо. А ведь это совсем не конец, мы всего лишь вытащили его из тюрьмы. Но вряд ли Генри Гримвелл сдастся без боя. Он безумен, а безумие не слушает доводы разума.

— Я запру его в лечебнице до конца его дней, — сквозь зубы процедил Габриэл. — Идем.

— Подожди, — снова вздохнула я. — Еще кое-что. Я обещала Харальду, что ты поможешь ему скрыться от законников и найти дочь. Или доказательства того, что эта дочь — я.

— Скрыться от законников? Что он натворил?

— Его сила проявилась в парке. Мы быстро оттуда сбежали, но Харальда видели и назвали колдуном. Я пообещала, что ты сможешь скрыться и разыскать дочь в обмен на то, что он отпустит тебя и уничтожит все улики.

Сибилла взглянула на часы.

— Да, и у нас не так много времени, стража наверняка уже в парке, рисует портрет опасного мага.

— Прости, — я развела руками, — не хотела напрягать тебя после освобождения, но выбора не было.

— Хорошо. — Габриэл кивнул. — Тогда Генри подождет. Я хочу увезти тебя, Харальда и Сибиллу в Эйнгорию.

— Что?! Нет! Я не отпущу тебя одного к Генри! — воскликнула я.

Перед глазами все еще стоял его безумный взгляд.

— Теана, — мягко улыбнулся Габриэл, — я в тысячу раз сильнее него. А вот битву с законом могу и не выдержать. Я чист перед стражами, но вас могли заметить с Лотнером. Не бойся. Я приеду как только смогу, а когда станет безопасно, перевезу вас обратно в Чармерд. Вы достаточно сделали. Намного больше, чем могли.

Мне не хотелось снова расставаться, но, по правде говоря, я даже не знала, вместе ли мы. Сознательно ушла от его вопроса «почему» и не задавала свой. Просто радовалась, что Габриэла не казнили, что он снова меня защищает и что удастся сдержать слово, данное Харальду. Звездоликая, как же все сложно! Это как огромный клубок ниток, чтобы распутать который нужно потратить уйму времени и сил.

— Где Лотнер? Нужно ехать. Я закажу частный рельсовый воид. Сибилла будет вашим прикрытием, она умеет играть взбалмошных аристократок, отправляющихся на отдых.

— Играть? — Сибилла хохотнула. — О, нет, я их не играю. Просто в обычное время я сдерживаюсь.

— Рад слышать. Теана? Тебе что-то нужно забрать? Лабораторию и книги оставь, тащить с собой магические штуки опасно. Деньги у вас будут.

— Ничего. Мне ничего не нужно.

Кроме ответов и того, чтобы Габриэл был рядом, но это сейчас несбыточные мечты.

Хмурый Лотнер встретил нас в холле управления и, кажется, так и не смирился с тем, что приходилось делать. Во взглядах, что он кидал на Габриэла, светилась неугасаемая ненависть. На меня он старался не смотреть, и я отвечала тем же.

Воид домчал нас до станции, где уже ждал готовый рельсовый. Сердце билось как сумасшедшее, а руки, даже несмотря на то, что их не отпускал Габриэл, были ледяными. Когда все уже вылезли, я удержала его и убедилась, что двери надежно заперты и нас не слышат.

— Теана?

— Ты уверен, что тебе хватит сил справиться с Генри?

— Уверен, — мягко улыбнулся он. — Он еще ребенок. Сильный и безумный, но ребенок.

— Ты убьешь его?

— Если не останется выбора. В Эйнгории есть лечебница для таких, но его еще нужно как-то туда доставить. Это непросто и я должен взглянуть на его состояние.

Габриэл с тяжелым вздохом провел кончиками пальцев по моей щеке.

— Прости, надо было рассказать тебе, что Генри был болен. Но мне хотелось верить, что для него возможно счастливое будущее. Он всегда тяжело переживал, когда мы акцентировали внимание на его болезни. Мне жаль, что он испугал тебя и что пришлось так рисковать. Но я горжусь тем, какой рывок ты совершила в магии. Когда я приеду в Эйнгорию, я научу тебя множеству интересных штук.

— А что с Харальдом?

— Вас встретят мои люди. Они возьмут его под стражу. До момента, когда я смогу убедиться, что Лотнер не опасен и действительно готов говорить.

— А его магия?

— В пути, думаю, с вами ничего не случится. Избегайте разговоров с ним. А в Эйнгории со всплесками умеют бороться. Тебя удивит эта страна, Теана.

— Он правда мой отец? Ты сможешь выяснить?

— Конечно. Есть ритуал, который скажет наверняка. Но что ты думаешь сама?

— Я не знаю. То, что говорит Сибилла, звучит логично, но...

Я прерывисто вздохнула и закрыла глаза.

— Все, на чем стоял мой мир, рухнуло. Мама и папа, погибшие героями, оказались магами. Я спаслась не благодаря их любви, а благодаря своей силе. А потом оказалось, что мама и папа — вовсе не мама и папа, и Генри знал об этом, он женился, чтобы использовать меня. Мы так много говорили о том, что тогда случилось! Он слушал о моих родителях, а в мыслях держал то, что Лотнер...

— Знаешь, почему я не смог справиться с соблазном? Почему в тебя влюбился?

— Вряд ли потому что я симпатичная, да?

— Ты красивая. И забавная. И хороша в постели. Но еще ты умеешь принимать перемены. Умеешь думать и расстаешься с иллюзиями. Нелегко — и это правильно, потому что на том, во что ты веришь, нужно стоять до конца. Но ты готова к переменам, можешь слушать и, хоть в упертости очень похожа на Лотнера, все же способна меняться. Твои родители тебя любили, даже если ты была не их крови, все равно любили и прятали тебя от опасности. Как я любил Генри, как сына, хоть он всего лишь племянник. Ты теперь Гримвелл, так что идеально вписываешься в концепт нашей семейки.

Габриэл помог мне выйти из воида. Служащий в бордовой униформе уже ждал, готовый помочь мне подняться в вагон. Сибиллу и Харальда не было видно, наверняка уже устроились на местах, подальше друг от друга.

— Я уже не Гримвелл, — улыбнулась я. — Генри заставил меня подписать бумаги на развод, поэтому я снова Морнингблум.

— Какая ужасная новость, ведь я уже подписал для тебя открытку на день рождения. Теперь придется зачеркивать, исправлять... ужасная получится грязница.

Я закатила глаза, хотя хотелось хихикать и виснуть у него на шее. Я бы так и делала, если бы понимала, что будет дальше. Если бы знала, что Габриэл хочет этого «дальше».

— Ненавижу грязь в поздравительных открытках. Не хочешь что-нибудь сказать?

— Что? Извини, что развелась с твоим племянником? Хочешь, выйду замуж за того важного господина... помнишь, он напугал меня длинным тостом?

Габриэл расхохотался и заключил меня в объятия.

— Теана, это был мэр. Я имею в виду, что до твоего дня рождения еще много времени. И мы успеем вернуть тебе фамилию. Уже с нужной приставкой. Я, знаешь ли, хоть и Г.Гримвелл, не такое Г, как Генри. Более...

— Значимое?

— Адекватное.

— Ты так делаешь мне предложение?

— Я? Делаю? Предложение? Теана, тебя что, неправильно проинструктировали? Я никому не делаю предложений, я отдаю приказы. Понятно тебе?

— Ага, — счастливо вздохнула я. — Не хочу снова тебя отпускать. Ты едва не погиб.

— Это ненадолго. Мы спасаем Харальда, помнишь? Хотя за все нервы, что он мне вымотал, я должен его лично привести к законникам и отдать на эшафот.

— Габриэл!

— Все-все, я снова хороший. Иди в воид, детка. Дорога долгая, но я обещаю, Эйнгория тебе понравится.

Я обвила руками его шею, чтобы попрощаться. Руки Габриэла сомкнулись у меня на талии и на несколько секунд крепко-крепко сжали, а шеи, того участка кожи, что скрывали растрепавшиеся волосы, коснулись обжигающие губы. Коснулись нежно, опалив дыханием. Всего на секунду подарив миг абсолютного блаженства.

Который закончился, когда в утренней дымке, под большими бронзовыми часами, я увидела знакомую фигуру.

— Габриэл... — онемевшими губами прошептала я. — Он здесь. Генри здесь.

А вместе с ним — десяток крепких парней из числа личной охраны. Такие сопровождали всех Гримвеллов, за исключением Габриэла. Охраняли от желающих поквитаться с известной семьей. А сейчас защищали Генри от нас.

Габриэл подобрался. Я не впервые видела, как за секунду он становится готовым к атаке, но сейчас почему-то по коже прошелся мороз. Это была не темная тварь, не хищник в лесу и не законник, одержимый искоренением магии. Там стоял его племянник, мальчишка, которого вырастил дядя. Не жалея ни денег ни сил, растил

и защищал. Справился с тяжелой болезнью, принял невесту, до последнего давал шанс нашей любви, не зная, что ее и не было вовсе.

— Иди в воид, — бросил он мне.

— Нет!

— Теана, иди в воид, я сказал!

— Я тебя наедине с ним не оставлю.

— И что ты собираешься делать?

Я закусила губу. От страха слегка подташнивало: взгляд у Генри был совершенно безумный.

— Не знаю. Перемещусь ему на голову или доведу до истерики, мигая туда-сюда.

— В ВОИД! — рыкнул Габриэл, и меня как ветром сдуло.

Мы с Сибиллой одновременно прикинули к окнам, боясь лишь того, что воид сдвинется с места и унесет нас прочь от станции, в неизвестность. Но Генри махнул рукой распорядителю — и тот поднял над головой скрещенные руки. Запрет движения. Нас не отпустят, пока он не разрешит.

— Ничего не слышно! — раздраженно буркнула Сибилла.

Окно в воиде, кажется, открывали редко, но все же нам удалось сдвинуть его на несколько сантиметров и впустить в салон звуки улицы.

— Здравствуй, Генри, — миролюбиво улыбнулся Габриэл. — Рад видеть тебя.

— Куда-то собираешься?

— Провожая невесту в отпуск.

— Вот как. Невесту. — Генри хмыкнул. — С каких пор ты доедаешь за другими?

— А мне кажется, ты даже не успел надкусить.

— Я вам что, банан?! — возмутилась я.

Сибилла нервно хихикнула.

— Я успею все, когда разберусь с тобой. Привезу ее в дом и продержу пару месяцев на цепи. Думаю, она будет очень послушной и ласковой.

— Генри, что ты творишь... — Габриэл покачал головой.

— Давай, попробуй меня уговорить. Ну же, дядя, скажи, что поможешь мне. Скажи, что вылечишь меня. Давай-давай, будь заботливым папочкой.

Габриэл молчал. Мрачно смотрел на Генри и молчал, будто оттягивал момент решающих действий. Даже мне было больно смотреть на то, во что превратился улыбчивый парень, с которым мы гуляли вечерами. Пусть он и притворялся, но делал это мастерски.

— Господа! — Габриэл повернулся к охране. — Нужно напоминать, кто стоит перед вами? Поскольку с меня сняты все обвинения, я все еще ваш хозяин, а следовательно любая попытка выйти против меня приведет к последствиям.

Охранники переглянулись. Не знаю, что сказал им Генри, какой был изначальный приказ, но появление Габриэла их явно насторожило. Завещание Габриэла вступило в силу после его ареста, но теперь его отпустили, и стража явно не знала, к кому кинуться.

— Это семейное дело, — кивнул Габриэл. — Оставьте нас.

— Что они творят? — покачала головой Сибилла. — Они не могут устроить магический бой...

Она не договорила — Габриэл выбросил вперед руку, и огненный шар полетел в Генри. Ударился ему прямо в грудь и отбросил на несколько метров назад. Народ завизжал и бросился прочь от станции, а распорядитель в панике даже не запер дверь своей каморки. С упавшим сердцем я подумала, что Генри больше не встанет, но он поднялся. Усмехнулся, нарочито театральным жестом смахнул с рукавов черной кожаной куртки несуществующую пыль, и...

Теперь уже в Габриэла полетел точно такой же огненный шар, и он едва успел увернуться! Шар попал прямо в воид, отчего свет в салоне замигал и погас. А Сибилла в ужасе распахнула глаза.

— Нет... не может быть!

— Что?

— У него нет этого дара... он никогда не имел власти над огнем!

— И что? Не мог обучиться?

— Он хамелеон, — раздался голос Лотнера.

До сих пор законник сидел на заднем ряду в гордом одиночестве и ничем не выказывал интерес к происходящему.

— Что такое хамелеон? — спросила я.

— Подстраивается под магию, которую чувствует, — ответила Сибилла. — Редкий дар, очень опасный. У мага нет собственной активной силы, а внутреннюю энергию он облекает в то, что чувствует

от других магов. Невозможность обуздать и приручить свою силу приводит к безумию. Мы не думали, что так серьезно...

— Это плохо?

Я снова посмотрела в окно, где Габриэл и Генри схватились врукопашную. Кажется, Габриэл больше не рисковал применять магию и теперь просто пытался скрутить Генри. Я вскрикнула, когда в руке бывшего мужа сверкнул серебряный кинжал, а когда Генри ударил им Габриэла в живот, не справилась с магией.

— Теана, НЕТ! — слились воедино голоса Сибиллы и Харальда.

Но я уже появилась на платформе, готовая броситься к Габриэлу.

— Теана, в воид! — рявкнул он. — Это царапина!

Генри оглушительно расхохотался. Его безумный смех пронесся над станцией, эхом прокатился по пустому тоннелю. Миг — и он исчез, еще миг — стоит позади, сжимая в руках мою косу.

— Привет, любимая. Спасибо за новый опыт. Я еще никогда не перемещался. А ты знала, что я не прощаю измен?

Я захлебнулась криком, когда согретая кровью Габриэла сталь прорезала ткань пальто и вошла в тело. Внутри все взорвалось болью, а Генри вытащил нож и ударил снова. И снова, и снова, пока не подкосились ноги, а на губах не появился привкус крови. Его руки разжались, я рухнула на землю, как бесформенный мешок. Глаза застилала кроваво-красная пелена.

С трудом, едва не задохнувшись от боли, повернулась на спину. С кончика кинжала, что держал Генри, капала моя кровь. Его безумный взгляд станет последним, что я увижу, а если каким-то чудом все же выживу, никогда не сотрется из памяти.

— Скоро увидишь мамочку. Ты же так хотела быть для нее хорошей.

Генри отлично метал ножи, однажды в лунапарке он выиграл для меня большую игрушечную лесную мышку. Я видела, с каким мастерством и азартом он поражает небольшие мишени, с какой точностью лезвия входят в дерево. Доля секунды и нож, бывший еще недавно в руках Генри, со свистом летит в мишень.

Или в мое сердце.

Габриэл сбил Генри с ног, но кинжал уже полетел в мою сторону. И, несмотря на то, что тело оцепенело от боли, я мысленно сжалась в

ожидании удара, который оборвет мою жизнь теперь уже раз и навсегда.

Закружилась голова. Все вокруг поглотила тьма, и я почувствовала, как куда-то лечу.

«Будь хорошей девочкой, Теана», — наяву раздался мамин голос.

«Ничего не бойся, милая», — еще один, незнакомый женский.

«Все будет хорошо».

Последний голос принадлежал, кажется, Харальду.

Или Габриэлу?

Я бы хотела услышать его последним.

Здесь было темно, тепло и уютно. Знакомый запах старого дерева и пыли. Я чувствовала теплую кровь, ее запах и липкую вязкость. Вместе с кровью из меня вытекала жизнь, но я была рада умирать дома.

— *Теана... красивое имя, — говорит отец. — Что оно значит?*

— *Подарок Звездноликой. Те-ана. Ты знаешь легенду о дарах Звездноликой богини? Смертным даровали магию и технологию.*

— *А они все профукали. И теперь играют в войнушку, объявляя охоту на магов.*

Когда-то давно я уже чувствовала нечто похожее. Только не было так больно. Но я знала, что умру, и знала это сейчас. Давным-давно слушала крики родителей и почти мечтала умереть, оказаться как можно дальше от ожившего кошмара. А сейчас мечтала еще хотя бы разочек услышать бархатистый голос Габриэла. Почувствовать его губы. Согреться в руках.

— *Мама в детстве говорила, что однажды Звездноликая снова преподнесет свой дар. Он уничтожит давнюю вражду, сделав мир таким, каким он должен быть: безопасным, наполненным магией и техническими чудесами. Мы всегда прятались и боялись, и я мечтала, что вот-вот Звездноликая спустится, чтобы преподнести нам свой новый дар... потом пришло понимание, что богиня наверняка о нас и думать забыла. А потом у нас появилась Теана. Я решила, что, может, это и не тот дар, который изменит мир, но ведь нашу жизнь он меняет...*

Я не хотела умирать!

— *Оставлять ее опасно. Он может узнать девочку или заподозрить нас.*

— *Мы уедем. Уедем очень далеко. Прошу! Нельзя оставлять ее одну, нельзя отдавать ее ему, ты же видишь, какой сильный в ней дар! Пожалуйста!*

Найди меня, Габриэл. Найди, потому что я будто оказалась в одном из собственных кошмаров.

— *Теана. Погоди, любовь моя. Мне надо привыкнуть к мысли, что у меня теперь есть дочь.*

— Теана.

Я попыталась позвать отца, чей голос так давно не слышала, но вместо этого захлебнулась от боли и захрипела. Вокруг была лишь плотная густая тьма, а внутренности буквально раздирали на части.

— Тише! Не дергайся! Теана, пожалуйста, не дергайся, сейчас станет легче...

Я узнала голос Габриэла и успокоилась, хотя от боли из глаз хлынули слезы. Боль была такой адской, что я даже не почувствовала укол в шею. Зато потом по телу разлилось подлинное блаженство. И, будто резко включили свет, заработало зрение.

Впрочем, ничего, кроме белоснежного потолка какой-то комнаты, оно не показало.

— Габриэл?

— Я здесь, детка. Все в порядке. Ты будешь в порядке, только не делай резких движений. Хочешь немного воды?

К моим губам прижалась прохладная кружка с водой, и я сделала несколько жадных глотков.

— Где мы?

— В Эйнгории. В доме одной моей хорошей знакомой.

— Что за знакомая?

Послышался смешок.

— Одна из девушек, которую я спас. Она удачно вышла замуж за чармердского посла и... м-м-м... пользуется положением для продолжения моего дела. Они с мужем помогли нам въехать и получить право на жизнь в Эйнгории. Если проживем здесь десять лет, никуда не выезжая, то получим гражданство и забудем о Чармерде, как о страшном сне.

— Что? — Я с трудом приподнялась.

Комната напоминала нечто среднее между спальней и лекарской палатой. Помимо моей кушетки здесь стояли низенький столик и

небольшое кресло, в котором и расположился Габриэл. Возле кровати я увидела причудливую бронзовую конструкцию с резервуаром, полным жидкости, подозрительно напоминающей кровь.

— А...

— Не волнуйся. Я отвечу на все твои вопросы, только структурируй их и не задавай все сразу. А еще постарайся лежать, пока не опустеет капсула. Ты потеряла много крови.

Я снова опустилась на подушки. Несколько движений отняли последние силы.

— Что случилось на станции после того, как Генри ударил меня ножом?

— Он собирался убить тебя, ты испугалась и переместилась. Мы не знали, куда, но поняли, что времени мало. Ты бы истекла кровью, если бы мы не успели.

— Что с Генри?

— Мертв. Лотнер свернул ему шею.

— Мне жаль.

— Да, мне тоже. Но он ударил тебя ножом пять раз. Зверь, почувствовавший вкус крови, не может исцелиться. Для него это акт милосердия. Прости, что не предотвратил кошмар, который ты пережила. И прости, что не раскопал истинные мотивы женитьбы Генри.

— Никто бы не смог до такого додуматься. Ты не должен себя винить.

— Ты добрая девочка, Теана, но должен. Я малодушно скрыл болезнь Генри от всех, не готовый признать, что мальчик, которого я растил, стал безумным. Я не отнесся с должным вниманием к его скоропостижной женитьбе, поверхностно проверив лишь твое прошлое. Я легкомысленно отнесся к угрозе раскрытия магии, которая от тебя исходила и не захотел работать с тобой, как с другими девушками. Я собирался отправить тебя в лечебницу, место в которой куда больше подходило Генри. Я опоил тебя зельем и затащил в постель, хотя для определения этого поступка есть другое слово — и я не хочу его использовать, потому что не могу окончательно признаться в том, что я сволочь.

— Ты не сказал, что тебя могут арестовать и молча написал завещание, надеясь, что я проглочу его и просто счастливо буду жить

дальше.

— Виновен, — улыбнулся Габриэл. — Настоящий злодей.

— Еще какой. И свидание мне должен.

— Тысячу свиданий. До конца жизни. Каждый день по свиданию.

— Ловлю на слове. Как вы нашли меня? И где?

— Ну, я вспомнил твою историю, и подумал, что ты могла инстинктивно отправиться в место, которое прочно ассоциировалось с безопасностью — в старый дом твоих родителей. В потайной комнатке мы тебя и нашли. Счет шел на минуты, ты бы знала, какой бледной была, Теана! Я до смерти испугался.

— Прости. Я не хотела убегать, я...

Как раненая зверушка забилась в темную норку. И чуть было не попрощалась с жизнью.

— Законники действительно объявили Лотнера в розыск за колдовство, а после устроенного на станции у нас не было выбора. Мы взяли воид и по старой дороге вместе с тобой доехали до Эйнгории, где на границе нас уже ждали люди Шанель.

— И я перенесла дорогу? Выжила?

Помню, когда сбегала от Габриэла, я планировала потратить на старую дорогу почти день. Если счет шел на минуты уже в доме родителей, как они довезли меня до Эйнгории?

Габриэл заметно напрягся.

— Может, отдохнешь? Тебе нельзя много нервничать.

— Как ты себе это представляешь? Я буду лежать здесь, изнывая от неизвестности? Надумывая всякие ужасы?! Рассказывай до конца!

— Мы рисковали. Ты умирала, тебя бы приняли в госпитале, но тогда нам пришел бы конец, а затем и тебе, ведь магия могла проявиться. На решение была всего пара минут, и... мы вломились в лекарский магазин, взяли аппарат для переливания крови и рискнули. Я провел ритуал, который почти залечил твои раны, а потом мы влили в тебя немного крови Лотнера.

— Что вы сделали?! Без проверки на совместимость?!

— Это был единственный шанс. Мы надеялись, ты дотянешь до Эйнгории, а там разберемся. И ты дотянула. Сильная девочка.

— А там что? Тоже кровь? Чья?

— Харальда. Она тебе подшла. Мы немного накачали ее магией, чтобы ваши силы не срезонировали. Но это его кровь, и, предупреждая твои вопросы, он отдал ее добровольно и сейчас жив, хотя и несколько... гм... недоволен сложившимися обстоятельствами.

— Значит, он мой отец?

— Да. Он твой отец. Порой судьба отправляет нас бродить по причудливым тропам, любовь моя. Я почти не помню тебя ребенком. Но рад, что встретил сейчас.

— Значит, мы не вернемся в Чармерд? А как же твой род? Деньги? Все, чем ты так дорожил?

— Да плевать. Сибилла быстро сориентировалась и провернула наш любимый трюк. Заявила, что мы ее похитили и собирались сделать заложницей. Показательно сдала законникам пустую лабораторию, откуда я якобы вывез все оборудование и книги, изобразила возмущенную общественность — и уже продвигает право женщин рода Гримвеллов на передачу власти. Шикарная стерва, род с ней не пропадет. А я устал жить в войне. Хочу провести остаток дней в спокойной стране, рядом с любимой девушкой, воспитывать бананы и выращивать детей.

Он взял меня за руку, осторожно погладил и мягкими движениям начал массировать предплечье, которое адски ломило от толстой бронзовой иглы в вене.

— Как только ты поправишься, я покажу тебе Эйнгорию. Ты подумаешь, будто попала в другой мир. Чармерд — достаточно закрытая страна, а здесь все проще и... ярче, что ли. Здесь тебя не казнят за магию, здесь нашему ребенку не придется прятаться в потайной комнатке.

— Но для тебя ведь было важно помогать тем девушкам. Остаться в Чармерде и бороться.

— Сибилла уже основала школу-пансион для одаренных сирот, будет выявлять обладающих даром и отправлять на стажировку в Эйнгорию, а мы с тобой будем их здесь принимать. Стыдно признаться, но я жалею, что игнорировал ее хватку. Стратегия с пансионом выглядит более выигрышной, чем вечно пропадающие любовницы завидного холостяка.

— В разы, — фыркнула я. — А что с Харальдом? Что с ним будет?

— О, его ждет долгий процесс принятия своего дара и того факта, что его дочь мало того, что колдунья, так еще и моя невеста. Но пока он опасен для всех нас, Шанель не выпустит его из комнаты. Так что...

— Вы заперли Харальда в комнате?

— Ага. И надеюсь, что как только ты поправишься, то поможешь ему.

— Я тебя ненавижу.

— Врешь.

— Вру. Я в тебя влюблена.

— Нет, ты меня любишь. Ты или сумасшедшая, раз из-за какой-то влюбленности чуть не погибла, спасая меня от казни, или любишь.

— У тебя самомнение размером с рельсовый воид!

— Что?! Да как ты смеешь так говорить?! Больше!

Я засмеялась, но тут же поморщилась, ведь несмотря на обезболивающее, не до конца затянувшиеся раны еще беспокоили.

— Теана, — произнес Габриэл после долгой паузы, — можно тебя кое о чем спросить?

— Конечно.

— Ты боишься меня?

Я удивленно моргнула. Осторожно, чтобы не выдернуть иглу, устроилась поудобнее и посмотрела на Габриэла, пытаюсь понять, чем вызван этот вопрос. Но я никогда не умела читать мысли, а уж его — тем более.

— Почему я должна бояться тебя?

— Я часто довольно жестко с тобой обходился.

— Ты уже просил за это прощения.

— Я испугался, что ты можешь умереть и не узнать, что бывает по-другому. Без угроз, условий и запертых дверей. Ты сможешь остаться со мной?

— Да, Габриэл. Я хочу остаться с тобой. Все еще хочу.

Он протянул руку, чтобы погладить меня по волосам. Ласковый теплый жест, вдруг подаривший ощущение абсолютной безопасности. Так внезапно и неожиданно убедивший в том, что у меня снова есть семья. Чувство спокойствия и знания, что пока папа с мамой рядом, ничего плохого не случится, раньше хранившееся только в воспоминаниях колдовским образом трансформировалось в

уверенность, что теперь, пока рядом Габриэл, можно закрыть глаза и не видеть кошмаров.

— Поспи немного. Только никуда не исчезай, хорошо? Если станет страшно, просто позови. Я разберусь с любым кошмаром, обещаю.

* * *

Эйнгория, как и предполагал Габриэл, меня поразила. Теплом, светом, совершенно другой атмосферой. Я родилась и выросла в Чармерде и даже не думала, что соседняя страна может так отличаться от нашего королевства.

Наверное, это была иллюзия, но здесь даже легче дышалось. Конечно, магия не была в порядке вещей и формально за колдовство наказывали даже в Эйнгории, но как же здорово было жить, не чувствуя липкого холодного страха за себя и близких! Потому что за колдовство отныне грозила не смертная казнь, а всего лишь ночь в изоляторе и крупный штраф. Ну а если магия практиковалась на частной территории и никому не вредила, то всем вообще было плевать. Оказалось, не так-то просто к этому привыкнуть и перестать прятаться.

Мне даже казалось, что цвета вокруг были ярче. В противовес дождливому и мрачному Чармерду светлые, окрашенные золотистым солнечным светом, дома казались сказочными замками. Я любила часами бродить по городу, спускаться к пляжу и слушать набегающие на камни волны. Заходить в кондитерскую, где добрая разговорчивая владелица всегда угощала меня эклером и чаем, а я в ответ покупала сладостей на всех обитателей дома, включая прислугу.

А еще мне понравились южные наряды. Легкие, открытые, яркие — при виде них у Габриэла загорались глаза. Я наслаждалась отсутствием строгих правил и не менее строгих наказаний за их нарушение.

Габриэл, конечно, безбожно врал, утверждая, что планирует вести праздный образ жизни богача в отставке. Во-первых, Сибилла не забывала присылать девушек, нуждавшихся в убежище. А во-вторых разве мог Габриэл Гримвелл оставаться в стороне, в то время как в

парламенте шли дебаты о легализации магии? Да он дневал и ночевал в совете! Порой я подумывала обидеться на то, что мы так мало времени проводим вместе, но...

— Если магия станет легальной, Эйнгория сможет давить на Чармерд. Они застряли в прошлом веке. Нужен кто-то, кто поведет за собой и докажет, что колдовство само по себе — не зло и не добро, а просто навык, способность. Если магия станет здесь легальной, то совет сможет ставить условия Чармерду. Они не смогут закрыться, будут вынуждены ослаблять законы. Первоочередная задача: добиться отмены смертной казни. А дальше посмотрим, — говорил Габриэл.

И я послушно вздыхала, понимая, что глобальные изменения куда важнее моря, которое сегодня изумительно красиво волновалось, восхищая меня мощью и красотой.

Обычно я возвращалась с прогулки и сразу шла на ужин, но сегодня немного задержалась. Вымыла руки, вытащила из бумажного пакета эклеры, водрузила их вместе с чаем на серебряный поднос и отправилась наверх, к Харальду.

— Можно? — осторожно заглянула в апартаменты.

Он сидел в кабинете, что-то читал, опустив очки на самый кончик носа. Мне всегда становилось неуютно, когда я входила в комнаты, выделенные Лотнеру. Я чувствовала себя последней сволочью, отпирая его дверь ключом и запирая после того, как выходила. Муж Шанель запрещал выпускать Харальда до момента, пока он не научится контролировать магию. А он учиться не желал и, кажется, продолжал ненавидеть Габриэла, а вместе с ним и меня. Только вот зачем тогда дал свою кровь? Почему просто не позволил мне умереть, отомстив всем и сразу?

Все равно он не признавал во мне дочь. Даже не пытался.

— Я принесла эклеры и чай. Сегодня прохладно. Шторм.

Лотнер только пожал плечами, и я вздохнула. Холодный прием — вот то неизменное, что каждый раз ждало меня в его апартаментах. Сколько ни старайся, сколько ни приходи. Я долго не решалась с ним даже заговорить.

— Харальд... я не поблагодарила вас за кровь. Вы спасли мне жизнь, спасибо.

— Не за что. Это все? Можешь забрать сладкое, я не буду.

— Поговорите со мной, — попросила я.

Получилось куда жалобнее, чем хотелось.

— Мой мир рухнул. Мама и папа оказались неродными. Я ничего о вас не знаю. Ничего не знаю о маме. Какой она была? Как вы познакомились?

Харальд угрюмо молчал, продолжая сверлить взглядом книгу. Впрочем, не переворачивая страницы вообще. Он вряд ли понимал, что читает, скорее, просто считал секунды до момента, когда я уйду. И зачем я вообще к нему приходила?

— Ладно. Забудьте. Извините, что помешала.

Я поднялась с софы, на которой сидела, и вдруг охнула, согнувшись почти пополам.

— Что?

Харальд поднялся, едва успел подхватить меня и усадить обратно. У него оказались удивительно горячие ладони. Или это я так замерзла? Во всяком случае, меня била мелкая дрожь, но, наверное, больше от волнения.

— Ничего, — выдохнула я. — Все в порядке.

— Заметно. Ты вообще восстановилась? Или носишься с едва затянувшимися ранами? Дай сюда, посмотрю.

— Все в порядке. Я просто...

Густо покраснела и отвернулась.

— Я просто беременна. Мне иногда бывает плохо. Это нестрашно.

— Вот как, — спустя долгую паузу произнес Харальд. — Гримвелл знает?

— Еще нет. Я сегодня ходила к врачу. Немного страшно. Прошло всего ничего после того, как Генри... и вообще я даже не знаю, нужен ли Габриэлу ребенок. Если все его чувства не серьезны... я не хочу снова остаться одна.

Я затихла, вслушиваясь в хаотичные удары сердца. Оно снова билось так, как ему вздумается. Почему я не могу быть такой же хладнокровной, как Габриэл? И почему так плохо знаю людей? Я совершенно не ожидала, что Харальд вдруг заговорит:

— Твоя мама тебя любила. Она бы порадовалась, что тебя вырастили хорошие люди. Думаю, это устроило бы ее больше, чем если бы ты осталась со мной. Я бы довел тебя до виселицы.

Удивленно моргнув, я посмотрела на Харальда и... в один миг поняла, что мы оба с Габриэлом дураки. И что Лотнер злился не на нас за вынужденное заточение и не на статус беглого колдуна в Чармерде, а на себя. За ненависть к магии, едва не погубившей всех, за найденную дочь, которую считал мертвой, за то, что вся жизнь и убеждения в ней оказались ложью.

Я накрыла его руку своей, чувствуя, как становится немного теплее.

— Я жалею, что выросла в приюте, а не с вами. Я очень люблю родителей и никогда не забуду, что они спасли меня. Но мне бы хотелось узнать, что такое иметь отца.

— Я не умею им быть, Теана, — покачал он головой.

— Вы ведь искали меня. Это уже кое-что.

— Иди-ка на кухню и поешь. Твоя мама во время беременности совсем не чувствовала голод и порой падала в обмороки. Поэтому иди ужинать.

— Можно я оставлю эклеры и чай? Поднос тяжелый, я не донесу.

— Оставь.

Харальд проводил меня до двери и замешкался прежде, чем сказать:

— Приходи после ужина. Эклеры тебя подождут.

— Приду, — улыбнулась я. — Спасибо.

Ему эти слова дались с трудом, но каждое того стоило.

Я выскользнула из апартаментов и, после недолгих раздумий, убрала ключ в самый дальний карман, так и не воспользовавшись им. Нельзя держать взаперти того, кого пытаешься полюбить. Я это точно знаю.

— Ага! — услышала голос Габриэла и подскочила.

— Звездолика! Ты напугал меня до смерти! Ты рано, что-то случилось?

— Решил навестить любимую девушку.

Он наклонился, чтобы коснуться губ поцелуем, замедлить несколько сладких мгновений, когда внутри все сжимается от желания.

— Может, объяснишь, что это было?

— Ты подслушивал?

— И даже подглядывал. А ты думала, я отпущу тебя к нему без пригляда? Так что это было, Теана Гримвелл? И зачем ты выставила

меня злобной сволочью, которая может не принять ребенка? И почему тебе плохо, ты что, не пьешь зелья, которые я для тебя сварил?

Пришлось признаться, я все равно не умела ему врать:

— Мне не плохо. И я не считаю тебя злобной сволочью. Просто...

— Просто что?

— Я притворялась. Хотела, чтобы он меня обнял. Хотела убедиться, что я нужна ему. И что у меня есть шанс найти отца. По-настоящему найти, понимаешь?

— Понимаю. — Габриэл посмотрел с сочувствием. — И как успехи?

Я запрокинула голову и рассмеялась. На душе было легко и весело.

— Если меня обнимешь еще и ты, то я стану самым счастливым человеком на свете.

Стала.

И заодно ответила на очень важный философский вопрос. Что лучше: попасть в лапы жуткого мага, жаждущего мести или застрять в грозу посреди леса? Однозначно второе. Так гораздо интереснее!